

14

№ 67

Отпечатано для Издательства писателей в Ленинграде гос. тип. им. Евг. Соколовой, в количестве 3.200 экземпляров — 10¹/₂ л. Заказ № 1758. Ленинградский Областлит № 35129. Супербложка и переплет М. Кирнарского

L. S. Lowry

L. S. Lowry
1915

СОБРАНИЕ ПРОИЗВЕДЕНИИ
ВЕЛИМИРА ХЛЕБНИКОВА

ТОМ II

ПОД ОБЩЕЙ РЕДАКЦИЕЙ Ю. ТЫНЯНОВА И Н. СТЕПАНОВА

ТВОРЕНИЯ

1906—1916

Редакция текста
Н. Степанова

ИЗДАТЕЛЬСТВО ПИСАТЕЛЕЙ В ЛЕНИНГРА
1930

В „Девьем боге“ я хотел взять славянское чистое начало в его золотой липовости и нитями, протянутыми от Волги в Грецию. Пользовался славянскими полабскими словами (Леуна).

В. Брюсов ошибочно увидел в этом словотворчество.

В „Детях Выдры“ я взял струны Азии, ее смуглое чугунное крыло и, давая разные судьбы двоих на протяжении веков, я, опираясь на древнейшие в мире предания орочей об огненном состоянии земли, заставил Сына Выдры с копьем броситься на солнце и уничтожить два из трех солнц — красное и черное.

Итак, Восток дает чугунность крыл Сына Выдры, а Запад — золотую липовость.

Отдельные паруса создают сложную постройку, рассказывают о Волге, как о реке индоруссов, и используют Персию, как угол русской и македонской прямых. Сказания орочей, древнего амурского племени, поразили меня, и я задумал построить обще-азиатское сознание в песнях.

В „Ка“ я дал созвучие „Египетским Ночам“, тяготение метели севера к Нилу и его зною.

Грань Египта взята — 1378 год до Р. Хр., когда Египет сломил свои верования, как горсть гнилого хвороста, и личные божества были заменены Руко-волосым Солнцем, сияющим людьми. Нагое Солнце, голый круг Солнца, стал на некоторое время, во-

лею Магомета Египта — Аменофиса IV, единым божеством древних храмов. Если определять землями, то в „Ка“ серебряный звук, в „Девьем боге“ золотой звук, в „Детях Выдры“ — железно-медный.

Азийский голос „Детей Выдры“;

Славянский „Девьего бога“, и

Африканский „Ка“.

„Ви́ла и Леший“ союз балканской и сарматской художественной мысли.

Город задет в „Маркизе Дезэс“ и „Чортике“.

В статьях я старался разумно обосновать право на провидение, создав верный взгляд на законы времени, а в учении о слове я имею частые беседы с $\sqrt{\text{— —}}$ Лейбница.

„Крымское“ написано вольным размером.

Мелкие вещи тогда значительны, когда они так же начинают будущее, как падающая звезда оставляет за собой огненную полосу; они должны иметь такую скорость, чтобы пробивать настоящее. Пока мы не умеем определить, что создает эту скорость. Но знаем, что вещь хороша, когда она, как камень будущего, зажигает настоящее.

В „Кузнечике“, в „Бобеоби“, в „О, рассмейтесь“ были узлы будущего — малый выход бога огня и его веселый плеск. Когда я замечал, как старые строки вдруг тускнели, когда скрытое в них содержание становилось сегодняшним днем, я понял, что родина творчества — будущее. Оттуда дует ветер богов слова.

Я в чистом неразумии писал „Перевертень“ и, только пережив на себе его строки: „чин зван... мечом навзничь“ (война) и ощутив, как они

стали позднее пустотой, „пал а норов худ и дух ворона лап“, — понял их как отраженные лучи будущего, брошенные подсознательным „я“ на разумное небо. Ремни, вырезанные из тени рока, и опутанный ими дух остаются до становления будущего настоящим, когда воды будущего, где купался разум, высохли и осталось дно.

Найти, не разрывая круга корней, волшебный камень превращения всех славянских слов, одно в другое — свободно плавить славянские слова, вот мое первое отношение к слову. Это самовитое слово вне быта и жизненных польз. Увидя, что корни лишь призрак, за которыми стоят струны азбуки, найти единство вообще мировых языков, построенное из единиц азбуки — мое второе отношение к слову. Путь к мировому заумному языку.

Во время написания заумные слова умирающего Эхнатена „манч, манч!“ из „Ка“ вызывали почти боль; я не мог их читать, видя молнию между собой и ими; теперь они для меня ничто. Отчего — я сам не знаю.

Но когда Давид Бурлюк писал сердце, через которое едут суровые пушки будущего, он был прав, как толкователь вдохновения: оно — дорога, копыта будущего, его железных подков.

„Ка“ писал около недели, „Дети Выдры“ — больше года, „Девий бог“ — без малейшей поправки в течение 12 часов письма, с утра до вечера. Курил и пил крепкий чай. Лихорадочно писал. Привожу эти справки, чтобы показать, как разнообразны условия творчества.

„Зверинец“ написан в Московском зверинце.

В „Госпоже Ленин“ хотел найти „бесконечно-мадые“ художественного слова.

В „Детях Выдры“ скрыта разнообразная работа над величинами — игра количеств за сумраком качеств.

„Девий бог“, как не имеющий ни одной поправки, возникший случайно и внезапно как волна, выстрел творчества, может служить для изучения безумной мысли.

Так же внезапно написан „Чортик“, походя на быстрый пожар пластов молчания. Желание „умно“ — а не заумно, понять слово привело к гибели художественного отношения к слову. Привожу это как предостережение.

Законы времени, обещание найти которые было написано мною на березе (в селе Бурмакине, Ярославской губернии) при известии о Цусиме, собирались 10 лет.

Блестящим успехом было предсказание, сделанное на несколько лет раньше, о крушении государства в 1917 году. Конечно, этого мало, чтобы обратить на них внимание ученого мира.

Заклинаю художников будущего вести точные дневники своего духа: смотреть на себя как на небо и вести точные записи восхода и захода звезд своего духа. В этой области у человечества есть лишь один дневник Марии Башкирцевой — и больше ничего. Эта духовная нищета знаний о небе внутреннем самая яркая черная Фраунгоферова черта современного человечества.

Закон кратных отношений во времени струны человечества мыслим для войн, но его нельзя по-

строить для мелкого ручья времени отдельной жизни — отсутствуют опорные точки, нет дневников.

В последнее время перешел к числовому письму, как художник числа вечной головы вселенной, так, как я ее вижу, и оттуда, откуда ее вижу. Это искусство, развивающееся из клочков современных наук, как и обыкновенная живопись, доступна каждому и осуждено поглотить естественные науки.

Я ясно замечаю в себе спицы повторного колеса и работаю над дневником, чтобы поймать в сети закон возврата этих спиц.

В желании ввести заумный язык в разумное поле вижу приход старой спицы моего колеса. Как жалко, что об этих спицах повтора жизни я могу говорить только намеками слов.

Но может быть скоро мое положение изменится.

В. Глеб Николь

Мы желаем звездам тыкать,
Мы устали звездам выкать,
Мы узнали сладость рыкать.
Будьте грозны как Острица,
Платов и Бакланов,
Полно вам кланяться
Роже басурманов.
Пусть кричат вожаки,
Плюньте им в зенки!
Будьте в вере крепки,
Как Морозенки!
О, уподобьтесь Святославу, —
Врагам сказал: иду на вы!
Померкнувшую славу
Творите, северные львы.
С толпою прадедов за нами
Ермак и Ослябя.
Вейся, вейся, русское знамя,
Веди через сушу и через хляби!
Туда, где дух отчизны вымер
И где невери в пустыню,
Идите грозно как Владимир,
Или с дружиною Добрыня.

Неголи легких дум
 Лодки направили к легкому свету.
 Бегали легкости в шум,
 Небыли нету и нету.
 В тумане грезобы
 Восстали грезोगи,
 В туманных тревогах
 Восстали чертоги.
 В соногах-мечтогах
 Почил он, почему у черты?
 В чертогах - грезогих
 Почил он, почил у мечты.
 Волноба волхвобного вира,
 Эвеноба немобного яра,
 Ты все удалила, ты все умилила,
 О тайная сила,
 О кровная мара.
 В яробе немоты
 Игнали и журчали
 Двухзвонкие мечты,
 Будутные печали.
 Хитрая нега молчания,
 Литая в берегах звучания, —
 Птица без древа звучание.
 — О взметни свои грустилья,
 Дай нам на небо взойти,
 Чтобы старые постылья
 Мы забыли, я и ты!

Веязь сил молодых,
Веязь диких бледных сил,
Уносил в сон младых,
В сон безмерно голубых . . .
За осокой грёзных лет
Бегут струи любвины;
Помнит, помнит человек
Ковы милой старины.
Знает властно-легкий плен,
Знает чары легких мен,
Знает цену вечных цен.

Поюнности рыдальных склонов,
Знаюнности сияльных звонов
В венок скрутились
И жалом многожалым
Чело страдальное овили.
И в бездумном игрании играний
Расплескались яри бываний!

Нежец тайностей туч,
Я в сверкайностях туч.
Пролетаю, летаю, лечу.
Улетаю, летаю, лечу.
В умирайнах тихих тайн
Слышен голос новых майн.
Я звучу, я звучу . . .
Сонно-мнимой грезы неголь,
Я — узывностинь мечты.
Льется, льется пленность берегов,
Вьются дети красоты.
Сумная умность речей

Зыбко колышит ручей,
Навий налет на ручей
— Роняет,
Ручей белых нежных слов,
Что играет
Без сомнения, без оков.

— О яд не наших мчаний в поюнность
высоты

И бешенство бываний в страдалях немоты.
В думком мареве о боге
Я летел в удел зари...
Обгоняли огнебоги,
Обгоняли жарире.
Обожелые глаза!
Омирелые власа!
Овселенная рука!
Орел сумеречных крыл
Землю вечером покрыл.
„Вечер сечи ведьм зари“.
Прокричали жарире.
Мы уселись тесным рядом.
Видеть нежить люди рады.

ЛЮБАВИЦА

Я любиры затопил в ночеснежном серебре.
Красотиною купил — быть в зол пленнике добре.
Я играя, я игл рая та, что венковна зим мной.
Простирая „прости“ грая, я вран врат златых
весной.

Я ночей стооких зной,
Я обруч на лице чела речной.
Я обруч голубой вонзил в моих кудрей волну.
Я вопль мой о той вложил в дивес длину.
Что вечный в лобзевре цвeток
Отверг свое люблю! Люблю ее поток
Моих то шире, то бедней,
То богом, то людьми стремящихся с безумьем
дней.

Я любистель! Я негистель!
Воин лобзеврянных метель!
Но лишь край груди омочу
О край волнистый лобзевр волн,
Я воин, отданный мечу,
И снова тоск гремящих полн.
Я любовы темной ясень,
Я глазами в бровях ясен.
Я любавец! Я красавец!
Я пою скорей плясавец
Ночи, неба и зари
— Так велели кобзари.
Я негиня, я богиня
В звонкой радости полей,

Я негиня, я богиня
Быть смеянственно голей.
Звездный иней, звездный иней
Будь, упав на звук, смелей!
Людей когда-нибудь обовет надежды!
Будь моих нежин одеждой!
Пусть соединенный говор пляск
Пронзит меча на бедрах ляг.
И пусть коснется лобзебро
Врагу пронзившего ребро:
Ими, ими, имя, имя
Предков душами овьем.
Снимем, снимем, с ними, с ними
Сеть сотканную навьем.
Звонко-ль, ясно, тихо-ль, худо-ль
В этом есть удаль.
О мчи мечи наш
Крик бегущий, тишинами.
Мы устали быть не нами!
Так и так, вот так, вот так—
Любавица и лешак
Пели,
Пока уста коней кипели.

Грезирой из камня немот
Я высек чертоги грезини - немог.
Я в тебя молитвой мечу
Мира славный жародей!
О, пошли ты мне навстречу
Стаю легких жарирей,
Мечу видеть огнезарную
Стаю вольных жарирей,
Дабы радугой стожарной
Вспыхнул морок наших дней.
Призрак быстрых жарирей,
Журчаль искрящихся ручьев,
Печаль сонных соловьев,
Бежаль реки, по что, куда?
Видаль руки, чисты года,
Мне жаль струин родна вода.
Стоналями скрипели сосны,
Одевши золотом низы,
Плескаями бьют волны косны
В мир купавы и лозы.
Милочь и любочь счастливой четой
Идут вдвоем по тропинке глухой,
А за ними вдали голубая река
Катит валами всегда глубока.
А над ними шатры хвои синеседой,
А за ними пастух, одинокий, молодой.
Обожелые глаза! Омирелые власа!
Высоги, низоги в зеркальной воде—

Там облака, здесь облака
Делит река на два ряда.
Босенсь и бесенсь
На зеленой травушке—
То богиня, то бегиня,
Где цветут купавушки.
Плясарышни вид
Страсти и дик,
Венком из гвоздик
Лоб перебит.
Краснотинеющие зори
Застали встанственного утра.

Радой Славун, родун Славян,
 Не кажи, не кажи своих ран!
 Расскажи, расскажи про ослаби твои,
 Расскажи, расскажи, как заслави твои полонила
 волна неми с запада яростно бьющей...
 Расскажи, расскажи, как широкое плесо быловой
 реки замутилось-залилось наплывом-наливом
 влияний иных:
 Иной роди, иной крови, иной думи, иных речей,
 иных бытей.

— Инобыти.

Я и сам бы сказал, я и сам рассказал,
 Протянул бы на запад клянущую руку, да всю
 горечь свою, да все яды свои собираю, чтоб
 кликнуть на запад и юг свою весть, свою
 веру, свой яр и свой клич.
 Свой гневный, победный, воинственный клич:
 „Напор славы единой и цельной на нь!“
 По-солонь, слава. За солнцем, друзья,—на запад
 за солнечным ходом, под прапором солнца
 идемте друзья, — на запад за солнечным
 ходом.

— Победная славь да идет.

Да шествует!

Пусть в веках и реках раздается тот пев:
 „Славь идет! Славь идет! Славь восстала...“
 Пусть в веках и реках раздается запев:
 „Славь идет! Славь идет! Славь восстала!“

ПОГОНЩИК СКОТА, СОЖРАННЫЙ ИМ

В ласкающем воздуха леготе,
О, волосы, по плечу бегайте.
Погонщик скота Твердислав
Губами стоит моложав.
Дороги железной пред ним полотно,
Где дальнего поезда катит пятно.
Или выстукивай лучше колеса,
Чтоб поезд быстрее и яростней неся,
Или к урочному часу спеши
И поезду прапором красным маши.
Там за страную зеленой посева
Слышишь у иволги разум напева.
Юноша, юноша идем и ты
Мне повинуйся и в рошу беги,
Собирай для продажи цветы,
Чугунные уж зашатались круги.
Нет подъехал тяжело поезд —
Из железа темный зверь —
И совсем не беспокоясь
Потянул погонщик дверь.
Сорок боровов взвизгнуло,
Взором бело-красных глаз
И священного разгула
Тень в их лицах пронеслась.
Сорок боровов взвизгнуло,
Возглашая: смерть надежде!
Точно ветер дуя в дуло,
Точно ветер тихий прежде.

Колеса несутся, колеса стучат!
Скорее, скорее, скорей!
Сорок боровов молчат,
Древним разумом зверей урчат!
И к задумчивому вою
Примешался голос страсти:
Тело пастыря живое
Будет порвано на части.

1

Вы помните о городе, обиженном в чуде,
Чей звук так мило нежит слух,
И, взятый из языка старинной Чуди,
Зовет увидеть вас пастух,
С свирелью сельской (есть много неги в сель-
ском имени),

Молочный скот с обильным выменем,
Немного робкий перейти реку, журчащий брод.
Все это нам передал в названьи чужой народ.
Пастух с свирелью из березовой коры
Ныне замолк за грохотом иной поры.

Где раньше возглас раздавался мальчишески-
прекрасных труб —

Там ныне выси застит дыма смольный чуб.
Где отражался в водах отсвет коровьих ног,
Над рекой там перекинут моста железный по-
лувенок.

Раздору, плахам—вчера и нынче—город ясли.
В нем дружбы пепел и зола, истлев, погасли.
Когда-то, понутив голову, стрелец безмолвно
шеествовал за плахой.

Не о нем ли в толпе многоголосой девичий
голос заплакал?

В прежних сил закат,
К работе призван кат,
А впрочем, все страшней и проще:
С плодами тел казненных на полях не выра-
стают рощи.

Казнь отведена в глубь тайного двора—
Здесь на нее взирает детвора.
Когда толпа шумит и веселится,
Передо мной всегда казненных лица.
Так и теперь: на небе ясном тучка —
Я помню о тебе, боярин непокорный Кучка!

2

В тебе, любимый город,
Старушки что-то есть.
Уселась на свой короб
И думает поесть.
Косынкой замахнулась — косынка не простая:
От и до края летит птиц черных стая.

Смугол, темен и изящен,
Не от тебя ли, незнакомец, вчера
С криком — „маменьки! он страшен!“ —
Разбежалась детвора?
Ты подошел, где девица:
„Позвольте представиться!“
Взял труд поклониться
И намекнул с смешком:
„Красавица!“
Она же, играя печаткой,
Тебя вдруг спросила лукаво:
„О, сударь, с красною перчаткой,
О вас дурная очень слава?“

— „Я не знахарь, не кудесник.
Верить можно ли молве?
Знайте, дева, я ровесник“.
Она-же: „Извините!
Задумчивый какой!“
Летят паучьи нити
На синий водопой.

Пошли по тропке двое,
И взята ими лодка.
И вскоре дно морское
Уста целовало красотке.

Осин серебряные бревна
Сумрак пронзили седой
И стоят две водяные царевны,
Одежды зеркальной водой.
Они, серебряною зыбью
Замутив реки залив,
Ночью купая тело рыбе,
От ткани тайну оголив,
Одели свой передник
Из тонких водных трав.
Молчит их собеседник —
Любви ночной устав.
Сияют лебеди как свечи,
И конь с челом воинственным
Ступает издалеча,
Как жрец любви таинственный.
Священно смуглые лопатки
Цветком венчанного коня
И в переливчатые складки
Упала наземь простыня.
На травы и подковы
Упали чистые покровы
С добычи тучных ног —
То радости чертог.
Не две восковые свечи прудов,
Лебяжья думает чета.
О, белые тени белых лугов!
О, белая ночь и высота!

Мне видны — Рак, Овен,
И мир лишь раковина,
В которой жемужиной
То, чем недужен я.
В порохов свисте шествует стук вроде „Ч“,
И тогда мне казались волны и думы — родичи.
Млечными путями здесь и там возникают
женщины.

Милой обыденщиной
Напоена мгла.
В эту ночь любить и могила могла...
И вечернее вино
И вечерние женщины
Сплетаются в единый венок,
Которого брат меньший я.

Были вещи слишком сини,
Были волны — хладный гроб.
Мы под хохот небесини
Пили чашу смутных мроб.
Я в волне увидел брата,
Он с волною спорил хлябей
И туда, где нет обрата,
Броненосец шел „Ослябя“.
Над волной качнулись трубы,
Дым разорван был в кольцо,
Я увидел близко губы,
Брата мутное лицо.
Над пучиной емля угол,
Толп безумных полон бок,
И по волнам кос и смугол
Шел японской роты бог.
И тогда мои не могут более молчать уста!
Перун толкнул разгневанно...
И, млат схватив, стал меч ковать из руд,
Дав клятву показать вселенной,
Что значит русских суд!
В бурунах пучины седых,
В зелено-тяжких водах
Пловцы бросают смертный дых,
И смерть была их отдых.
Было человечественной
Сыто море пеной,
Оно дрожало ходуном

И голосом всплеснули до вселенной:
Измена, братия, измена!
Карая на наш род багром.
Бойтесь, о бойтесь, монголы,
И тштитесь в будущем узреть Ниппон,
Свои поля от жертвенных чертогов голы,
А над собой наш ликующий закон.
Было монистом из русских жизней
В Цусиме повязано горло морей,
Так куритесь же, ниппонские тризны,
Когда на нас подунет снова Борей.
Быть ожерельем из русских смертей —
Цусимы сладостный удел.
Что Руси рок в грядущем чертит,
Не ужаснулся, кто глядел.
Ее вздымается глава
Сквозь облаков-времена,
Когда истлевшие слова
Стали врагов ее имена.
Слушайте, слушайте, дети, тревога
Пусть наполняет бурые лица:
Мы клятву даем:
Вновь оросить своей и вашей
Кровию — сей сияющий
Беспредельный водоем.
Раздается Руси к морю гнев,
Не хочешь быть с Россией, с ней?
Так, чашей пучины зазвенев,
Кровями общими красней!
Такиты, Ниппон, растерзан был ее орлиным лётom
И чтения о тебе — лекарством от зубной боли,
с крысиным наравне пометом.

Зубной боли!
Чего ж ты хочешь более?
Туда, туда она направит лет орлицы!
Бледнейте, смуглые японцев лица.

Были наполнены звуком трущобы
Лес и звенел и стонал,
Чтобы
Зверя охотник копьем доканал.
Олень, олень, зачем он тяжело
В рогах глагол любви несет?
Стрелы вспорхнула медь на ляжку,
И не ошибочен расчет.
Сейчас он сломит ноги о земь
И смерть увидит прозорливо,
И кони скажут говорливо:
„Нет, не напрасно стройных возим“.
Напрасно прелестью движений
И красотой немного девьего лица
Избегнуть ты стремился поражений,
Копьем искавших беглеца.
Всё ближе конское дыханье,
И ниже рог твоих висенье,
И чаще лука трепыханье,
Оленю нету, нет спасенья.
Но вдруг у него показались грива
И острый львиный коготь,
И беззаботно и игриво
Он показал искусство трогать.
Без несогласья и без крика
Они легли в свои гробы,
Он же стоял с осанкою владыки —
Были созерцаемы поникшие рабы.

ЗАКЛЯТИЕ СМЕХОМ

О, рассмейтесь, смехачи!

О, засмейтесь, смехачи!

Что смеются смехами, что смеяньствуют смеяльно,

О, засмейтесь усмеяльно!

О рассмешищ надсмеяльных — смех усмейных
смехачей!

О, иссмейся рассмеяльно смех надсмейных
смеячей!

Смейво, смейво,

Усмей, осмей, смешики, смешики,

Смеюнчики, смеюнчики.

О, рассмейтесь, смехачи!

О, засмейтесь, смехачи!

Бобэ̀оби пелись губы
Вэ̀э̀оми пелись взоры
Пиэ̀э̀о пелись брови
Лиэ̀э̀эй — пелся облик
Гзи-гзи-гзэ̀о пелась цепь,
Так на холсте каких-то соответствий
Вне протяжения жило Лиц.

Крылышкауя золотописьмом
Тончайших жил
Кузнечик в кузов пуза уложил
Прибрежных много трав и вер
Пинь, пинь, пинь! тарарахнул зинзивер.
О лебедиво.
О озари!

На острове Эзеле
Мы вместе грезили.
Я был на Камчатке,
Ты теребила перчатки.
С вершины Алтая
Я сказал „дорогая“.
В предгорьях Амура
Крылья амура.

Кому сказатеньки,
Как важно жила барынька,
Нет не важная барыня,
А так сказать лягушечка:
Толста низка и в сарафане,
И дружбу вела большевитую
С сосновыми князьями.
И зеркальные топила
Обозначили следы,
Где она весной ступила
Дева ветреной воды.

Чудовище — жилец вершин,
С ужасным задом,
Схватило несущую кувшин,
С прелестным взглядом.
Она качалась точно плод
В ветвях косматых рук.
Чудовище, урод
Довольно, тешит свой досуг.

С журчанием-свистом
Птицы взлетать перестали.
Трепещущим листом
Они не летали.
И как высокое крыло
Ночного лебедя грозы,
Птица-облако нашло,
Бросая сумрак на низы.
Тянулись таинственно перья
За темным широким крылом.
Беглец науки лицемерья
Я мраку скакал напролом.

(корни: чур... и чар...).

Мы чаруемся и чураемся.
Там чаруясь, здесь чураясь,
То чурахарь, то чарахарь,
Здесь чуриль, там чариль.
Из чурыни взор чарыни.
Есть чуравель, есть чаравель.
Чарари! Чурари!
Чурель! Чарель!
Чареса и чуреса.
И чурайся и чаруйся.

ПЕРЕВЕРТЕНЬ

(Кукси кум мук и сук)

Кони, топот, инок,
Но не речь, а черен он.
Идем молод, долом меди
Чин зван мечем навзничь.
Голод чем меч долог?
Пал а норов худ и дух ворона лап.
А что? я лов? Воля отча!
Яд, яд, дядя!
Иди, иди!
Мороз в узел, лезу взором.
Солов зов, воз волос.
Колесо. Жалко поклаж. Оселок.
Сани плот и воз, зов и толп и нас.
Горд дох, ход дрог.
И лежу. Ужели?
Зол гол лог лоз.
И к вам и трем с смерти мавки.

Помирал морень, моримый морицей,
Верен в веримое верицы.
Умирал в морильях морень
Верень в вероча верни.
Обмирал морея морень.
Верен веритвам Вераны.
Приобмер моряжески морень
Верень верови верязя.

Люди, когда они любят,
Делающие длинные взгляды
И выпускающие длинные вздохи.
Звери, когда они любят,
Наливающие в глаза муть,
И делающие удила из пены.
Солнца, когда они любят,
Закрывающие ноги тканью из земель
И шествующие с пляской к своему другу.
Боги, когда они любят,
Замыкающие в меру трепет вселенной,
Как Пушкин жар любви горничной Волконского.

КРЫМСКОЕ

ВОЛЬНЫЙ РАЗМЕР

Турки.

Вырея блестящего и мимоходом всегда—
окурки

Валяются на берегу.

Берегу

Своих рыбок

В ладонях

Сослоненных.

Своих улыбок

Не могут сдержать белокурые

Турки.

Иногда балагурят.

Море в этом заливе совсем засыпает.

Засыпают

Рыбаки в море невод.

Небо там золото:

Посмотрите, как оно молодо!

Но рыбаки не умеют:

Наклонясь, сети сеют.

Точно их немного.

Ах! мне грустно!

И этот вечный по песку хруст ног!

И наклонясь взять камешек,

Чувствую, что нужно протянуть руку
прямо еще.

Бежит на моря сини

Ветер, сладостно сея

Запахи маслины,
Цветок Одиссея.
И море шепчет „не вы“,
И девушка с дальней Невы,
Протягивая руки, шепчет: „моречко!“
А воробей пронесит семячко...
Ах! я устал один таскаться!
А дитя, увидев солнце, закричало: „цаца!“
И пока расцветает, смеясь, семья при-
бауток,

Из ручонки
Мальчонки
Мчится камень, влясь, в убегающих уток.
Кто-то платком машет.
Возгласы: мамаша, мамаша!
Море ласковой мерой
Веет полуденным золотом.
Ах, об эту пору все мы верим,
Все мы молоды...
И нет ничего невообразимого,
Что в этот час
Море гуляет среди нас,
Надев голубые невыразимые...
Во взорах—пес, камень,
Дорога пролегла песками,
Там под руководством маменьки
Барышня учится в воду камень кинуть.
О этот рыбы в невод лов!
И крик невидимых орлов!
Отсюда далеко всё ясно в воде.
Где очами бесплотных тучи прошли,
Я черчу: „В“ и „Д“.

Чьи? Не мои.

Мои: „В“ и „И“.

Когда-нибудь стоял здесь олень.

[Всё молчит. Ни о чем не говорят.

Белокурости турок канули в закат.

По устеню

Ящерица

Тащится

Тенью]

Вся нежная от линьки.

День! ты вновь стоишь, как карапузик-
мальчик,

Засунув кулачки в карманы,

Но вихрь уносит песнь дальше

И ясны горные туманы.

Отсюда море кажется старательно выпол-
ощенным чьими-то мозолистыми
руками в синьке.

О, этот ясный закат,

Своими красными красками кат.

Где было место богов и земных дев виру,
— Там, в лавочке,—продают сыру.

Где шествовал бог — не сделанный, а на-
стоящий,

Там сложены пустые ящики.

И снимая шляпу,

И обращаясь к тучам,

И отставив ногу

Немного,

Лепечу — я с ними не знаком —

Коснеющим детским, несмелым языком.

Если мое робкое допущение,

Что золото, которое вы тянули,
Когда, смеясь, рассказывали о любви,
Есть обычное украшение вашей семьи,
Справедливо,—то не верю, чтобы вы мне
не сообщили:

Любите ли вы „тянули“,
Птичку „сплю“?

А также в науке „русский язык“ прошли ли
Спряжение глагола „люблю“?

Старое воспоминание жалит.

Тени бежали.

И милая власть жива

И серы кружева.

Ветер, песни сея,

Улетел в свои края.

Все забыло чары дел.

Лишь бессмертно вею

Я.

Только.

И кроме того — ставит-ли учитель двойки?

Как раньше темен длинный берег,
Где дева с звоном длинных серег,
С грустящим криком, с заломом рук,
Кинулась в море, ринулась в звук
Иссиня-светлых вод,
Закончив грустный год.
В валов и рев и стук
Один молчал, другая ждала.
Один был бел, другая мало,
И в лодке их вдвоем качало,
Когда в венке из пены человек
Подслушал нежной с хладным спор,
Двоих печальный разговор.
Сквозь волн прибойных хладный бег.
„Ты кто, — крылатый ящер,
Потомок змей, несчастья пращур,
Ты, попиратель слабой веры
В чертогах строгих морской пещеры?
Моих желаний, моих надежд,
Срыватель ясный во сне одежд?
На закате темном тих,
Кто, какой ты силы сын?
Сладкий „он“, иль чуженин?
О, оставь, оставь меня,
Пожалей взамен других.
Милый! милый! — что ты сделал?
Другом быть ужель не мог?“
И пожатьем узко-белым

Сквозь рыдающие всхлипы
Ей ответит вечер в белом,
Шевеля упавших кипы.
„Жизнь одна у нас — ужели
Мы не в праве, мы не можем,
Только волны посвежели,
Припадать к холодным ломам?
Имя бога призывая,
В час истомы и досуга,
Вспомни, вспомни, дорогая,
Вспомни, вспомни, о подруга!
— Разве я тебя заставил,
Разве я тебя принудил,
Счастья плод сорвать без правил,
Как могучий случай судил?“
Но она ответит: „Нет!
Нет, речистый, не сумеешь
Лани вынуть медный вред,
Только холодом повеешь!“
И она заплачет снова,
Слышны стоны сквозь платок.
Он же верх гребня резного
Прочь срывает как цветок.
Он гребет сильнее веслами
Прямо к берегу к крутому,
Где за елями, за рослыми
Пещеры манят их истому.
Но она молениям звонким
Не отвечает, глуха.
И в ответ на просьбу к гонкам
Смотрит прямо и суха.
Видит друга, иль не видит,

Любит или ненавидит?
Он, ее хулой обидя,
С нею рядом страшно сидя,
Страстны речи лепеча,
Умоляя и крича,
Хочет мысль ее прочесть,
Хочет месть ее отвести.
Но, угрозою полна,
Отодвинувшись врозь снова
К краю легкого челна,
Она шепчет страсти слово:
„Если эта жизнь обманет,
— О, несчастье, о, беда!“
В нем ее ничто не манит
(Очи страшного суда).
Челн о волны бился валок,
Билась вольная волна.
Он был, плача тихо, жалок.
Она грустью полна:
И потом уходит гордо,
Поправляя волоса,
По тропинке горной твердо,
Где белеют паруса.
Чтоб с чела того утеса,
Где поет и воет плесо,
Где гнездуют ястреба,
Тело слабое неслоя
В влаги вольные гроба.
Он обернулся, молвив: „Прощай.
О, солнце, ее не освещай!
Сокройсь и падай, печальное, в море
Сокройтесь и волны, свидетели горя!“

Алчак хранит святую тайну
Ее ужасного конца.
А юноша... он не случайно
Бежит любезного венца...

Когда лесной стремится уж
 Вдоль зарослей реки,
 По лесу виден смутный муж
 С лицом печали и тоски.
 Брови приподнятый печальный угол...
 И он изгибом тонких рук
 Берет свирели ствол (широк и кругол)
 И издает тоскливый звук.
 Предтечею утех дрожит цевница,
 Воздушных дел покорная прислуга.
 На зов спешит певца подруга —
 Золотокудрая девица.
 Пылает взоров синий колос,
 Звенит ручьем волшебный голос!
 И персей белизна струится до ступеней,
 Как водопад прекрасных гор.
 Кругом собор растений,
 Сияющий собор.
 Над нею неба лучезарная дуга,
 Уступами стоят утесы;
 Ее блестящая нога
 Закутана в золотые косы.
 Волос из золота венок,
 Внутри блистает чертог ног:
 Казалось, золотым плащом
 Задернут стойный был престол.
 Очей блестящим лучом
 Был озарен зеленый пол.

И золотою паутиной
Она была одета,
Зеленою путиной
Придя на голос света.
Молчит сияющий глагол.
Так, красотой своей чаруя,
Она пришла (лесная дева)
К волшебнику напева,
К ленивцу тараруя.
И в сумрака лучах
Стоит беззлобный землежитель,
И с полным пламенем в очах
Стоит лучей обитель.
Не хитрых лепестков золотой венки:
То ждали косы чертога ног.
Вокруг глаза синего обманщика
Горят лучи, не семя рдуванчика?
Достигнута святая цель.
Их чувство осязает мель.
Угас Ярилы хмель.
Она лежала, заснув с ласкающей свободой,
Была как омут ночью или водоем.
А он, лесник чернородый,
Над ней сидел и думал. С ней вдвоем,
Как над речной долиной дуб,
Сидел певец—через час уж труп.
Храма любви блестят чертоги,
Как ночью блещущий ручей.
Нет сомнений, нет тревоги
В беглом озере ночей.
Без слов и шума и речей...
Вдруг крик ревнивца

Сон разбудил ленивца.
Топот ног. Вопль, брани стон,
На ноги вспрыгнул он.
Сейчас вокруг спящей начнется сеча,
И ветер унесет далече
Стук гневной встречи.
И в ямах вся поверхность почвы.
О, боги неги, пойдите прочь вы!
И в битве вывернутые пни,
И страстно борются они.
Но победил пришлец красавец.
Разбил сопернику висок,
И снял с него, лукавец,
Печаль, усмешку и венки.
Он стал над спящею добычей
И гонит мух и веткой веет.
И, изменив лица обычай,
Усопшего браду на щеки клеит.
И в перси тихим поцелуем
Он деву разбудил, грядущей близостью
волнуем,
Но далека от низкого коварства,
Она расточает молодости царство,
Со всем пылом жены брэнной,
Страсти изумлена переменой.
Коварство с пляской пробегает,
Пришельца голод утолив,
Тогда лишь сердце постигает,
Что значит новой страсти взрыв.
Она сидит и так плачет [тихо],
Прижав к губам цветок.
За что, за что так лихо

Ее оскорбил могучий рок.
И доли стана
Блестели слабо в полусвете.
Она стояла скорбно, странно,
Как бледный дождь в холодном лете.
Широких кос закрыта пеленой,
Стояла неги дочь,
Плеч слабая стеной...
Шептали губы: „И зверь!
Зачем убил певца?
Он кроток был. Любил свирель.
Иль страсть другого пришлеца
Законная убийству цель?
В храмовной строгости берез
Зачем убил любимца грез?
Если нет средств примирить,
Я бы могла бы разделить,
Ему дала бы вечер, к тебе ходила по утрам,—
Теперь же все для скорби храм!
И эти звезды и эти белые стволы
Ничто! Ничто! теперь мне не милы.
Был сердцем страстным молодой.
С своею черной бородой он был дитя.
Чего хотя,
Нанес убийственный удар,
Ты телом юн, а сердцем стар,
С черно-синевой ночью глаз
И мелкокудрым золотом влас?
Иль нет: убей меня,
Чтоб возле, здесь была я труп,
Чтоб не жила, себя кляня
За прикасанье твоих губ“.

И тот молчит. Стеная
Звонко—уходит та
И рвет со стоном волосы.
Зажгла на небе полосы
(Темно-красные цветы).
А он бежит? Нет с светлою улыбкой,
Сочтя приключение ошибкой,
Смотрит сопернику в лицо,
Снимает холодное кольцо.
И, сев на камень,
Зажженный в сердце пламень,
Излил в рыданиях мертвенной свирели
И торжеством глаза горели.

ЛЮБОВНИК ЮНОНЫ

1

Бежим, дитя, бежим за ели,
Где вороны овна заели.

2

Тетенька, милая, тетенька, тише,
Здесь камни, здесь больно, мне трудно и выше.

3

Здесь озеро блещет
И волнами плещет.

4

О, сын мой любимый, сыноня.
Или стал милым Юноне?
Он кроток и тих. Какая в нем корысть?
Уж лучше взяла бы трясуха иль хворость.

5

Кто это там? Опять твоя мать?
Она не устанет меня проклинать.
Кто это там? Опять твоя мать?
Она не устанет меня проклинать.

6

.

7

Здесь золотые цветут травы
И белые купавы.

8

Прекрасная тетья, зачем ты снимаешь?
Не надо, не надо, родная.

9

Красный ребенок, не понимаешь —
Смою я грязь, в воде погружая.

10

Всё же снимай. Видишь, и я —
Чиста, прекрасна, как влаги струя.

11

Домой ты придешь, и нас будут бранить,
Если не вымоем каждую нить.

12

Я сделаю всё, что ты хочешь!
Тетья, русалка, — зачем ты щекочешь?
Не надо, не надо, родимая,
Я слезы на лице вымою.

13

.

Чьи жемчуг-зубки сделал токарь,
Ты бел и нежен, как этот осокорь.

14

Сюда, сюда, куда веду,
В вилы и косами встретьте
Шлюху ту гордую, что на беду
Сына завобила в сети.

15

О, проклята, проклята буди,
Пусть хворью покроются вечные груди.

16

Кто это там? опять твоя мать?
Она не устанет по сыну рыдать.

17

Где зеркальный водоем
Весь сокрыт в плакучих ивах,
Там Юнона и сын мой вдвоем
Предаются делу красивых.

18

То к нам уже идут, то к нам уже идут.
Мальчик, нам хорошо тут?

19

С дрекольем идите все сразу и вместе,
Вперед образа.
Да не дрогнет рука.
Так хочет дело мести.

20

Сюда идите! Здесь вон они
Между осинок в роще в тени.

21

Она из облаков спустилась
И, за руку схватив, бежать пустилась.
Коса по ветру развевалась,
И ноги пыли пальцами касались.
Он жалобно просил ее итти потише,
Но она не слушалась,
И скоро в роще ближней,
Хищно озираясь, скрылась.
Сегодня среда, и хоть грех убивать,

Да нужно!
Вот где их стонов и воплей кровать!
Ну же, друзья мои, сразу и дружно
Дреколями дружно коли!
А вы: раз, два — пли!

22

Сына целует бедная мать,
К плечам прижала седым.
Но мертв он. Вотще подымать
Веки бессильны как дым.

23

А сквозь ругань, крик „ура“ —
Высокомерна и красива,
К небу вздымалось меньше пера
Голубооблачное диво.

ВНУЧКА МАЛУШИ

ШУТОЧНАЯ ПОЭМА

1

Скакала весело охота,
Вздымала коней на дыбы.
И конник и пехота,
Дружина и рабы.
Дрожал, смеясь, веселый рог,
Ему звенел поющий лес
И улыбался всем сварог.
Смеясь, на землю леший слез.
Олень, предсмертно вэвившись в высоту,
Вдоль поля поскакал,
И люди с бешенством стонали: „голубушки,
ату!“

С их щек пот ярости стекал.
Дичь за плечами всех ясна:
И вепри есть и козы.
Скакала весело княжна;
Звенят жемчужные стрекозы.

2

Белун стоял, кусая ус,
Мрачно беседуя с собой:
„Ну, что же, русских бог, ну что же, ну-с!
Я уж истомлен упорною борьбой“.
К нему по воздуху летит стрибожичь,
О чем-то явственно тревожась.
„Ну, что же, мальчик, какие вести?“ —

Молвил Белун, взгляд глаз вперяя долгий.
Тот залепетал ему о праве мести
И о славян священном долге.
„В знати и черни
Колышет тела призыв вечерний
— Колокола“.
От смердича и до княгини
Старая вера везде, видел я, гинет.“
— Кера! Кера! —
Пылали глаза
Священной угрозой. Медлит гроза.
Право мороза.
Взор ледяной, недвижимый лун
Вонзает медленно Белун.
И думает: „Робичичем быть побежденным?
Признать рожденную рабой?
Нет! Кем бы мы ни побеждены,
Мы еще померяемся с судьбой!“

3

Сухой путиной, то водой
В лесу буй тур бежал гнедой.
Глаз красный мощно кровавел,
В мохнатой спрятан голове,
И в небо яро тур ревел,
Полузавешенный в траве.
Скакал вблизи хозарский хан,
Собой благоухан,
На нем висела епанча,
Край по земле слегка влача.
Лицо от терниев холя,
Сияли мехом соболя,

И сабля до земли
Шептала грохотом: „внемли!“
Владавец множества рабов,
Полужилец уже гробов,
Он был забавен в шутках, мил
И всех живучестью томил.
Слезливых старчески буркал,
Взор первой младости сверкал,
Из-под стариковато мягких волосенок;
Лицо сияло (остренький мышёнок).
Таков был князь хозарский, хан,
Коня ездою колыхан.

4

Красные волны
В волнах ковыля,
То русскими полны
Холмы и поля.
Среди зеленой нищеты,
Взлетая к небу, лебедь кычет
И бьют червленые щиты
И сердце жадно просит стычек.
Позвал их князь
Итти на врага.
И в сушь и в грязь
Шагай, нога!
Так нежен шаг пехот,
Так мягок поскок конниц,
Идем в поход, идем в поход!
На шум гречанских звонниц.
Под звуки дуд
Так билось ретивое.

Вперед идут, вперед идут
В кереях вольных вои.
Вперед идут
Побед сыны.
В душе звук дуд,
Глаза сини.
За ними поющие села,
И возглас играющих жен,
И возглас раздался веселый:
— Враг окружен!
О, есть ли что мечей поюнней?
Но, чу! везде полет Воюний.
О, этот миг, друг с другом сечи,
Меча с мечами звонкой речи
И страшной общей встречи.
Кому врага в ага бою побити?
То знает лишь Табити.
И русский бьет врага кольем.
Тот, падая, дрожит.
Из черепов мы воду пьем,
Тому он скажет, кто лежит...
Так длился бой...
Дыханье затаив, смотрели боги на кровь,
пролитую борьбой.

5

Княгиня: В Ирпень, друзья, студеный
Купаться, нежные, бежим!
Наш труд уже окончен денный.
Отдайтесь воле волн дружин.
Кувшинов длинногорлых
Струю ля на грудь,

Забудьте бег проворный,
За ведем дикий путь.
Мы водяному деду стаей,
Шутя, почешем с смехом пятки.
Его семья проста —
Была у нас на святки.
Что сладостней лобзаний,
Когда уста — волна,
Когда душа сказаний
Бойтся и полна.

Водяной: О, дочка Владимира,
Внучка рыбы,
Вспомни, родимая,
Мощь Барыбы.
В волне почти предтечу,
Связанной вечно встречи.
Ведь только, только бывший снег,
Та, что знойней знойных нег.
Так священо-белые в игре зим
Мы только грезим, мы только грезим
О том, что летом мощный тать,
Мы в праве властно испытать.
А впрочем, леший. Он — власт могучим
русским языком.
Пойди к нему: с тобой он, кажется, знаком?

Княжна: Мне скучно, дедушка, среди подруг,
И я ищу, кто мог бы стать „мой друг“.
Со мной один лишь хозарский хан,
Собой благоухан.

Водяной: Пойди, пойди и расскажи все это ему,
Он знает знаний уйму.

Бережни „Мы в себе видим
и лешие: Вихрь сил вселенной.
В смерть, род ли идем.
Мы — нетленны.

6

Скажи, любезная Людмила, —
Промолвил важно леший: —
Правда ли, что тебя земная явь томила?
Правда ли, что ты узнать хотела вещи?
Здесь есть приятель мой, волхв,
Христом изгнан из стран Владимира,
Он проскакал здесь недавно, как серый
волк.

Он бы помог тебе, родимая.

Княжна: Любезный леший, я готова
Советам следовать твоим.
Найди мне друга, но не такого,
Как хан хозарский, жид Хаим.
Он весь трясется как осина.
И борода его колюча.
Ах! Ах! от него несет крысиной!
Противный, злой, несносной, злючий!

И слезы брызнули мгновенно,
Мешая с влагой горечь горя.
Когда слез смехом перемена
Блистала скорая радостно во взоре.

Княжна: Спасибо, леший, я согласна
С советом благостным твоим.
Скажи, однако, не опасно

Повздорить с молодым?
Ему заметно отдают
И угол [и] уют,
Богов родимых имена,
Ему покорны племена“.

Леший: О, этот молодой человек
Шагает далеко!
Но взор скрывай под тяги век;
Попасться-то легко!
Молодчик
Что-то скоро пошел по чужой земле,
И наших много вотчин
В его руке,
Много очень.
Был леший искренно озабочен.

Песнири: Вадник мой соотчич.
Белый конь топочет,
До веселья охочий.
Кто-то в деревне хохочет.
Он лучезарней тел из солнц,
В его глазах нам свято небо.
Он благословляет дланью хлебы.
О, гнед-буй тур — красавец!
Лети дорогою святою,
Лети, мятежный небесаец.
Хвостом маши, гнедо-золотой!

Леший: Изволь, представлю: гнед-буй тур,
Он будет радостный слуга.
Устами белый балагур,
Несет в высокие луга.

Песнири: Шею овет рука княжны,
К лицу прильнет княжна младая,
Ей слуги мощные нужны,
Над всем живущие владая.
Ты полетишь под облаками,
Где ветры облачные рвут,
И ты опустишься как камень,
Где жив могучий Вейдадут.

Древя- Я дочь, любимая в лесу,
ница: Тебе бессмертие несу.
Возьми его, венка как бремя,
Конца не знающее время,
Сквозь листья строгий взор сквозя,
Ты будешь нежная стезя.

7

Их провожает старая Табити
Прошамкать: „Берегитесь!
Здесь бродит около Христос“.
Они восходят на утес,
Ждать часа, когда туч сизари,
Златом озарены зари,
Час возвестят святой поры,
Восхода солнца за горы,
В лучах блаженственной игры.
Чернь смотрит жадно чудеса.
Они поднялись в небеса.
„А я?“ —
Промолвил жалобно Хаим.
Они летели, смех тая.
Им было весело двоим.
Какое дело мощной радости

До обезумевших старикашек,
До блох и мух и всякой гадости:
Козявок, тли, червя, букашек?
Среди толпы, взиравшей жадно
На них, летевших в высоту,
Хан едет хмурый, беспощадно.
Коня терзая красоту.
И вдруг,— сосед, направо глянь-ка, —
Он вынул из кармана склянку
И в рот поспешно — бух!
О чудо: коня не стало и седока, их двух.
А вместо них, в синей косоворотке,
С смеющейся бородкой,
Стоял еврейчик. Широкий пояс.
Он говорил о чем то оживленно, беспокоясь,
И рукоплескания стяжав,
Желания благие поведав соседственных держав
.
Упомянув, пошел куда-то.
Его провожая, вышел друг брадатый.
Хан был утешенный в проторях и потерях
И весело захлопнул двери.
Пронзая с свистом тихим выси,
Касаясь головой златистой тучки,
Летит, сидя на хребте рыси, внучка
Малуши, мать Владимира,
Старинных не стирая черт,
Сквозь зорю шевелился черт.
Он ей умильно строил рожи,
Чернявых не скрывая рожек.
И с отвращением в речи звонко
За хвостик вышвырнула гаденка.

Послушен, точен, оборотень
Людмилы воли поворотам.
Сидит, надувши губки,
Княжна в собольей шубке.
Уж воздух холоден как лед,
Но дальше мчит их самолет.
Далеко внизу варили пиво.
Звонко пропел в деревне пивень.
Пахло солодом.
И думает Людмила: „Прощайте, девушки,
поющие в Киеве.

О, веселые какие вы...
Вы пели: „Сени, мои сени“.
И ваши души были весенни.“
Стало холодно.
За гриву густую зверя впились, веря, ручки туже.
Они слегка синели
И, чтоб спастись от стужи
Морозной выси,
Из рыси
Он стал медведем.
Она ему: „Куда мы едем?“
Он отвернулся и в ветер бурк:
„Мы едем в Петербург“.
Летят в слое ледяной стужи.
О доле милом дева тужит.
К холоду нежна,
Скукожилась княжна.
„Напрасно черного петушонка
Стрибогу в жертву не дала“.
„Могла бы сообразить, девчонка,
Что здесь ни печки ни кола“.

И вот летят к земле турманом,
Туда, где золотом Исакий манит,
И прямо сверху от солнечного лучбища
Они летят в дом женского всеучбища.
С осанкой важной, величава,
Она осматривает (всех окружающих забава)
Во-первых: помещение,
Воздух,
Освещение,
И всё, что город умный создал.
И заключает: „Я б задохнулась, лиса лесная
в силке
В сем прескучном уголке“.
„Но что вы делаете?“ „Мы учимся! — согласно
девы отвечали,
Стремимся к лучшему“.
„Вы учитесь — чему?“
Ее глаза блистали лучами гнева в начале:
„Приятно, весело в лесу
Сознать первичную красу.
Над вами веет нав сугроб“.

Учили- Она права! Она права! В ее словах есть
цы: рокот бури.

К венцу зеленые права,
Бежим, где зелены поля,
Себя свободными узнав.
Свои учебники паля,
Мы учителей дрожим: в них Нав.
О, солнце там, о солнце тут!
— Их два! — Их два!
В нас крылья радости растут.

— Едва, едва!

Мы оденем, оденемся в зелень,
Побежим в голубые луга,
Где пролиться на землю грозе лень,
Нас покинет училищ туга.
И прострем мы зеленую вайю в высоту,
И восславим, священные, ваю красоту.
Приятно в нежити дубравной
Себя сознать среди равных равной.
Приятно общность знать племен,
Потерян в толпе древяниц
И перед неимеющим имен,
Благоговея, падать ниц.
Но что приятно, ответьте,
О девушки молодые,
Вот стены каменные эти
И преподаватели глухие?
Их лысины сияют,
Как бурей сломленные древа,
А из-под их слов о красоте зияют
За деньги нанятые чрева.
В зубах блистают зерна злата,
Сердце налила жидким ртуть.
Они над ужасом заплата,
Они смехучей смерти суть.
Вапно покрыло лавки, стол.
На славу вапнен желтый гроб,
Я вас спасти от смерти сол.
Учили- Слава, слава тебе, поборовшей века,
цы: Нам принесшей завет Владимира!
Наша цель, наша цель далека,
Мы тобою пойдем предводимые!

Бегущие „О гей-э, гей-э, гей-э!
согнями: Загорайтесь буйно, светы,
Зажигайте дом учин,
Смолы, лейтесь с веток,
Шире, выше, свет лучин!
Вон учителя бегут толпой,
С обезумелыми телами,
И с тоскою на лицах тупой,
Бурно плещимы жара лозами.
Сюда, сюда несите книги,
Слагайте радостный костер.
Они — свирепые вериги,
Тела терзавшие сестер.
Вон, златовея медным шлемом,
Пожарных мчится гордый стан.
Девы, гинем мы,
И раним раной древних ран.
Сюда, училицы младые,
В союз с священными огнями,
Чтоб струи хлябей золотые
От нас чужие не отняли.
Слагайте черных трупов прелесть,
В глазницах черный круглый череп,
И сгнившую учебно челюсть,
И образцы черев,
И мяс зеленых древле мерзость,
И давних трупов навину,
В этом во всём была давно когда-то
дерзость,
Когда пахали новину.
Челпанов, Чиж, Ключевский,
Каутский, Бебель, Габричевский,

Зернов, Пассек — все горите!
Огней словами — говорите!“
И огнеоко любيري
Приносят древние свирели...
При воплях: „жизни сок бери!“
Костры багряны[е] горели...

Могилы вольности Каргебиль и Гуниб
 Были соразделителями со мной единых зрелищ,
 И, за столом присутствуя, они б
 Мне не воскликнули б: „Что, что, товарищ,
 мелешь?“

Боец, боровшийся, не поборов чуму,
 Пал около дороги круторогий бык.
 Что бы не вопрошающих — к чему?
 Узнать дух с радостью владык.
 Когда наших коней то бег, то рысь
 испугнули их,

Пару рассеянно-гордых орлов,
 Ветер, неосязуемый для нас и тих,
 Вздыхал их царственно на гордый лов.
 Вселенной повинуюся указу,
 Вздыхался гор ряд долгий.
 Я путешествовал по Кавказу
 И думал о далёкой Волге.
 Конь, закинув резво шею,
 Скакал по легкой складке бездны.
 С ужасом, в борьбе невольной хорошея,
 Я думал, что заниматься числами над бездной
 бесполезно.

Невольны числа я слагал,
 Как бы возвратясь ко дням творенья.
 И вычислял, когда последний галл
 Умрет, не получив удовлетворенья.
 Далеко в пропасти шумит река,

К ней бело-красные просыпались мела,
Я думал о природе, что дика
И страшной прелестью мила.
Я думал о России, которая сменой тундр,
тайги, степей —
Похожа на один божественно-звучащий стих,
И в это время воздух освободился от цепей
И смолк, погас и стих.
И вдруг на веселой площадке,
Которая на городскую торговку цветами
похожа,
Зная, как городские люди к цвету падки,
Весело предлагала цвет свой прохожим, —
Увидел я камень, камню подобный, под коим
пророк
Похоронен — скошен он над плитой и увенчан
чалмой.
И мощи старинной раковины — изогнуты
в козлиный рог
На камне выступали; казалось, образ бога —
камень увенчал мой.
Среди гольцов, на одинокой поляне,
Где дикий жертвенник дикому богу готов,
Я как бы присутствовал на моляне
Священному камню священных цветов.
Свершался предо мной таинственный обряд.
Склоняли голову цветы,
Закат был пламенем объят,
С раздумьем вечером свиты...
Какой, какой тысячекост,
Грознокрылат, полуморской,
Над морем островом подъемлет хвост,

Полунеземной объят тоской?

Тогда живая и быстроглазая ракушка была его
свидетель,

Ныне уже умерший, но как и раньше зоркий,
камень,

Цветы обступили его, как учителя дети,
Его — взиравшего веками.

И ныне он как с новгородичами беседует
о водяном,

И как Садко берет на руки ветхо-гусли,—
Теперь, когда Кавказом моря ощеренным дном,
В нем жизни сны давно потускли.

Так, среди „Записки Кушетки“ и „Нежный
Иосиф“,

„Подвиги Александра“ ваяете чудесными
руками,—

Как среди цветов колосьев —

С рогом чудесным, виден камень.

То было более чем случай:

Цветы молились, казалось, пред времен давно
прошедших слом:

О доле нежной, о доле лучшей:

Луга топтались их ослом.

Здесь лег войною меч Искандров,

Здесь юноша загнал народы в медь,

Здесь истребил победителя леса ндрав

И уловил народы в сеть.

ПЕТЕРБУРГСКИЙ „АПОЛЛОН“

САТИРА

Пустил в дворянство грязи ком.
Ну, что-же! добрый час!
Одним на свете больше шутником,
Но в нем какая-то надежда умерла,
Когда услышали ложь, как клеткот меляного орла.

Спокоен ясен и весел
За стол усаживается NN,
Он резво скачет длинными ушами,
Как некогда в пустыне Шами —
Вот издает веселый звук, дороги лук, полей
и сел,

Взорами ушей смеющийся осел.
Кого-то в мысли оцукав,
Сидит глазами бледными лукав.
Но се! Из теста помещицкого изваянный Зевес
Не хочет свой „веночек“ вытаскивать из-за
молчания завес.

Но тот ушами машет неприкаянно
И вытаскивает потомство Каина.
И тот, чья месть горда, надменна, высока,
В потомстве Каина не видит „ка“.
Тот думает о том, кое счастливое лукошко
Лукомского холсты опрокинуло на неосторож-
ного зеваку прохожего,
И вдруг в его глазах, тщетно просящая о по-
щаде, вспыхивает, мяуча страшно, кошка,

Искажая облик лица в общем пригожего,
Тщательно застегнутого на золотые пуговицы,
Он был, как военный, строен и других выше.
Волосатое темя подобно колену.

Слабо улыбаются желтые зубы.

Смотрите! приподнялись длинные губы

И похотливо тянут гроб Верлена.

Мертвец кричит: „Ай-яй!

Я принимаю господ воров лишь в часы от
первого письма до срока смерти.

Я занят смертью господ. И мой окончен
прием.

Но вы идите к соседу. Мы гостей передаем!“

„Дэлямюзик“. Ему в ответ: „Друзья, валяй!

И дух в высотах кражей смерьте.“

Верлен упорствует. Можно еще следовать

В очертании обуви и ее носка,

Или в искусстве обернуть шею упорством

белого, как мука, куска,

Или в способе, как должна подаваться рука,

Но если кто в области, свободной исконно,

Следует, вяло и сонно, закройщика законам,—

Пусть этот закройщик и из Парижа —

В том неизменно воскресает рыжий.

Или мы нуждаемся в искусственных — веке,
носе и глазе?

Тогда Россия зрелище, благодарное для

богомаза.

В ней они увидеть должны жизнь в день

страшного суда,

Когда всё звало: „Смерть, скорей, от мук

целя, сюда, сюда!“

Бедный Верлен, поданный кошкой на блюде ее
верных искусств!

Рот, разверзавшийся для пищи, как
любопытного окошко —

Ныне пуст.

Я не согласен есть весенних кошек, которые
так звонко некогда кричали,

Вместо ярко-красных с белыми глазами ягнят,
умиравших дрожа,

Пусть кошки и поданы на человечесьем сале —
Прокажут кладбищ сторожа.

Думал ли, что, кошек моря, он создает моря
и морскую болезнь для путевого?

Вот обильная почва для размышлений для
стоящего с разинутым ртом полового.

И я не хочу отрицать существования изъяна,
Когда Верлен подан кошкой вместо русского
Баяна.

ОТЧЕТ О ЗАСЕДАНИИ КИКАПУ-Р-НО- ХУДОЖЕСТВЕННОГО КРУЖКА

— Здесь почтенный аршин
Шел с высоких вершин,
Подает посошок
Непочтенный вершок.
Ах, бушменским красавицам
Нравится,
Чтобы рот их был проколотым,
То угодно небесам.
Так и речь моя плясавица
По чужим ушесам,
Слов заморских грубым молотом.
Лицо с печальной запятой
Серо, остро и испитое,
Щеки тоще-деревянные,
В бровях плоски оловянные,
Таков король, пускай он тощ,
А тощ он потому,
Что на болоте скудный хвощ...
— Повсюду день гласит уму...
Тот и этот столбец
Ты смешай словаря
И дадут бубенец,
Дадут плащ короля...
Мы хлопали немножко,
Мы хлопали б ей-ей,
Хотя б скакала блошка

В одежде королей...
В нем нет души,
Но есть духи,
Заметил кто-то...

Далеко на острове, где русской державе
 Вновь угрожал урок иль ущерб,
 Стал появляться призрак межавый,
 Стаи пугая робких нерп.
 Они устремлялись с плачем прочь,
 Белое пятно имея наездником.
 Меж тем как сверху слепо ночь
 Им освещала путь отзвездником.
 Синеокая дочь молокан,
 Зорко красные губки,
 „Ишь, какой великан!“
 Молвив, пошла, поплыла в душегубке.
 Вон ладья и другая:
 Японцы и Русь.
 Знаменье битвы: грозя и ругая,
 Они поднимают боя брус.
 Тогда летели друг к другу лодки,
 Пушки блестели как лучины.
 Им не был страшен голод глотки
 Бездной развернутой пучины.
 Рев волн был дальше, глуше,
 Ревели, летели над морем олуши,
 Грузно освещая темь и белые,
 Как бы вопрошая: вы здесь что́ делаея?
 Тюлени взглядывали глазами мужа,
 Отца многочисленного семейства.
 И голос волн был уже, туже,
 Точно застывший в священнодействе.

Зеленое море как нива раки́т,
Когда закат и сиз и сив.
Из моря плюется в небо кит
Без смысла темен и красив.
Тогда суровые и гордые глаза
Узнали близко призрак смерти,
Когда увидели победы, что лоза
В руках японцев и ею вертят.
С коротким упорным смешком:
„Возвратись, к черноземному берегу чали,
Хочешь ли море перейти пешком?“
Японцы русскому кричали.
И воины, казалось, шли ко дну,
Смерть принесла с собой духи „смородина“.
Но они помнили ее одну —
Далекую русскую родину!
Попрежнему ветров пищали,
В прах обращая громадные глыбы.
Киты отдаленно пищали
И пролетали летучие рыбы.
Они походили на старушек,
Завязанных глухим платком,
Которых новый выстрел из пушек,
Заставит плакать — по ком?
Но в этот миг сорвался, как ядро,
Стоявший на берегу пустынном всадник.
И вот, худое как ведро,
Пошел ко дну морей посадник.
И русским выпал чести жребий:
На дно морское шли японцы.
„Иди, иди“ звал голос рыбий.
Склонялось низко к морю солнце.

Последний выстрел смерти взором
На небе сумрачном блеснул
И кто на волнах был сором
Пошел ко дну, уснул.
И воины, умирая, трепетали.
Они покорно принимали жизни беды,
Но они знали, что они тали
Грядущей русского победы.
И всадник, кверху взмыв, исчез.
Его прочерчен путь к закату,
Когда текло, струясь, с небес
На море вечернее злато.
Меж тем на Знаменьи
Перед изваяньем — создатель Трубецкой —
Когда на отдых шел росам иней,
Молниепутной окруженный цкой,
Стоял наряд наружной стражи.
По прежнему блистал, как зеркало, валун,
В себе отразив и страхование от кражи
И взоры неги серебряные лун.
Но памятник был пуст,
На нем в тот миг стоял никто.
И голос вещей вылетел из уст:
Здесь дело с нечистью свито!
Когда из облаков вдруг тяжело пал,
Копытами ударив звонко в камень,
Тот, кто в могиле синей закопал
Врага, грозившего руками.
И ропот объял негодующий народ
И памятник вели в участок,
Но он не раскрыл свой гордый рот
И в лике скачущего застыл

И оттираясь жирно, в сале
Ему в участке предписали
На площадь оную вернуться
И пребывать на ней и впредь без гривы, дела,
куцо.

От конного отобрали медежа расписку,
Отмеченную такой-то частью,
И конь по прежнему склоняет низко
Главу, зияющую пастью.
По прежнему вздымает медь
Памятник зеркальный и блестящий,
Ружье не перестает в руках иметь
Воин отставной, блюстящий.
Толпа беседует игриво.
Взором слабеющим взирает часовой на них,
И кто-нибудь, посмеиваясь над гривой,
Советует позвать портних.
И пленному на площади вновь тесно и узко.
Толпа шевелится, как зверя мех,
Беседуют по-французски,
Раздается острый смех.

О Достоевский - мо бегущей тучи!
О Пушкиноты млеющего полдня!
Ночь смотрится, как Тютчев,
Замерное безмерным полня.

Стрелок, чей стан был узок,
В одежде без повязок,
Промчался здесь, пугая трясогузок
По дну реки, где ил был вязок.
Я кинулся серной проворной
Его обогнать стороной,
Весь замыслам страсти покорный
Вновь видеть глаз вороной.
Но чу! Свистящая стрела,
Была смертельна рана.
Над глазом нежная пята —
Стрелок была Диана.

ИЗ ПЕСЕН ГАЙДАМАКОВ

„С нависня пан летит бывало горинож
В заморских чоботах мелькают ноги,
А пани, над собой увидев нож,
На землю падает, целует ноги.
Из хлябей вынырнет усатый пан моржом,
Чтоб простонать — „Santa Maria!“
Мы ж, хлопцы, весело заржем
И топим камнями в глубинах чартория.
Панов сплавляем по рекам,
А дочери ходили по рукам.
Была веселая пора
И ставкою большою шла игра.
„Пани нам служит как прачка наймитка,
А пан плывет и ему на лицо садится кигитка“.
— Нет, старче, то негоже —
Парча отстоит от рогожи.

Зеленый леший — бух лесиный
Точил свирель,
Качались дикие осины,
Стекала благостная ель.
Лесным пахучим медом
Помазал кончик дня,
И, руку протянув, мне лед дал,
Обманывая меня.
И глаз его — тоски сосулек —
Я не выносил упорный взгляд —
В них что-то просит, что-то сулит
В упор представшего меня.
Вздымались руки - грабли,
Качалась кудель
И тела стан в морщинах дряблых
И синяя видель.
Я был ненароком, спеша,
Мои млады лета,
И, хитро подмигнув, лешак
Толкнул меня: „туда?“

Сон то сосед снега весной,
То левое непрочное правительство в какой-то
думе.
Коса то украшает темя, спускаясь на плечи,
то косит траву.
Мера то полна овса, то волхвует словом.

Закон качелей велит
Иметь обувь то широкую, то узкую.
Времени то ночью, то днем,
А владыками земли быть то носорогу,
то человеку.

Когда рога оленя поднимаются над зеленью,
Они кажутся засохшее дерево.
Когда сердце начери обнажено в словах,
Бают: он безумен.

Когда себе я надоем,
Я брошусь в солнце золотое,
Крыло шумящее одем,
Порок смешаю и святое.
Я умер, я умер, и хлынула кровь
По латам широким потоком.
Очнулся я, иначе, вновь
Окинув вас война оком.

Когда умирают кони — дышат,
Когда умирают травы — сохнут,
Когда умирают солнца — они гаснут,
Когда умирают люди — поют песни.

Я всматриваюсь в вас, о числа,
 И вы мне видите одетыми в звери, в их шкурах,
 Рукой опирающимися на вырванные дубы.
 Вы даруете — единство между змееобразным
 движением
 Хребта вселенной и пляской коромысла,
 Вы позволяете понимать века, как быстрого
 хохота зубы.
 Мои сейчас вещеобразно разверзлись зеницы.
 Узнать, что будет Я, когда делимое его — единица.

Птица, стремясь в высь,
Летит к небу,
Панна, стремясь в высь,
Носит высокие каблуки.
Когда у меня нет обуви,
Я иду на рынок и покупаю ее.
Когда у кого-нибудь нет носу,
Он покупает воску.
Когда у народа нет души,
Он идет к соседнему
И за плату приобретает ее
— Он, лишенный души!..

Я смеярышня смехочеств
 Смехистелинно беру,
 Нераскаянных хохочеств
 Кинь злооку — губирю.
 Пусть гопочичь, пусть хохотчичь
 Гопо гоп гопопей,
 Сло́вом дивных застрекочет
 Нас сердца́ми закипей.
 В э́тих глазках ведь глазищем,
 Ты мотри, мотри за горкой
 Подыма́ется луна!
 У смешливого Егорки
 Есть звенящие звена.
 Милари зовут так сладко
 Потужить за лесом совкой.
 Ай! Ах, на той горке
 Есть цветочек куманка-заманка.

ОПЫТ ЖЕМАННОГО

Я нахожу, что очаровательная погода,
И я прошу милую ручку
Изящно переставить ударение,
Чтобы было так: смерть с кузовком идет по годá.
Вон там на дорожке белый встал и стоит виденнега!
Вечер ли? Дерево ль? Прихоть моя?
Ах, позвольте мне это слово в виде неги!
К нему я подхожу с шагом изящным и отменным.
И, кланяясь, зову: если вы не отрицаете значения
любви чар,

То я зову вас на вечер.
Там будут барышни и панны,
А стаканы в руках будут пенны.
Ловя руками тучку
Ветер получает удар ея и не-я.
А согласно махнувшие в глазах светляки
Мне говорят, что сношенья с загробным миром
легки.

Мои глаза бредут как осень
По лиц чужим полям,
Но я хочу сказать вам мира осям:
„Не позволяю“.
Хотел бы шляхтичем на сейме,
Руку положив на рукоятку сабли,
Тому, отсвет желаний чей мы,
Крикнуть, чтоб узы воль ослабли.
Так ясневельможный пан Сапега,
В гневе изумленном возрастая,
Видит, как на плечо белее снега
Меха надеты горностая.
И падает шатаясь пан
На обагранный свой жупан...

В руках забытое письмо коснело...
Небо закатное краснело.
О, открыватель истин томный!
Круг — прамин бога вспомни.
Мощь нежная дитяти.
Сильно кольцо потяти.
Но что ж: бог длинноты в кольце нашел уют
И птицы вечности в кольце поют —
Так и в душе сумей найти кольцо
И бога нового к вселенной обратишь лицо.
И, путнику, тебе — придвинут боги чашу, с воз-
гласом: „Сам пей!
— Волну истоков. Эксампей!“
Я, тать небесных прав для человека,
Запратал мысль под слов туманных веко,
Но, может быть, не умертвил, взор подарить
свой Вий,
Тому, кто на языке понятном молвит: „Главу —
державицу овей!“

Так как мощь мила негуществ

Этой радостной душе,

Так как ходит зов могуществ

По молчаний пороше,

Так как ходит некий вечер

По взирающему рту,

Так как чертит с богом вече

По целинам лиц черту.

Отсутствииекая мать качает колыбель.

Дитя продевает сквозь кольца жизни ручки-
тучки небыли,

И любви-отца скачет по полю конским телом
буйхвостым;

И полистель войсками взоров дает приказы: ряды
стройсь!

Зазвени тетивы и звенел голубой лад луков.

И ресницы — копья.

Мальчик, развевающий кудрями будущего, смеется

И небовые глаза и золото звезд в них,

И ночь, протянувшаяся бровью.

Зима смеется в углах глаз блестит,

Небыстели вьются, кружатся за ресницами, метель
за окном.

Звон о грезежн о не,

И звоножарные сыпал торговец каменья,

И девовласый онел был и зрачкини, мойма взяли
синель,

И онаста моймом была разумнядь, и северовласая
сидела дева,

И черты зыбились толбой и были онасты ими
взоры дев,
И молчаниевлас был лик и оналикий бес.
Мноюлик таень и теблядины пятнаты моймом.
И тобел широкозеват и вчератая дева,
И мновый дух.
И было оново его сознание и онмвый его мысль,
И правдавщы разверзлись нелгущие ресницы,
И онкий возглас и умнядь вспорхнула в глазо-
вом озере.

Онкое желание.

Оникане и меникане вели сечу, выдерживали
осаду взором юноши.

Век с толпой миггов. Оноло моей души.

Сквозил во взорах онух и онелый сон онимая,
И онел врезающий когти в мойел.

ЗМЕИ ПОЕЗДА — БЕГСТВО

Посвящается охотнику за лосями, павдинцу Попову; конный он напоминал Добрыню. Псы бежали за ним как ручные волки. Шаг его: два шага простых людей.

1

Мы говорили о том, что считали хорошим,
Бранили трусость и порок.
Поезд бежал, разумным служа ношам,

2

Змеей качаемый чертог.
Задвижками стекол стучал,
Шатал подошвы ног.

3

И одурь сонная сошла на сонных кукол,
Мы были — утесы земли.
Сосед соседу тихо шушукал

4

В лад бега железного скользкой змеи.
Испуг вдруг оживил меня. Почудилось, что
жабры
Блестят за стеклами в тени.

5

Я посмотрел. Он задрожал, хоть оба были храбры,
Был ясен строй жестоких игол.
Так, змей крылатый! Что смерть, чума иль
на охоте бабры,

6

Пред этим бледным жалом, им призрак нас драз-
нил и дрыгал.

Имена гордые, народы, почестей хребты,
Над всем, всё попирая, призрак прыгал.

7

То видя, вспомнил я лепты,
Что милы суровому сердцу божеств,
„Каковых ради польз, — воскликнул я, — ты воз-
родил черты

8

Могучих над змеем битвы торжеств?“
Как ужас или как творец неясной шутки
Он принял вид и облик подземных существ?

9

Но в тот же миг заметил я ножки малютки,
Где поприще бега было с хвостом.
Эти короткие миги были столь жутки,

10

Что я доныне помню, что было потом.
Гребень высокий, как дальние снежные горы,
Гада покрыл широким мостом.

11

Разнообразные людские моры,
Как знаки жили в чешуе.
Смертей и гибели плачевные узоры

12

Вились по брюху, как плющ на стене;
Наместник главы, зияла раскрытая книга,
Как чолка лба на скакуне.

13

Сгибали тело чудовища преемственные миги.
То прядая кольцами, то телом коня, что встал
как свеча.

Касались земли нескромные вериги.

14

И пасть разинута была, точно для встречи
меча.

Но сеть звездами расположенных колючек
Испугала меня, и я заплакал не крича.

15

Власам подобную читая книгу, попутчик
Сидел на гаде, черный вран,
Усаженный в концах шипами и сотнями жучек.

16

Крыла широкий сарафан
Кому-то в небе угрожал шипом и бил, и зори
За ним светлы, как око бабра за щелью тон-
ких ран.

17

И спутник мой воскликнул: горе! горе!
И слова вымолвить не мог, охвачен грустью.
Угроза и упрек блестели в друга взоре.

18

Я мнил, что человечество верховье, мы-ж мчим-
ся к устью,

И он крылом змеиным напрягал,
Блестя зубов ужасной костью.

19

И вдаль поспешно убегал,
Чтоб телу необходимый дать разбег
И старого движенья вал.

20

В глазах убийство и ночлег,
Как за занавеской желтой ссору
Прочесть умел бы человек.

21

Мы оглянулись сразу и скоро.
На наших сонных соседей:
Повсюду храп и скука разговора.

22

Всё покорялось спячке и беседе.
Я вспомнил драку с змеем воина,
Того, что меч держа к победе

23

Шел. И воздух гада запахом, а поле кровию
напоены
Были, когда у ног, как труп безжизненный, чудо-
вище легло.
Кипела кровию на шее трупа, черная пробоина.

24

Но сердце применить пример старинный не могло.
Меж тем после непонимаемых метаний
Оно какой-то цели досягло

25

И, сев на корточки, вытягивало шею. Рой желаний
Его томил и мучил, чем-то звал.
Окончен был обряд каких-то умываний,

26

Он повернулся к нам — я в страхе умирал!
Соседа сонного схватил и щелкая
Его съедал. Змей стряпчего молодого пожирал!

27

Долина огласилась голкая
Воплем нечеловеческим уст жертвы.
Но челюсть частая и колкая

28

Медленно пожирала члены мертвы.
Соседей слабо убаюкал сон,
И некоторые из них пошли где первый.

29

„Проснитесь! — я воскликнул. — Проснитесь! Горе!
гибнет он!“

Но каждый не слышал, храпел с сноровкой,
Дремотой унесен.

30

Тогда доволен сказки остановкой,
Я выпрыгнул из поезда прочь.
Чуть не ослеплен еловою мутовкой

31

Боец, я скрылся в куст, чтоб жить и мочь.
Товарищ моему последовал примеру.
Нас скрыла ель при солнце ночь.

32

И мы в деревья скрывшись, как в пещеру,
Были угасших страхов пепелище.
Мы уносили в правду веру.

33

А между тем рассудком нищи
Змеем пожирались вместо пищи.

Гонимый — кем, почему я знаю?
Вопросом: поцелуев в жизни сколько?
Румынкой, дочерью Дуная,
Иль песнью лет про прелесть польки, —
Бегу в леса, ущелья, пропасти
И там живу сквозь птичий гам,
Как снежный сноп сияют лопасти
Крыла сверкавшего врагам.
Судеб виднеются колеса
С ужасным сонным людям свистом.
И я, как камень неба, неся
Путем не нашим и огнистым.
Люди изумленно изменяли лица,
Когда я падал у зари.
Одни просили удалиться,
А те молили: озари.
Над юга степью, где волы
Качают черные рога,
Туда, на север, где стволы
Поют, как с струнами дуга,
С венком из молний белый чорт
Летел, крутя власы бородки:
Он слышит вой власатых морд
И слышит бой в сковородки.
Он говорил: „Я белый ворон, я одиночек,
Но всё — и черную сомнений ношу
И белой молнии венки —
Я за один лишь призрак брошу,

Взлететь в страну из серебра,
Стать звонким вестником добра“.
У колодца расколоться,
Так хотела бы вода,
Чтоб в болотце с позолотцей
Отразились повода.
Мчась, как узкая змея,
Так хотела бы струя,
Так хотела бы водица,
Убегать и расходиться,
Чтоб, ценой работы добыты,
Зеленее стали чоботы,
Черноглазые, ея.
Шопот, ропот, неги стон,
Краска темная стыда,
Окна, избы, с трех сторон
Воят сытые стада.
В коромысле есть цветочек,
А на речке синей челн.
„На, возьми другой платочек,
Кошелек мой туго полн“.
„Кто он, кто он, что он хочет,
Руки дики и грубы!
Надо мною ли хохочет
Близко тяткиной избы“.
„Или? или я отвечу
Чернооку молодцу,
О сомнений быстрых вече,
Что пожалуюсь отцу?
Ах юдоль моя гореть!“
Но зачем устами ищем
Пыль, гонимую кладбищем,

Знойным пламенем стереть?
И в этот миг к пределам горшим
Летел я сумрачный, как коршун.
Возреньем старческим глядя на вид земных шумих,
Тогда в тот миг увидел их.

Не мало славных полководцев,
Сказавших „счастлив“ умирая,
Знал род старинных новгородцев,
В потомке гордом догорая.

На белом мохнатом коне
Тот в Польше разбил короля.
Победы, коварны оне
Над прежним любимцем шляя.

Тот сидел под старой липой,
Победитель в Измаиле,
И, склонен над приказов бумажною кипой,
Шептал умирая: „мы победили!“.

Над пропастью дядя скакал,
Когда русские брали Гуниб.
И от раны татарскою шашкой стекал
Ручей. — Он погиб.

То бобыли, то масть вороная
Под гулкий звон подков
Носила седоков
Вдоль берега Дуная.

Конюшен дедовских копыта,
Шагами русская держава,
Была походами покрыта,
Товарищами славы.

Тот на Востоке служил
И, от пули смертельной не сделав изгиба,
Руку на сердце свое положил
И врагу, улыбаясь, молвил: „спасибо“.

Теперь родовых его имений
Горят дворцы и хутора,
Ряды усадебных строений
Всю ночь горели до утра.

Но предан прадедовским устоям,
Заветов страж отцов,
Он ходит по покоям
И теребит концы усов.

В созвездье их войдет он сам!
Избранники столицы,
Нахмурив свои лица,
Глядят из старых рам.

1

Хребтом и облищем зачем стал подобен коню,
 Хребтом и облищем зачем стал подобен коню,
 Кому ты так ржешь и смотришь сердито?
 Я дерзких красавиц давно уж люблю,
 Я дерзких красавиц давно уж люблю,
 И вот обменял я стопу на копыто.

2

У девушек нет таких странных причуд,
 У девушек нет таких странных причуд,
 Им ветренный отрок милее.
 Здесь девы холодные сердцем живут,
 Здесь девы холодные сердцем живут,
 То дочери великой Гилеи.

3

Гилеи великой знакомо мне имя,
 Гилеи великой знакомо мне имя,
 Но зачем ты оставил свой плащ и штаны?
 Мы предстанем перед ними,
 Мы предстанем перед ними,
 Как степные скакуны.

4

Что же дальше будут делая,
 Игорь, Игорь!
 Что же дальше будут делая,
 С вами дочери сей страны?
 Они сядут на нас, белые,

Товарищ и друг,
Они сядут на нас, белые,
И, помчат на зов войны.

5

Сколько ж вас, кому охотней,
Борис, Борис!
Сколько ж вас, кому охотней
Жребий конский, не людской.
Семь могучих оборотней,
Товарищ и друг,
Семь могучих оборотней —
Нас, снедаемых тоской.

6

А если девичья конница,
Борис, Борис!
А если девичья конница
Бой окончит, успокоюсь?
Страсти верен, каждый гонится,
Товарищ и друг,
Страсти верен, каждый гонится
Разрубить мечом их пояс.

7

Не ужасное ль в уме?
Борис, Борис!
Не ужасное ль в уме
Вы замыслили, о братья?
Нет, покорны девы в тьме,
Товарищ и друг,
Нет, покорны девы в тьме, —
Мы похитим меч и платья.

8

Но, похитив их мечи, что вам делать с их
слезами,

Борис, Борис?

Но, похитив их мечи, что вам делать с их
слезами?

То исконное оружие.

Мы горящими глазами,

Товарищ и друг,

Мы горящими глазами

Им ответим. Это средство — средств не
хуже их.

9

Но зачем вам стало надо,

Борис, Борис!

Но зачем вам стало надо

Изменить красе лица?

Убивает всех пришельцев их громада,

Товарищ и друг,

Убивает всех пришельцев их громада,

Но нам любо скок беглеца.

10

Кратких кудрей, длинных влас,

Борис, Борис!

Кратких кудрей, длинных влас,

Распри или вас достойны?

Этот спор чарует нас,

Товарищ и друг,

Этот спор чарует нас,

Ведут к счастью эти войны.

Свою любовницу лаская
В объятьях лживых и крутых,
В тревоге страсти изнывая,
Что выжигает краски их,
Не отвлекаясь и враждуя,
Давая ходам новый миг,
И всеми чарами колдуя,
И подавляя стоном крик, —
То жалом длинным, как орехом
По доскам затрещав,
Иль бросив вдруг среди потехи
На станы медный сплав, —
Разятся черные средь плена
И злата круглых зал,
И здесь вокруг трещат полена,
Чей души пламень сжал.
Людские воли и права
Топили высокие печи —
Такие нравы и дрова
В стране усопших встречи!
Из слез, что когда-либо лились,
Утесы стоят и столбы,
И своды надменные взвились —
Законы подземной гурьбы.
Покой и мрачен и громоздок,
Деревья — сероводород.
Здесь потны лица, спертый воздух, —
Тех властелинов весел сброд.

Здесь жадность, обнажив копыта,
Застыла, как скала,
Другие, с брюхом следопыта,
Приникли у стола.
Сражаться вечно в гневе, в яри,
Жизнь вздернуть за власа,
Иль вырвать стон лукавой хари,
Под визг верховный колеса.
Ты не один — с тобою случай,
Призвавший жить — возьми отказ!
Иль черным ждать благополучья,
Сгорать для кротких глаз?
Они иной удел избрали —
Удел восстаний и громов;
Удел расколотой скрижали,
Полета в область странных снов.
Они отщепенцы, но строги,
Их не обманет верный стан,
И мир любви и мир убогий
Легко вместился в их карман!..
Один широк был, как котел,
По нем текло ручьями сало,
Другой же хил, и вера сёл
В чертей не раз его спасала.
В очках сидели здесь косые,
Хвостом под мышкой щекоча,
Хромые, лысые, рябые,
Кто без бровей, кто без плеча.
 Рогатое, двуногое,
 Вращает зрачки.
 И рыло с тревогою,
 Щиплет пучки.

Здесь стук и грохот кулака
По доскам шаткого стола,
И быстрый говор: — „Какова?
Его семерка туз взяла!“
Перебивают, как умело,
Как загоняют далеко,
Играет здесь лишь только смелый,
Глядеть и жутко и легко.
Вот один совсем зарвался, —
Отчаянье пусть снимет гнет! —
Удар, смотри — он отыгрался,
Противник охает, клянет.
О, как соседа мерзка харя,
Чему он рад, чему?
Или он думает, ударя,
Что мир покорствуем ему?
И рыбы катятся и змеи,
Скользя по белым шеям их,
Под взглядом песни чародея,
Вдруг шепчут заклинанья стих.
— „Моя!“ — черней, воскликнул, сажи,
Четой углей блестя зрачки! —
В чертог восторга и продажи
Ведут съедобные очки!
Сластолюбивый грешниц сейм,
Виясь, как ночью мотыльки,
Чертит ряд жарких клейм
По скату бесовской руки.
Ведьмина пестрая, как жаба,
Сидит на жареных ногах,
У рта приятная ухаба
Смешала с злостью детский: „Ах!“

И проигравшийся тут жадно
Сосет разбитый палец свой,
Творец систем, где всё так ладно,
Он клянчит золотой!..
А вот усмешки, визги, давка.
— Что? что? зачем сей крик? —
Жена стоит как банка ставка,
Ее держал хвостач старик.
Пыхтит, рукой и носом тянет,
Сердит, но только лезут слюни,
Того, кто только сладко взглянет,
Сердито тотчас рогом клюнет.
Она, красавица исподней,
Склонясь, дыхание сдержала,
И дышит грудь ее свободней
Вблизи веселого кружала.
И взвился вверх веселый туз,
И пала с шелестом пятерка,
И крутит свой мышинный ус
Игрок суровый, смотрит зорко.
И, в муках корчившийся, шулер
Спросил у чорта: „Плохо, брат?“
Затрепетал... „Меня бы не надули!“
Толкнул соседа: „Виноват!“
Старик уверен был в себе,
Тая в лице усмешку лисью,
И не поверил он судьбе —
Глядит коварно, зло и рысью.
С алчбой во взоре, просьбой денег,
Сквозь гомон, гам и свист,
Свой опуствя стыдливо веник,
Стояла ведьма, липнул лист.

Она на платье наступила,
Прибавив щедрые прорехи,
На все взирала горделиво,
Волос торчали стрехи.
А между тем варились в меди,
Дрожали, выли и ныряли
Ее несчастные соседи —
Здесь судьи строго люд карали!
И влагой той, в которой мыла
Она морщинистую плоть,
Они, бежа от меди пыла,
Искали муку побороть!..
И черти ставят единицы
Уставшим мучиться рабам,
И птиц веселые станицы
Глаза клюют, припав к губам.
И мрачный бес, с венцом кудрей,
Колышет вожжей, гонит коней;
Колеса крутят сноп мечей
По грешной плоти — род погони.
Новину обморков пахал,
Сохою вонзенною пахарь,
Рукою тяжелой столбняк замахал —
Искусен в мучениях знахарь...
Здесь дружбы нет: связует драка,
Законом песни служат визги,
И к потолку — гнездовьям мрака —
Взлетают огненные брызги.
Со скрежетом водят пилу
И пилят тела вчетвером,
Но бес, лежащий на полу,
Всё ж кудри чешет гребешком.

Смотрелася в зеркале,
С усмешкою приткою,
Ее же коверкали
Медленной пыткой.
У головешки из искор цветков —
То сонный усопший по озеру плыл,
Зеленой меди кипятков
От слез погаснул, не остыл.
Тут председатель вдохновенно
Прием обмана изъяснял,
Все знали ложь, но потаенно
Урвать победу всяк мечтал.
С давнишней раной меч целует,
Приемля жадности удар,
О боли каждый уж тоскует
И случай ищется как дар.
Здесь клятвы знают лишь на злате,
Прибитый долго здесь пищал,
Одежды странны: на заплате,
Надежды луч не трепетал.
Под пенье любитя легко,
Приходят нравы дикарей,
И нож вонзился глубоко
И режет всех без козырей.

Песня ведьм

Вы, наши юноши, что же сидите?
Девуцы дивятся, стали сердитей!
Бровям властелиновым я высока,
Ведьманы малиново блещет щека.
Полосы синие и рукоять...
К чорту уныние! Будет стоять!

„Я, походкой длинной сокола,
Прохожу сутул и лих,
Мчусь в присядке быстрой около
Ряда стройных соколик“.

„Черных влас маша узлами,
Мы бежим, бия в ладони,
Точно вспуганы орлами,
Козы мчались от погони“.

„Скрыться в темные шатры,
Дальней радости быстры,
Прижимая по углам
Груди к трепетным ногам...“

И жирный вскрикнул: „Любы бесу,
Тому, кто видел роз тщету,
И, как ленивого повесу,
Мою щекочете пята!..

Смотрите, душ не растеряйте —
Они резвей весною блох!
И петель зайца не мотайте,
Довольно хныкать: ух и ох!..“

Разгул растет, и ведьмы сжали
В когтях ребенка — горбуна,
Добычу тощую пожрали
Верхом на угольях бревна.

„Пойми, узнай... тебе я дадена!
Меня несут на блюде слуги!“

И полуобраз, полугадина
Локтями тянется к подруге...
И вот на миг сошло смятенье, —
Игрок отброшенный дрожал, —
Их суд не ведал снисхожденья:
Он душу в золото обращал.

Смеюн, что тут бросал беспечно,
Упал, как будто в западню,
Сказать хотелось сердцу речь, но
Все сожигалось данью дню.
Любимец ведьм, венец красы
Под нож тоскливый подведен,
Ничком упал он на весы,
А чуб (гляди) белей, чем лен!
У злата зарево огней,
И седина больней,
Она ничтожна и слаба,
Пред ней колышется резьба.
И чорт распиленный, и стружки,
Как змейки в воздухе торчат —
Такие резвые игрушки
Глаза сожженные свежат!
Быть отпущенным без песни,
Без утехи и слезы,
Точно парубки на Пресне,
Кладбищ выходцы мерзлы.
Любовниц хор, отравы семя,
Над мертвым долго хохотал,
И — вкуса злость — златое темя
Их коготь звонко скрежетал.
Обогащенный новым даром
Игры, счастливец стал добрее
И, опьянен огней угаром,
Играет резче и смелее.
Но замечают щелки: счастье
Все валит к одному,
Такой не видели напасти —
И все придвинулись к нему.

А тот с улыбкой скромной девы
И дерзко синими глазами,
Был страшен в тихом севе,
Все ворожа руками.
И жутко и тихо было близ беглеца,
Крыл ускользают силы,
Такого ли ждали конца?
Такое дитя просили?
Он, чудилось, скоро
Всех обыграет и спасет
Для мук рожденных и надзора, —
Чертей бессилит холодный пот!
И в самый страшный миг
Он услышал высокий вой,
Но, быть страдающим привык,
О стол ударил головой.
И все увидели: он ряжен,
Что рана в нем давно зияла,
И труп сожжен, обезображен,
И крест одежда обнажала.
Мгновенье — нет креста...
Глядящий ловит сотню жал
И слышит резь хлыста —
Все там заметили кинжал.
Спасенный чует мести ярость
И сил прилив богатый,
Шипит забвению усталость,
И строен стал на час горбатый.
И ягуары в беге злобном
Кружатся вечно близ стола,
И глазом, зелени подобным,
Кидалась умная стрела.

[Еще! еще! и горы злата
Уж давят видом игрока,
Монет наполнена палата,
Дрожит усталая рука].
Пусть совесть квохчет по* куриному
И всюду клюв сует,
К столу придвинувшись длинному
И вурдалачий стиснув рот,
По пояс сбросила наряд,
И маску узкую и рожу —
И бесы, стройную, — навряд
Другую встретите, похоже.
Струею рыжей, бурно-резвой
Течет плечо к ее руке,
Но узкий глаз и трезвый
Поет о чем-то вдалеке.
Так стал прекрасен чорт,
Своим порочным, нежным телом —
Кумач усталый его рот,
И всё невольно загудело.
В глазах измены сладкой трубы, —
Среди зимы течет Нева! —
Неделя святок ее зубы,
Кой-где засохшая трава.
Самой женственностью шаг,
Несома телом ворожея,
Видал ли кто в стране отваг,
Луч незабудок, где затея?
Она ж не чувствует красы,
Она своей не знает власти,
В куничьем мехе сквозь усы,
Садится к крепкому отчасти.

Тот слабый был, но сердце живо;
Был остр, как сыр, ведьминский запах,
И вот к нему, заря нарыва,
Она пришла охапкой в лапах.
Никто и бровью не моргнул,
Лишь ходы сделались нелепы,
Вот незаметно бес вздрогнул,
Он обращает стулья в щепы.
Бедняк отмеченный молчал
И всё не верил перемене,
Хотя рот бешено кричал,
Жаркого любящих колени.
Рукою тонкою, как спичка,
Чесал тот кудри меж игры,
Порхала кичка точно птичка,
Скрывая мудрости бугры.
Бычачьи делались глаза,
Хотел все далее играть,
Бодал соседа как коза,
Когда хотел тот сзади стать.
Игра храбреет как нахал,
Летают сумеречные ставки,
Мешок другой он напихал,
Высокомернее стал шавки.
„Черная галка!“ — запели все разом,
„Черная галка!“ — соседи галдели.
Ладонею-то, дырявым-то тазом,
Воинственно гремели.

Речь судреца.

„Всего ужасней одинокий,
Кто черен, хил и гноен,

Он спит, но дух глубокий,
В нем рвется неспокоен.
Бессильный видит вечно битвы,
Он ждет низринуть королей,
Избрал он царства для ловитвы,
Он — чем смелее, тем больней.
И если небо упадет
И храм сожженный просверкает,
Вчерашний раб народы поведет,
Силен ведь тот, кого не знают!
Вот я изрек премудрость ада,
За что и сяду ко всем задом“.

.
Счастливец проснулся, смекнул,
Свое добро взвалил на плечи,
И тихим шагом отшагнул,
Домой, долой от сечи.
И умиленно и стыдливо
За ним пошла робка и та,
Руки коснувшись боязливо
И стала жарче, чем мечта.
„Служанки грязною работой
Скажи, какой должно помочь?
Царица я! копьем охоты,
Именам знатным кину: прочь!
Сошла я в подземные недра,
Земные остались сыны,
Дороги пестрила я щедро:
Листами славными красны.
Ты самый умный, некрасивый,
Лежишь на рубище в пыли
И я сойду тропой спесивой

Твои поправить костыли.
Тебя искала я давно,
Прошла и долы и моря,
Села оставила гумно,
Улыбок веники соря.
Твой гроб живой я избрала,
И в мертвом лике вижу жуть,
В борьбе с собой изнемогла —
К тебе моя уж настезь грудь.
Спесь прежних лет моих смирится —
Даю венок,
Твоя шершавая десница —
Паду, великая, у ног.
О, если ринешься с высот,
Иль из ущелий мрачных взмоешь —
Равно вонзаешь в сердце дрот,
И новой раной беспокоишь!“
Отверженный всегда спасен,
Хоть пятна рдеют торопливо,
Побродит он —
И лучшее даст пиво...
Как угля снег сияло око —
К блуднице ластилися звери,
Как бы покорны воле рока,
Ей, продавщице ласки, веря.
И вырван у множества вздох:
„Кто сей беззаботный красам?“
И путь уж ему недалек,
И знак на плечах его: сам.
Тщедушный задрожал за золото
И, вынув горсть червонцев,
Швырнул красавице богато —

Ах, на дороге блещет солнце!
Та покраснела от удара,
Руками тонкими взметнула,
И, задыхаясь от пожара,
В котел головою нырнула.
Дворняжкой желтой прынул волос,
Вихри оград слезой погасли
И с медью дева не боролась,
Махнув косою в кипящем масле.
Судьба ее вам непонятна?
Она пошла, дабы сгореть,
Высоко, пошло и бесплатно —
Крыс голубых, та жертва снеть!
И заворчал пороков клад,
К смоле, как стриж, вспорхнув мгновенно.
Вот выловлен наряд,
Но тела нет, а есть лишь пена!
Забить ее, конечно, можно,
Недолог миг, короче грусть,
Одно тут непреложно
И стол во век не будет пуст.
Игра пошла скорей, нелепей:
Шум, визг и восклицанья —
Последни рвутся скрепы
И час не тот, ушло молчанье!
Тысячи тысяч земного червонца
Стесняют места игроков —
Вотще, вотще труды у солнца, —
Вам места нет среди оков!
Брови и роги стертые от носки,
Зиждя собой мостовую,
Где с ношей брюхатой повозки

Пыль поднимают живую.
Мычит на казни осужденный:
„Да здравствует сей стол!
За троны вящие вселенной,
Тебя не отдам нищ и гол!
Меня на славе тащут вверх,
Народы ноги дают,
Благословлю впервые всех,
Не всё же мне лукавить!“
Порок летит в сердцах на сына,
Голубя слаще кости ломаются!
Любезное блюдо зубовного тына
Метель над желудком склоняется...
А наверху под плотной крышей,
Как воробей в пуху, лежит один.
Свист, крики, плач чуть слышны,
Им внемлет, дремля, властелин.
Он спит сам князь — под кровлей —
Когда же и поспать?
В железных лапах крикнут кролики,
Их стон баюкает, как мать...
И стены сжались, тускнея,
Где смотрит зорко глубина,
Вот притаились веки змея,
И веет смерти тишина.
Сколько легло богачей,
Сколько пустых кошельков,
Трясущихся пестрых ногтей,
Скорби и пытки следов!..
И скука, тяжело нависая,
Глаза разрежет до конца,
Все мечут банк и, загибая,

Забыли путь ловца.
И лишь томит одно виденье
Первоначальных светлых дней,
Но строги каменные звенья,
Обман — мечтания о ней.
И те мечты не обезгрешат,
Они тоскливей, чем игра.
Больного ль призраки утешат?
Жильцу могилы ждать добра?
Промчатся годы — карты те же,
И та же злата желтизна,
Сверкает день все реже, реже,
Печаль игры, как смерть, сильна!
Тут под давлением двух миров,
Как в пыль не обратиться?
Как сохранить свой взгляд суров,
Где тихо вьется небылица?
От бесконечности мельканья,
Туманит, горло всем свело,
Из уст клубится смрадно пламя
И зданье трещину дало.
К безумью близок каждый час,
В глаза направлено бревно.
Вот треск и грома глас.
Игра, обвал — им все равно!
.
Все скука угнетает...
И грешникам смешно...
Огонь без пищи угасает
И занавешено окно...
И там в стекло снаружи,
Всё вьется старое лицо,

Крылом серебряные мужи
Овеют двери и кольцо.
Они дотронутся, промчатся,
Стеная жалобно о тех,
Кого родили... дети счастья
Всё замолить стремятся грех...

Часть I

В стране осок и незабудок
Еще не водка, а вода,
Не пламень жаркий для желудка...
Орали: — „Воины, сюда!
Сюда, лягушки из болота,
Покиньте сочные сокровища,
И, зная, что издохнет кто-то,
Плещите грудью на чудовище!
За честь глазастой водной дщери,
С ее серебряным брюшком,
Бросайтесь, рвитесь, точно звери,
С мечом воюя босиком!
Ведь весна и нет мороза,
Сумасшедший месит сласти,
Но колеса паровоза
Сокрушают наше счастье.
Мы дети веселой долины,
Она отдана нам в надел,
Мы, восставшие скотины
Против грузных манных тел!“
И лишь багровое пятно
С зловещим шумом придвигалось,
Толпой лягушек плотно
Спокойной песней окружалось.
— „Храбрец, богатырь или витязь,
Спасайте лягушечью честь,
Снова ложитесь, ложитесь,

Чтоб было, что ворону есть! “
И гибли молодые лягушки
Под рукопожатьем колес,
А паровоз жесточе пушки
Свои мозоли дальше нес.
Его успехи обеспечены,
А жабья что ему слеза?
Они торчали искалечены,
И знамя срезала коса!
Они ложились, точно воины,
Ничком поверх свистящих нитей.
Колеса кровью успокоены,
Резвей летели волчьих сытей.
Певцы болот лежали глупы,
Черту зрачка в себя тараща,
Зеленые, слизкие трупы —
Их множество, гибель, зеленая чаша!
Как Гете в голубом,
Качая французскою ляжкой,
Лежали лягушки . . . но, о другом
Мечтая, мчится проезд тяжкий

Песнь колес паровоза

„Сеном каменным нас топит
Рукой мрачной кочегар,
То замедлит, то торопит
Лёт летящих в скачку пар.
Мы, непослушные ему,
Опрокинем и чуму
И рабочего куму,

С нею вместе войска тьму.
Чу! мычит корова — м-му!
Перережем пополам,
И урок дадим уму,
И покатым через гам . . .
Избран кто толпы разбоем,
Тот идет рыкая зычно
И ничтожной своры воем,
Не заказан путь привычный! “.

Сторож, палкою швыряя,
Поутру путь обходил
И, глазам не доверяя,
Жаб усопших находил.
Пусть лягушка та раздавлена
Колес бегом табуна —
Трупом снова огровавлена
И прославлена Жена!
О, узкомордые самцы,
Прозрачен, тих озерный замок
. ¹ мученику венцы —
Уста могучих счастьем самок.
Прошли часы. Лягушки пали
Под тяжким чугуна лобзаньем.
В снега потом их закопали,
А я почтил сказаньем.
И, седым покрытый дымом,
Мчится дальше паровоз . . .
И поет про них: „Не имам“,
В слезах родина стрекоз.

Побег прокаженных

Но в те поля, снегов богатство,
Кого забросила судьба?
Свободу, рядом с нею — братство,
Не приютила ль там изба?
Какие гордые указы
Отсель долины людям шлют?
Увы, увы! Больных проказой,
Клоповник горный и уют.
Здесь в зыбке дней проказа,
Указка гибели большого,
Сквозной бессилен светский разум
Сиять стеклом в глазу крутого.
И те, кто были здоровее,
Грозили им как длань закона,
Но дух чумы, на стражу вея,
Дышать заставил мухой сонной.
Плеть судьбы грозила гадко
Хлыстом стаду униженных,
Но на поезда площадке
Смотрят лица прокаженных.
С печалью хитрой на устах,
В больничных скрытые холстах,
Они бежали торопясь,
Где страшный врач — их враг и глаз.
Чаго — надорвана щека,
У Куди рот — распухший ящик,
Та — слизи черный ком рука,
Кудабиль — в рубище болячек.
Тот засмеется и в час смерти,

А этот вечно, вечно хнычет,
Гнилая челюсть, праха жерди
Торчали сквозь провала вычет.
Покрыта зеленью скакала,
Жуя свой хлеб, та челюсть нижняя,
А та щека навек, навек искала,
Где в жмурках ухо ее ближее . . .
Он навсегда вопит: „ура!“,
Нарывно блещут десна,
В щеке — мышинная нора,
Их дни, их речи — чумноносны.
Да, вы, товарищи и братья,
Себя зовите смело „мы“,
Дыханье грозно, выше платье
Наводит ужас на холмы.
И вы вольны упасть в ущелье—
Тут всех сравнял запрет побега,
И ангел, стоя над постелью,
Зияет черной коркой снега . . .
. . . просили молча молочка
И права к ближним писем,
Внутри воротничка
Ходить в салопе лисьем.
И долго лились жалобы
О шляпках и о ботиках,
И тут иная обнимала бы
Не будь тех правил дротиков.
И были скверны и убоги
Желанья их,
Вот язвами нагие ноги
Обвеял ветер, после стих
К ним на плечи села грязь . . .

На площадке приютась,
Самый задний, самый видный
Хохот слышит и обидный:
„Все умрете, все протухнем,
Эй, дубинушка, ухнем!..“
Слез потоком этот вымок:
Нет громады есть лишь пух,
Все исчезнет сетью дымок:
И слава и войны двух мух.
Довольно нам в тебя играть —
Покрылись слюнями секиры,
[Повернем скорее] вспять,
[Обманем струнами] кумиры.
Черным трупом здоровяк
Скоро, скоро в яму рухнет,
И о камень, камень бряк —
Все умрем и все протухнем.
И дрожали тела:
Не люди мы разве?
А над ними небеса
Тоже в черной язве...
И поезд несется,
И поезд трясется,
Проводник не обернется,
Тот умрет кто их коснется...

ДЕТИ ВЫДРЫ

1-й парус

1

Море. В него спускается золотой от огня берег. По небу пролетают два духа в белых плащах, но с косыми монгольскими глазами. Один из них касается рукой берега и показывает руку, с которой стекают огненные брызги; они, стаяя, как лебеди осенью в темной ночи, уносятся дальше. Издали доносится их плач.

Берег вечно горит, подымая костры огня и бросая потоки лавы в море; волны бьются о красные утесы и черные стены.

Три солнца стоят на небе — стражи первых дней земли. В верхнем углу площадки, по закону складней, виден праздник медведя. Большой черный медведь сидит на цепи. Листвени Севера. Вокруг него, потрясая копьями, сначала пляшут и молятся ему, а потом с звуком бубен и плясками съедают его. Водопад лавы падает с утесов в море. Дети Выдры пролетают, как нежно-серебристые духи с белыми крылами.

2

Волны время от времени ударяют о берег. Одно белое солнце, другое меньшее — красное с синеватым сиянием кругом и третье — черное в зеленом венке. Слышны, как слова жалобы и гнева на странном языке. В углу занавеси виден конец крыла. Над

золотым берегом показывается крылатый дух с черным копьём в руке, в глазах его много злой воли. Копье, шумя, летит, и красное солнце падает, точно склоняясь к закату, роняя красный жемчуг в море; земля изменяется и тускнеет. Несколько зеленых травинок показалось на утесе сразу прыгнув. Потоки птицы.

Встав на умершее солнце, они, подняв руку, поют кому-то славу без слов. Затем Сын Выдры, вынув копьё и шумя черными крылами, темный, смуглый, главы кудрями круглый, ринулся на черное солнце, упираясь о воздух согнутыми крыльями—и то тоже падает в воды. Приходят олени и звери.

Земля сразу темнеет. Небу возвращается голубой блеск. Море из черного с красными струями стало зеленым. Дети Выдры подают друг другу руку и впервые опускаются на землю. В дневной жажде они припадают устами к холодной струе, сменившей золотой поток лавы; он надевает на руку каменный молоток и раскалывает камень. Всюду травы, деревья, рощи берез. Он сгибает березу, роняющую листья, в лук, связывает прядью волос.

Показывается маленький монгол с крыльями.

Озирая курган прежних спутников, одинокое солнце закатывается в грустных облаках.

Покачивая первые дни золотого счастья, Мать Мира — Выдра показывается на волнах с рыбой в зубах и задумчиво смотрит на свои дела.

Первый дым — знак жизни над той пещерой, куда привел их мотылек.

Дети Выдры сидят у костра вдвоем и растапливают свои восковые крылья. Сын Выдры говорит, показывая на белое солнце: — Это я!

Черный конь морских степей плывет, летит вода из круглой ноздри около круглого глаза. Кто-то сидит на нем, держа в руках слоновую доску и струны.

То первые дни земного быта.

Крупный морской песок. Ребра кита чернеют на берегу. Морские кони играют в волнах. Одинокий естествоиспытатель с жестянкой ходит около них, изучая мертвые кости кита. Дочь Выдры берет в морскую раковину воды и льет за воротничок ученому. Он морщится, смотрит на небо и исчезает.

Небо темносерое. Дочь Выдры окутана волосами до ног. Дождь. Письма молнии. Прячась от нее, они скрываются в пещере. Небо темнеет. Крупные звезды. Град. Ветер. Площадь пересекает черный самобег. Дикае призывные звуки. Здесь стон разбившегося на смерть лебедя и дикое хрюканье носорога. В темноту брошены два снопа света, из окна наклоняется истопник в шубе и, протягивая руку, кричит — „туда“ и бросает на песок сумку. Страшный ветер. Дрожа от холода, они выходят, берут привезенные одежды. Они одеваются. На нем пуховая шляпа. Дочь Выдры в черной шубке; на ней голубой чепец. Они садятся и уезжают. Бородатый людоконин, с голубыми глазами и копытами, проходит по песку. Муха садится ему на ухо; он трясет темной гривой и прогоняет. Она садится на круп, он поворачивается и задумчиво ловит ее рукой.

Поднимается занавес — виден зерцог Будетлянин, ложи и ряд кресел. Дети Выдры проходят на свои места, в сопровождении человека в галунах.

(На подмостках охота на мамонта).

Золотые березы осени венчают холм. Осины. Ели. Толпа старцев и малые внуки стоят, подымая руки к небу. Бивни желтые, исчерченные трещинами, эти каменные молнии, взвились кверху. Как меткая смерть носится хобот в облаках пыли. В маленьких очах, с волосатыми ресницами, высокомерие. Художник в дикой, вольно наброшенной шкуре вырезает на кости видимое и сурово морщит лоб. Камни засыпают ловчую яму, где двигается только один хобот и глаза.

Занавес.

Твою шкуру секли ливни,
Ты знал ревы грозы, ты знал писки мышей,
Но как раньше сверкают согнутые бивни
Ниже упавших на землю ушей.

Горит свеча именем разум в подсвечнике из черепа; за ней шар, бросающий на всё шар черной тени. Ученый и ученики.

Ученый:

Точка, как учил Боскович.

Ровесник Ломоносова:

Что?. (Срывается со стороны игра в мяч. Мяч куда-то улетает). Бурные игроки!

Игрок:

От силы сапога летит тот за облака.

Но слабою овечкой глядит другой за свечкой.

Атом вылетает к 2-му игроку; показываются горы. Это гора Олимп.

На снежных вершинах туземцы молитв.

Б[удетлянин]: Гар, гар, гар! Ни, ни, ни! Не, не, не! Размером Илиады решается судьба Мирмидонянина.

Впрочем он неподалеку в сумраке целует упавшую с закрытыми очами Бризеиду, и черный, смуглый, подняв кверху жесткие черные очи, как ветер бродит рукой по струнам.

Сверху же беседуют о нем словом Гомера: „андра мой эннепе муза“.

Снежный зверинец, наклоня головы, сообща обсуждает час его. Сейчас или позднее он умрет. Ахилл Кризь! я люблю тебя! Ну ляг, ляг, ну положи сюда свои черные копытца. Небо! Может ли быть что-нибудь равное моему Брысе? Это ничего что я комар! О чем вы там расквакались?

Раньше всё это было скрыто тенью атома.
Не смей смеяться. Не хорошо так сладко

смеяться.

Подыми свои голубые ловушки.

Наверху Олимп бросал взволнованно прочувствованные слова на чашку весов, оживленно обсуждая смерть и час Ахилла.

Впрочем скоро он заволакивается облаками и становится нашей Лысой горой с одинокой ведьмой.

На все это внимательно смотрели Дети Выдры, сидя на галерке, приехавшие с морского берега, еще нося на щеках морскую пыль.

Сын Выдры думает об Индии на Волге; он говорит: — „Ныне я упираюсь пятками в монгольский мир и рукой осязаю каменные кудри Индии“. Сын Выдры слетает с облаков, спасая от Руссов Нушаба и его страну.

Ушкуйник, грустно негодуя,
 Толпу друзей на помощь звал.
 Вотще! лишь ветер, скорбно дую,
 Его на дереве качал.
 Ему гребцов знаком был навык,
 И взмах веслом вдоль длинных лавок,
 И вещей холод парусов,
 На латах, шлеме — знак рубцов,
 И плач закованных купцов,
 Трусливых, раненых, лукавых.
 Щели глаз своих кровавых
 Филин движет и подьемлет
 И косое око внемлет,
 Как сучок внутри извилин
 Погасил шурша бубенчики,
 Сон-трава качает венчики.
 Опять, опять хохочет филин,
 Но вот негромкий позвонок,
 Усталый топот чьих-то ног.
 Покрыты в ткани черных груди,
 Идут задумчиво верблюды,
 Проходят спутники араба:
 То Мессакуди и Иблан

Идут в Булгар,
За ним Куяба —
Дорога старых персиян.
Искандер-Намэ в уме слагая,
Он пел про руссов золотых,
Как всё от руссов убегая,
Молило милости у них.
Как эта слава неизвестная,
Бурей глаз своих небесная,
Рукой темною на рынок
Бросает скованных богинь,
А в боя смертный поединок,
Под песни бешеных волюнок,
Идет с напевом: дружба! згинь!
Визг парусов вверху телег,
Пророча ужас и набег,
Уводит в храмов темных своды
Жрецов поруганной колоды,
Их колесные суда
Кладбища строят навсегда.
В священной роще черной тьме
Иблан запел: Искандр-Намэ!
Где огнепоклонник ниц упал,
Горбом бел своих одежд,
И олень во тьме ступал,
Рог подьемля сонных вежд —
Там лежит страна Бердая,
Цветом зорь не увядая.
Песня битв — удар весла,
Буря руссов принесла.
Видя, что красней соломы
Гибнут белые хоромы,

Плакал злобно старый ясс,
О копье облокотясь.
Морских валов однообразие,
Дворцы туземных поморян,
И уж игрушки веселой Абхазии
Кудрями машут среди северян.
Царь Бердай и Нушабэ
Гневно молятся судьбе.
„Надень шлем, надень латы!
Прилети сюда, крылатый
Царь Искандр! Искандр внимли
Крику плачущей земли.
Ты любимцем был веков!
Брось пирушку облаков!
Ты, прославленный людьми,
Дерзость руссов покарай.
Меч в ладонь свою возьми,
Прилети с щитом в наш край!
Снова будь земная ось,
Мудрецов же сонных брось“.
И тот сошел на землю,
Призрак полководца!
Беги, храбрец! затем ли?
С мертвыми бороться!
Уж с Камы два прекрасных Венда
Копьем убиты Зоревенда.
Но русс Кентал,
Чьи кудри — спеющий ковыль,
Подковой витязя топтал
Сраженьем взвевянную пыль,
Как прокаженный нелюдим,
Но девой снежною любим.

Тогда Искандр дал знак полкам
В шлеме серебряном изогнут.
Он ждал, с дружиной войдя в храм,
Когда от битвы руссы дрогнут.
И пал Кентал.
Но долго мчался наяву,
Прижав к коню свою главу,
С своим поникшим кистенем
И сумасшедшим уж конем.
И нес его конь, обнажая резцы,
Сквозь трупы, сквозь сонмы смущенных
людей,

И руссы схватили коней под уздцы,
И мчались на отмель на парус ладей.
В путях своих велики боги,
Арабы мудры и мирны,
И наблюдают без тревоги
Других избранников войны.
А море стало зеленее
И русской кровью солонее.
Гремит, журча струей, родник;
Мордвин, арабов проводник,
Сложив оазису моленье,
Сказал: „Здесь стан отдохновенья.
Здесь расположим мы свой стан
Вблизи столицы государства;
В Булгаре любят персиян,
Но Кереметь — само коварство“.
Но клич, но стон потряс леса;
В нем отблеск близких похорон,
И в нем не верят в небеса.
Костер печально догорает,

Пламена дышат в беспорядке.
Индиец старый умирает,
Добыча страшной лихорадки.
Глава о руки упиралась
И дыханьем смерти волновалась.
И снова зов сотряс покой.
И он взмахнул своей рукой:
„Меня в гроб тот положите,
Его же, отроки, спасите.
Мой близок, близок смертный сон,
А там невинно гибнет он.
Не дорожу дней горстью малою,
Его же новым веком жалую“.
Никто, никто не прекословит,
Ему поспешно гроб готовят.
Как лев, тот выпрыгнул из гроба;
Его душили гнев и злоба.
Он у индийца вырвал меч,
Круг начертав любимцем сеч.
Но безоружные арабы
Знаками успокоили его:
„Мы безоружные и слабы,
Не бойся друга своего.
И кроме звезд у нас нет кровли.
Мы люди мира и торговли“.
Тот бросил взгляд суров и бешен.
И те решили: он помешан.
Два-три прыжка — и он исчез:
Его сокрыл высокий лес.

СМЕРТЬ ПАЛИВОДЫ

Вокруг табора горели костры.

Возы, скрипевшие днем, как того требовала неустрашимость их обладателей, теперь молчали.

Ударяя в ладоши и кивая головой, казаки пели:

„Славни молодцы паны Запорожцы.

Побачили воны цаплю на болоте.

Отаман каже: „от же, братцы, дивка!“

А есаул каже: „я з нею кохався“.

А кошевой каже: „а я и повинчався“.

Так, покручивая усы, пели насмешливую, неизвестно кем сложенную, песенку, смеющуюся над суровым обычаем Сечи Запорожской, этого русского ответа на западных меченосцев и тевтонских рыцарей.

Молчавшие стояли и смеялись себе в усы; испуганный кулик прилетел на свет пламени и, захлопав крыльями, улетел прочь.

Коростель, эта звонкая утварь всех южных ночей, сидел и кричал в лугу. Волы лежали в степи подобно громадным могильным камням, темнея концом рог. Искалась на них надпись благочестивого араба: так дивно, как поднятые ребром серые плиты, подымались они косым углом среди степи из земли. Одинокий верблюд, которого пригнал лазутчик крымчаг, спесиво смотрел на это собрание воинов, вещей, волов в дикой зеленой стране, эти сдвинутые вместе ружья с богатой отделкой ствола и ложа, эти ратища

со значками, эти лихо повернутые головы, эти керей, вольно ложившиеся на плечах, воинственно и сурово сбегавшие вниз, — где еще вчера, быть может, два волка спорили над трупом третьего, или татары варили из конины обед. Зегзицыны чоботы быстро и нежно трепетали под телом большой бабочки.

На завтра, чуть забелелся рассвет, табор тронулся в путь.

Снова заскрипели возы, как множество неустрашимых, никого не боящихся людей. Вот показались татары; порыскав в поле, они исчезли. Их восточные, в узких шляпах, лица или хари, как не преминул бы сказать казак, выражали непонятную для европейца заботу. Казаки заряжали пищаля, сдували с полки пыль, осматривали кремни, настороженно висевшие над ударным местом, и в шутку стреляли в удалцов.

На быстрых утлых челнах продолжался путь. Сквозь волны, натрудясь белым у одних, смуглым у других телом, казаки гребли, радуясь тихой погоде и смеясь буре, ободряемые сопутствующим ветром.

Был предан мятежу целый край. Ведя за руку плачущих черноволосых женщин или неся на плече дырявые мешки с золотыми и серебряными сосудами, шли победители к морю.

Славную трубку раскурили тогда воители. Казалось, казацкий меч сорвался с чьих-то плеч и плясал гопака по всей стране. На обратном пути довольные, шутя и балагуря, плыли казаки; гребли весело и пели. Пел и Паливода. Не думали они о том, что близка смерть для многих храбрецов. Да и была ли бы возможна эта жизнь, еслиб они задавали судьбе эти вопросы! Паливода стоял и думал; оселе-

дец вился по его гладкому затылку; пастбище смертей с рукоятью, как куст незабудок, было засунуто за широкий пояс. Холодней волн озера блестел его угол над поясом. Белая рубаха и испачканные смолой штаны украинского полотна дополняли наряд — суровый и гордый. Загорелая рука была протянута к закату; другие казаки были в повязке осенних маков.

Оперся на свое собрание бирюзы и сапфиров казак и смотрел вдаль, на пылающее от багрянца море. Между тем, как волк, залег на их пути отряд крымских татар. Была сеча; многие остались лежать раскинув руки и всякого крылатого прилетного татарина кормить очами. Лютая суровая сеча. В ту пору это было любимое лакомство орлов. Случалось, что сытые орлы не трогали груды трупов на поле сечи и клевали только глаза. И был в станице бессмертных душ, полетевших к престолу, Паливода. Зрелым оком окинул он, умирая, поле битвы и сказал: „Так ныне причастилась Русь моего тела, и иду к горному престолу“.

И оставил свое тело мыть дождям и чесать ветру и полетел в высокие чертоги рассказать про славу запорожскую и как погиб за святую Русь.

И увидел, пока летел, Нечосу и его спутников, и запорожскую „неньку“, принимающую величественным движением руки целующих ее руку, с наклоненными стриженными головами, ходоков земли запорожской. И стадо вельмож кругом.

И смутилось сердце и заплакал, но после запел воинственно и сурово. И величавый летел по небу.

Увидел синий дым и белую хату и подсолнух и вишни и крикнул сурово и гордо:

„Пугу, братцы, пугу!
Пугу, запорожцы!“

И высунулось из светлицы доброе и ласковое лицо и ответило: „Пугу, пугу!“

И снова голосом, в котором дрожала недавняя обида, казак ответил: „Казак с большого луга“.

И снова закивал старой головой и позвал казака до дому. Мать накрывала на скатерть и с улыбкой смотрела на воина. Так нашла уют тоскующая душа казака. Он слушал рассказ про обиды и думал, как помочь своему воину. И наклонясь из старого окошка, видели, как на земле гикая и улюлюкая неся Молодые Кудри на тучу врагов и вдруг, дав назад, поволок по полю дичь. И как, точно свет из разорвавшейся тучи, понеслись с копьями оправившиеся казаки, и всё смешалось и бежало перед ними. И за плечами Сечи Запорожской, казалось, вились крылья. Была победа за русскими. И поклонился в пояс и полетел дальше Паливода, смутный и благодарный.

И как песнь жаворонка, которая постепенно переходит в стук мечей и шум сечи и голоса победителей, донеслась до него ликующая казацкая песнь: „Пугу, братцы, пугу!“. Воины с длинными крыльями летели к нему навстречу и со светлыми лицами божественных юношей умчали, завернутую в согнутые крылья, человеческую душу к покою и миру.

Так предстал пред светлые очи гордый казак, чей сивый ус вилялся вокруг как бы каменной щеки,

а голубые глаза смотрели холодно и спокойно и на самую смерть.

А победители казаки долго сумно стояли над могилой Паливоды, пока старейший не махнул рукой и не сказал: „Спи, товарищ!“, дав тем самым знак закапывать могилу славного.

ПУТЕШЕСТВИЕ НА ПАРОХОДЕ

Разговор и крушение во льдах

1

Громад во мгле оставив берег,
Направив вольной в море бег
И за собою бросив Терек,
Шел пароход и море сек.
Во мгле ночей что будет с ним,
Сурова и мрачна звезда пароходов,
Много из тех, кто земными любим,
Скрыто внутри его шелковых сводов.
Прильнув к веревочной ограде,
Задумчиво смотрели полудети,
В каком жемчужном водопаде
Летели брызги в синем свете.
И призрак стеклянный глубин
И чайки на берег намеки:
Они точно крылья судьбин,
От берега мы недалеки.
На палубах шныряют сотни,
Плывешь ты по морю прохожий,
Окован суровою кожей,
Морские поют оборотни.
Окраскою серою скромен
И строгий в строеньи своем,
Как остров во мраке огромен,
Рассек голубой водоем.
В плаще одряхлевшем от носки,

Блестя золотыми погонами,
Взошел его вождь на подмости —
Он правит служебными звонами.
Течение мысли не нарушу,
Кто-то сказал, смеясь во взоре,
Что будет год, оставив сушу,
Наполним воздух или море.
Но что же, если мы вспорхнем
Однажды дальше в синеву —
Со звезд полуночным огнем
Увижу землю на яву.
Ведь власти речь и материк
На жизнь и смерть хранят союз,
Как будто войн устал старик
Нести на плечах мелкий груз.
Возница мира раньше вез
Молниегривыми конями
Из мира рыданий и слез
Более скорбей одетых тенями.
И к быту первых дикарей
Мечта потомков полетит,
И быт без слов — скорей, скорей! —
Она задумчиво почтит.
Если мир одной державой
Станет — сей образ люди ненавидят, —
В мече ужели посох ржавый
Потомки воинов увидят?
Когда от битв небес излучин
Вся содрогается земля,
Ученых разум станет скучен,
И я скучаю им внемля.
Да те племена, но моложе,

Не соблазнились общим братством —
Они мечом добудут ложе.
Не в самых явных очертаниях
Рок предстоит для смертных глаз,
Но иногда в своих скитаниях
Он посещает тихий час.
„Мне отмщение и аз воздам“ —
Все, может быть, и мы услышим.
Мы к гневным молнии бороздам
Лишь в бури час умы колышем.
Пожар я помню небоскреба
И глину ласточек гнезда,
Два-три серебряные зоба
Я не забуду никогда.
Огнем и золотом багровым
Пожар красивый рвет и мечет,
А на стене, в окне суровом,
Беспечно ласточка щебечет.
Летают молний пламена
На свод морей, как трость волнуем,
И ветров гневные племена
Рассвирепели поцелуем.
Еще ужасней наводнение:
Где раньше пела детвора,
Там волны с криками „ура“
Ломают бедное селенье.
Везде мычащие стада,
Как будто ревом помогают,
И из купален без стыда
Нагие люди выбегают.
Судов на пристани крушенье,
Плачевный колокола звон,

И на равнине в отдалении
И крик, и вопль, и бледный стон.
И что ж, где волны диким гнездом змей
С лобзанием к небу устремлялись,
Там голубиный сон морей
И солнца блеск его скиталец.
Да от дворцов и темных хижин
Идет мятеж на власть рассудка.
Добрjak в очках сидит обижен,
Глупца услышать ведь не шутка.
О судьбах речь, кто жил глубоко,
Кто сумрак и огонь зараз —
Тот верит в видящее око,
Чету всевидящую глаз.
Бойтесь русских преследовать,
Мы снова подыдем ножи.
Ты прав: не костер, а вязанка готовая дров,
Из кубка живого я не пил.
Ты же, чей разум суров,
Ты старого разума пепел.
„Мы не рождаемся в жизнь дважды“, —
Сказал задумчивый мудрец.
Так веселись, будь светел каждый,
И здравствуй ты, о звон колец!
Свершай же, свершай свой бег,
О, моря жестокого данник.
Идешь, так хотел человек,
Иди же, иди же, о странник!
И храмы убийства быков
В широких и круглых стенах,
И буря внезапных хлопков,
И бык, упadaющий в прах.

И жизни понятен мне снова учебник,
Мрет муравейника правда живая,
А ты таинственный волшебник.
И с бурями будем беседовать
На рубежах судьбы межи,
И если седьмое колено
Мешает яд и точит нож,
Его права на то: измена
Подкралась с лицами вельмож.
На злодеяния бешеном вале
Должен носиться потомка челнок,
За то что у предков когда [то] отняли
Славу, лучи и венки.
О юноша, ваш лепет, то дерзкий, то забавный
Мне рассказал, что вами не пит
Кубок общий в мире главный.
Ведь листья зеленые жили особо,
Позднее сплетались в державы стволов.
Туда и мы-любимцы гроба,
Невода мертвых неясный улов.
Желудок князем возгласить,
Есть в этом, верю, темный смысл.
Пора кончать тех поносить,
Кто нас к утесу дум возвысил.
Как на глав змеиных смысел,
Песни чертога быть зодчим,
Как рассказать володение чисел,
Поведать их полдням и ночам.
О сумасшествие порока,
Когда ты мир ночей потряс,
Ты, лишь младенцем в объятиях рока,
Несся сквозь звездных сияние ряс,

А изображение главы
Вам дорогого существа:
Сестры, невесты, брата, вы —
Лучи другого естества.
Кто изнемог под тяжестью возмездий
И жизнь печальную оглянет,
Тот пред лицом немых созвездий
Своего предка проклянет.
Опасно видеть в вере плату
За перевоз на берег цели,
Иначе вылезет к родному брату
Сам лысый чорт из темной щели.
Мы жребия войн будем искать,
Жребия войн земле неизвестного,
И кровью войны станем плескать
В лики свода небесного.
И мы живем верны размерам,
И сами войны суть лады,
Идет число на смену верам
И держит кормчего труды.
И грозная бьется гора
Сверкающей радугой пыли.
Когда мы судили вчера,
О роке великом забыли.
Помнишь безумную ласточек дурь,
Лиц пролетающих около,
Или полет через области бурь
Бело-жестокое сокола.
О бедствие вам — одиноким и зрячим
Столбам на полях слепоты.
Ответим мы стоном и плачем
На шествие судеб пяты.

За дубом стоишь, убивая: приятно гибель
и раскол

Принести, как смерти чародейник,
Огромного дуба сокрытый за ствол,
В кипучий трудом муравейник.
А волны черные и бурные
С журчанием бились о прибой,
Как будто дерзко балагурные
Беседы с мрачною судьбой.
Наездник напрасно плывя помогал,
Конь вороной за отлива волной
Шел храпя,
И после в испуге долой убежал,
Ремнями возницу итти торопя.
И снова к прибою бежал, оживая,
Как будто в глубинах друзей узнавая,
Как будто бы родина там вдалеке,
Кругом же прибою черта снеговая.
Вы, книги, пишется за тем ли,
Чтоб некогда ученый воссоздал,
Смесив в руке святые земли,
Что я когда-то описал.
И он идет: железный остов
Пронзает грудью грудь морскую,
И две трубы неравных ростов
Бросают дымы; я тоскую.
Морские движутся хоромы,
Но, предков мир, не рукоплещь,
До сей поры не знаем, кто мы:
Святое я, рука иль вещь?
Мы знаем крепко, что однажды
Земных отторгнемся цепей,

Так кубок пей, пускай нет жажды,
Но все же кубок жизни пей.
Мы стали к будущему зорки.
Времен хотим увидеть даль.
Сменили радугой опорки,
Но жива спутника печаль.
Меж шестерней и кривошипов
Скользит задумчиво война,
И где-то гайка, с оси выпав,
Несет крушенье шатуна.
Вы те же 300—6 и пять
Зубами блещете опять,
Их, вместе с вами, 48,
Мы, будетляне, в сердце носим,
И их косою травы косим.
Нас просят тщетно: мир верни,
Где нет винта и шестерни.
Но будетлянин, гайки трогая,
Плаща искавший долго в пору,
Он знает, он построит многое,
В числе для рук найдя опору.
Ведь к сплаву молний и лавины
Кричали толпы: мы невинны!
О, человек, забудь смирение!
Туда, где, старой осью хлябая,
Чуть поборая маслом трение,
И мертвых точек перебой, —
Одно, одно! — созвездье слабое
В волненьи борется с судьбой.
Туда иди, красавец длани,
Будь старшим братом этой лани,
Ведь меж вечерних и звездных колес,

Ты один встаешь на утес.
И войны перед тем удержат свой гнев,
Кто скачет, рукою о рок зазвенев.
Земного пути колесо маховое,
И вечер, и речка, и черные хвои,
И оси земной в тучах спрятанный вал —
Кобзу кобзарю подавал,
А солнце-ремень по морям и широтам —
Скользит голубым поворотом.

Сын Выдры кричит „ау“ Индии спящей.

2

Дети Выдры играют на пароходе в шахматы.
Площадь — поле шахматной доски; действующие
лица: Пешки, Ферязь, Конь и другие.
Видны руки Детей Выдры и огромные спички.
Черные молчат. Белые говорливы.

1-ая пешка: Тра-ра-ра, тра-ра-ра, тра-ра-ра.
Тра, ра, ра, ра —
Мы люди войны и удара.
Ура, ура!

2-ая пешка: На зовы войны и пожарищ
Шагает за мною товарищ.
И с нами шагает беда!

(Мрачно)

Да-да!

Предводитель: Возьми скорей на мушку,
Задумчивую пушку.
Зовет рожок военный,
За мной идет отряд.

Молвою вдохновенной
Те пушки говорят.
У каждой свой заряд.

3-я пешка: Там, там,
К высотам!
Знамя там.

Конь: Скачу я вбок и через,
Туда, где вражья Ферязь.
Я ноги возвысил,
А уши развесил.
Меж вражеских чисел
Кидаюсь я весел.

Ферязь: В латах я. Пусть
Нами башня занята
Не та.
Ура так просится к устам!
Победа все еще не там!
На помощь иду я.
К усталым отвагам
Ускоренным шагом.
Воюя и дуя!
В кровавых латах прочь мы выдем
И сколько люда не увидим.

Черные
молча-
ливые: Зирин! Зирин!

Черные: Мат!

(Шахматы складывают в коробку).

Сын Выдры: Вот и всё.

Игра на пароходе.

Мне скучно и нужно нам игру придумать.

Сколько скуки в скоке скалки!

О день и динь и дзень!

О ночь, нуочь и ничь!

Морской прибой всеобщего единства.

МОРСКОЕ ПУТЕШЕСТВИЕ

Сын Выдры перочинным ножиком вырезывает на утесе свое имя: „Велимир Хлебников“. Утес вздрагивает и приходит в движение: с него сыпется глина и дрожат ветки.

Утес: Мне больно. Знаешь кто я? Я сын
Пороса.

Сын Выдры: Здравствуй, поросенок!

Утес: Зачем грустить?

Но игрушками из глины,

Я, растроганный, сошел

И зажег огнем долины,

Зашатав небес престол.

Пусть знает старый властелин,

Что с ними я — детьми долин.

Что угрожать великолепью

Я буду вечно этой цепью.

Что ни во что его не чту,

Лелею прежнюю мечту.

И вновь с суровой божбой

Я славлю схватку и разбой,
Утоляя глад и гнев
Им ниспосланных орлов,
Точно снег окоченев
Над ущельем соколов.
За серной бродит здесь охотник,
Где горы к облаку приближены,
Давно воздвиг их древний плотник,
Дворцы и каменные хижины.
Вишу, как каменный покойник,
У темной пропасти прикованный
За то что, замыслом разбойник,
Похитил разум обетованный.
Я помню день борьбы и схватки
С толпой подземных великанов:
Мелькали руки и лопатки
И ребра согнутые станов.
Узнает полночь этот мир,
Сегодня что, как утро свеж,
И за пустой весельем пир
Костяк взойдет, в одежде мреж.
Смотри уж Грузия несет корзины
И луч блеснул уж на низины.

Люди: Бог великий, что держал,
Скрытый сумрака плащом,
Когда ты во тьме бежал,
Обвит молнии плющом?
Он не дал разум нашим дедам
В эти ветхие года
И в плену горы соседом
Обречет быть навсегда.

Но что с ним сделали враги?
Где радость, жизнь и где веселие?
За век печально нижет веком,
Прикован к темному ущелью,
И лишь олень печально лижет,
Как смолы, кровь с его ноги.
И на кудрей его вершины
Льют века свои кувшины.

Сын Выдры: Но чью-то слышу я дуду.
Сейчас иду.

[Люди:] Клянемся, сон бесчеловечен,
Как кровь и сало блещет печень!

Сын Выдры: Прощай собрат. Прости невольную
ошибку.
Страдалец! Целую твой священный
палец!

Орлы: Пролетаем с пожеланьем
Сердцу вырванному вырасти,
Над изящным стадом ланей
В склонах мглы и утра и сырости.

Дочь Выдры: Походить бы я хотела
Очертаниями тела,
Что с великим и убогим
Быть чарующей не ленится
И с искусством хромоногим —
Вечно юная изменница.

(Освобождает его, перерезая, как черкешенка, цепь).

Пушкин.

Дети Выдры идут к водопаду.

Занавес.

„Но что за шум? Там кто-то стонет!
— Лыды! Пароход тонет“.

Сын Выдры: Жалко. Очень жалко.
Где мои перчатки? и где моя палка?
Духи пролил.
Чуть-чуть белил.

Вбегающий: Уж пароход стоит кормой
И каждой гайкою дрожит.
Как муравьи весь люд немой
Снует, рыдает и бежит.
Нырять собрался как нырок,
Какой удар! Какой урок!
И слышны стоны: „небеса, мы не-
винны“,
Несется море как лавины.
Где судьи? Где законы?

ДУША СЫНА ВЫДРЫ

Ганнибал: Здравствуй, Сципион.
И ты здесь? как сюда попал?
Не знаю, прихоть иль закон:
Сюда идет и стар и мал,
Да, все бегут на тень утеса.
Ты знаешь, мрачный слух пронесся,
Что будто Карл и Чарльз, они
Всему виною: их вини.
Два старика бородатых,
Все слушают бород лохматых;
Поймав, как жизнь морской волны,
Клешнею нежные умы,
И тело веры точно рыбки,
Клешней своей сдавив ошибки,
Добыче право дав висеть,
(Пусть поет та в тисках железных,
В застенке более полезных)
Поймали нас клешнями в сеть.
Весы над книгой — весы счетов,
Числа страниц и переплетов.
Ей можно череп проломить,
Другим не надо изумить,
Хотя порой в ее концах
Ничто сокрылось, как в ларцах,
Ума не будет и помину
И я пред книгой шляпу скину.

Давай возьмем же по булыжнику
Грозить услугой темной книжнику?
Да, эту старую войну
С большой охотой я начну.
Карл мрачно учит нас:
Я шел войной на римский дол,
Вперед упрям и бледен шел,
Стада слонов сквозь снег провел,
Оставив цепи дымных сёл,
Летел как призрак на престол,
Свободу юга долго пас,
Позднее бед числа не счел,
Не для отчизны властных глаз.
И много знал в душе я ран,
И брата лик упал в мой стан;
Он был с копья сурово сброшен,
Суровым долгом рано скошен,
А волосы запутались о тын,
Был длиннокудр пустыни сын.
Нет! Но потому, что римские купцы,
Сходя толпой накрашенной в Аид,
Погибнув от обжорства, лени и чумы, —
Смерть розную рождение сулит. —
Пустыни смолами надушен,
К словам умри равнопослушен,
А путь туда широк и прям,
Зовут избытки и заразы,
Телом лоснящимся и масляным
Помощники неслышанным напраслинам.
А путь сюда велик и прям
И мира нашего властям
Становятся ненужными подполчные заказы,

Посредством юрких ходоков,
На масло и на жир у римских мясников,
На снедь горючую и гадкую,
В ней мы, по ученью мудрецов, —
Поверю я в ученье шаткое, —
Печемся здесь в смоле купцов.
По грудь сидя в высоких бочках,
В своих неслыханных сорочках,
Забыв о битвенных утехах,
И о латах и доспехах,
Не видя в том ни капли толку,
И тянем водку втихомолку.
Ее приносят сторожа
Тайком, украдкой и дрожа,
Смущать подземное начальство
Они научены сызмальства.
Итак, причина у войны:
Одни весьма, весьма жирны.
Товарищ в славе повествует
Толпе соседей и соседок,
Про утро наших грез и сует,
Что первый мой неясный предок,
Скрытый в сумраке времен,
Был мил и дик, но не умен.
Рукой качаясь на сучках,
С неясной думою в зрачках,
В перчатках белых на меху,
Как векша жил в листве вверху,
Ел пестрых бабочек и зерна,
Улиток, слизней и грибы,
Он наблюдал глазами черными
Звезд ток, взобравшись на дубы,

Ладонью пользуясь проворной
Для ловли, бега и ходьбы.
И вовсе был простаковат
Наш предок, шубою космат,
С своей рукою волосатой,
А все же им служи и ратуй.
Таких людей я с ног сшибал
Одной угрозой темных взоров.

Сципион: Ты прав, мой храбрый Ганнибал,
Они не стоят разговоров.
Наш мир, поверь, не так уж плох:
Создав тебя, создав меня!
Создав двух-трех веселых блох,
Совсем не тяжкая вина.

Ганнибал: Итак пути какой-то стоимости.
О, слава! стой и мости.
Причина кость или изъян
Есть у людей и у обезьян.
Ты веришь этой чепухе?
Ей богу, нет. Хе-хе!
Мы пляску их, смеясь, увидим,
А там, зевая, к предкам выйдем.
Извергло их живое
И вот, сюда явившись, двое,
Приносят копоты огни,
Из новой истины клешни.
О тенях тени говорил!
Как много звезд там вдалеке.
Послушай, осаждая Рим,
Себя ударив по щеке,
Давил ты меньше комаров,

Чем сколько смотрит на нас ныне,
К ночной доверчивой пустыне,
Созвездий пятен и миров.
На римском щеголе прыщей
Садится меньше и бедней,
Чем блещет звезд во тьме ночей.
И то, чему свистят
И то, чему все рукоплещут —
Не стоит много (образ взят),
Когда кругом так звезды блещут.
Как два певца, что за проезд
До ближнего села,
Расскажут вам течение звезд
И как устроена пчела.
И к ним не будь ты так суров.
Смотри: давил не столько комаров
Ты на пунической щеке,
Как звезд сверкает вдалеке.
Но слышишь — ходит кто-то,
В руке же древко дрота.

Святослав: И снова, меж вас пролетая,
Вскрикну: „Иду я на вы!“
Горе: кайма золотая
Обвила пространство главы.
Чело, презиравшее неги,
И лоб, не знавший слов: страшно,
Налили вином печенеги
И пили так, славя мной брашно.

Пугачев: Я войско удальцов
Собрал со всех сторон

И нес в страну отцов
Плачь смерти похорон.

Самко: Я жертвой был течений розных,
Мои часы шли раньше звездных.
Заведен люд на часы.
Чашкой гибели весы
Наклонились ко мне,
Я упал по звезд вине.

Ян Гус: Да, давно и я горели.
И старее чем вселенная,
Мутный взор (добыча хворости)
Подошла ко мне согбенная,
Старушка милая вся в хворосте.
Я думал, у бабушки этой внучат
Много есть славных и милых,
Подумал, что мир для сохи не почат
И много есть в старого силах.
Простота, произнес я, святая,—
То я подумал сюда улетаю.

Ломоносов: Я с простертою рукой
Пролетел в умов покой.

Разин: Я полчищем вытравил память о смехе
И черное море я сделал червонным,
Ибо мир сделан был не для потехи,
А смех неразлучен со стоном.
Топчите и снова топчите, мои скакуны,
Враждебных голов кавуны.

Волинский: Знайте, что новые будут Бироны
И новых „меня“ похороны.

Ганнибал: Да, да: ты прав, пожалуй,
Коперник добрый малый.

Коперник: Битвы доля бойцу кажется
Лучезарной, вместе лучшей.
Я не спорю. Спорить сердце не
отважится,
Враждовал я только с тучею.
Быть рукой судьбы ведом,
Ходит строгим чередом.

Ганнибал: Раз и два, один другой,
Тот и тот, идут толпой,
Нагибая звездный шлем,
Всяк приходит сюда нем.
Облеченный в звезд шишак,
Он усталый, теневой,
Невесомый, не живой,
Опустил на остров шаг.
Ужель от Карлов наводнение
Ведет сюда все привидения?

Вопль духов: На острове вы. Зовется он Хлеб-
ников.
Среди разъяренных учебников
Стоит как остров храбрый Хлебников.
Остров высокого звездного духа,
Только на поприще острова сухо —
Он омывается морем ничтожества.

Множества: Наши клятвы и обеты
Клеветой замыла злоба,
В белый холст мы все одеты,

Для победы или гроба,
Иль невиданных венков,
Иль неслыханных оков.
Как на остров, как на сушу,
Погибая, моряки,
Так толпой взошли вы в душу
Высшим манием руки.
Беседой взаимной,
Умы умы покоят,
Брега гостеприимно
Вам остров мой откроет.

Г о л о с и з О, духи великие, я вас приветствую.
н у т р а д у ш и: Мне помогите вы: видите, бедствую?
А вам я, кажется, с родни
И мы на свете ведь одни.

(Совет).

МУДРОСТЬ В СИЛКЕ

(Утро в лесу)

Славка: бeбoтэy-вeвять!

Вьюрок: тьeрти-eдигрeди!

Oвcянкa: кpи-ти-ти-ти, тии!

Дубровник: вьop-вэp-виpу, cьeк, cьeк, cьeк!

Дятел: тпpань, тпpань, тпpань, a-ань!

Пеночка зеленая: пpынь, пцирэб, пцирэб!

Пцирeб cэ, cэ, cэ!

Славка: бeбoтэy-вeвять!

Лесное божество (*с распущенными волнистыми волосами, с голубыми глазами, прижимает ребенка*):

Но знаю я, пока живу,

Что есть уа, что есть ау.

(*Покрывает поцелуями голову ребенка*).

Славка: бeбoтэy-вeвять!

Что было — в нашем тонет,
И вечерогривы кони,
И утровласа дева,
И нами всхожи севы,
И вечер часу дань,
Бегут по небу вдаль суда.
И жизнь иль смерть — возьми любое.
И алчут кони боя.
И в межи роя узких стрел
Пустили их стрелки,
Бросают стаи конских тел
Нагие ездоки.
И месть для них узда,
Желание подпруга,
Быстра ли — медленна езда
Бежит в траве подруга.
В их взорах голубое
Смеется вечно ведро
И знахари разбоя
Коней овили бедра.
В ненастье любят гуню,
Земля — сырая обувь,
Бежит вблизи бегунья;
Смеются тихо оба.
Коня глаза косы,
Коня глаза игривы:
Иль золото жен косы,
Буйнее золота гривы.

Его плечо высоко,
Ее нога упруга —
Им не страшна осока,
Их не остановит куга.
Качнулись ковыли,
Метнулись навстречу,
И ворог ковы лить
Пришел, принес и сечу.
Сокольных крыл колки,
Заморские рога.
И звонки и голки,
Поют его рога.
И стрел звеня тетивой,
Осой глаз вражий пьет
И уже в руке ретивой
Свистит, скользит копье.
И конь, чья ярь испытана,
Грозит врагам копытами.
Свирепооки кони
И робко кто-то стонет.

И верная подруга
Бросается в траву,
Разрезала подпругу,
Вонзила нож врагу.
Разрежет жилы коням,
Хохочет и смеется,
То жалом сзади гонит,
В траву, как сон, прольется.
И ворог повернул стяг,
И вдали в вечер окунулся,
И широкогривые кони

Твердят, что знают искони.
Завыли волки жалобно:
Не будет им обеда,
Но чуют кони жало ног,
В сознании — победа.
Он держит путь, где хата друга,
Его движения легки,
За ним в траве бежит подруга,
Ее глаза — среброчелноки.

ПРИЗРАКИ

(ХОРОВОД)

- 1-й Я конский череп; я на липе.
Вот белены напиток — выпей.
- 2-й Я в щеголя одежде — воздух
Ничто — ничто, но тень на звездах.
- 3-й Бег крови я, текут чернила;
Меня чернильница пленила.
- 4-й Я только в зеркале живу,
Когда сверкает наяву!
- 5-й Кто я? Любовной лютни зой,
И мой стакан блестит слезой.
- 6-й Я оценил всё за пятак,
И осужден иметь пятак.
- 7-й Я про судьбу твержу как дятел,
Мне говорят: „давно ты спятил“.
- 8-й Давно просил: мне туловища нет ли!
Давно я пел про плаху и про петли.
- 9-й Священных чисел ясный кнезь,
[Себя в тростниковую чашу]: грезь!
- 10-й Мой дух за морем носят две при,
Меня на суше рвали вепри.
- 11-й Я золотистее загара,
Струй ядовитее угара.
- 12-й Я сапожником одел чуму
И в путь иду искать куму.

- 13-й В моей ладони плещет горстка
Равно смертельного наперстка.
- 14-й А я вам дам знакомый облик
На той сухой и бурой вобле.
- 15-й И я, забыв свой образ облы,
Живу на даче внутри воблы
- 16-й Чешуей блестя плотвы,
Я воскликнула — тут вы!
- 17-й Я с перьями в шлеме число,
Я парус ищу и весло.
- 18-й Гнусавлю я, прыгаю, квакаю.
Кажусь я ненужной ломакою.
- 19-й [Я смотрю на всех пилою,
Я немного плохой и гнилой]
- 20-й А я в лукошке, где тухли яйца,
О, зрители, меня ловите глазами зайца.
- 21-й Скоро меня под решетку и в замок —
Я дикое бешенство самок.
- 22-й [Мы люди — люд
Морозных слюд.
- 23-й Мы вреды, мы бреды
Ужасной победы].
- 24-й А я, а я простуда,
И к вам пришел оттуда.
- 25-й Я изнуренная веками кляча,
Зачем я — я, скажите, для ча?
- 26-й Людским челном в объятья смерча,
К вам прихожу ваш сон поперча!
- 27-й Икотою древней велик
На всё я отвечу вам: ик!

- 28-й [Я ха-ха-ха и хи-хи-хи,
А изредка проще простое — апчхи!
- 29-й Я как жаба приятна,
Иногда не понятна.]
- 30-й Я к вам ползу в припляске корч,
Одетый язвами из порч.
- 31-й [Ночи сумрак наши шлемы —
Все мы немые.]
- 32-й Мы храп и хрип,
Шелест, шум и сип.
- 33-й Храпеть, хрипеть,
Рыдать, стонать, шипеть.

ВОЙНА — СМЕРТЬ

Немотичей и немичей
Зовет взыскующий сушел,
Но новым грохотом мечей
Ему ответит будущел.

Сумнотичей и грустистелей
Зовет рыданственный желел
За то, что некогда свистели,
В свинце отсутствует сулел.

Свинец согласно ненавидим —
Сию железную летаву
За то, что в мигах мертвых видим
Звонко-багримую метаву.

Вон хрякнул позвоночный столб,
Вон хрустнул тот хребет.
Смерть лихорадочно гребет
Остатки талых толп.

О, чистая лучшадь, ты здесь,
Ты здесь в этом вихре проклятий?
В этом вихре навучих чудес,
Среди жалостных смерти молятий?
Вселенночку зовут, мирея, полудети...
И умирающе клянут.
Быть мертвым звала добродетель,
Они послушались понуд.

В землю ничком упали те,
Кого навье, собой не грея,
Зовут к полночной красоте,
Над миром тенью тени рея.

Смерть скажет вою:— Ну, лежи!
Души навиллой начинались вселеннежи.
Пора начать нам милежи!
Ты... Мы-с мясом теплым нас нежи.

Пальбы послышались сугубири
И смерти нав прохохотал:
Все, все, о дщерь; все, все, бери!
Меж тем рассвет светал.

Вселеннава нежно очи
Заольет густой смолой.
А там просторы темной ночи
Пронзит протяжный крик: долой!

Пушек рокочущих ли звук, гроза ль,
Но к лбу прильнет смертнирь-лобзаль,
И некто упадет на земь ничком,
И землю оросит кровавым ручейком.

Мечи! глашатаые известий!
Так точна, лившись, кровь.
К освобождающей невесте
Влечет железная свекровь.

Иссякло иль великое мочно?
Иль слово честно мы — логно?
И, сол миреющей в нас лжи,
Злобачь над павшими хохочет.
У звонницы пронзят его стрижи,
И дальний выстрел пророкочет.

„Мое собро“ — укажет Нав —
В недавнем юноше узнав,
Кто пашней стал свинцовых жит,
Кто перед ним ничком лежит.
О, власть! Хохочи или не хохочи,
Ложись на землю или пляши,

Идут толпою рухачи
И их сердел: кругом руши!
О время, — вайели покоя —
Тобой не утешено сердце какое?
Толпу умел ли кто понять?
Толпе хотел ли кто пенять?
Был временем разим негут.
Его везде преследуют поступки зла,
Восставшие бегут,
Жизнь скручена тугой узла.
Веселиенеющий священно ужас
Влачит их тяж, натужась,
И безумиенеющий людел
Забыл, что властен некий бог и этот
бог — родел.

В лиуву вселилась ужасва
И машет радостно крылами.
И казнью страшною — летва
Из площадей под колоколами.
Тел бегственных свинцом латва,
Слима наклонившим ружья рухом.
Жужжит свинцовая летва,
Бегву страха морячим духом.
И изнемогли хотеть хотыки.
Они легли у ног владыки.
И вот, в мгновения гремяч,
На землю падает, чернея, мяч...
Волна мгновенная давит,
Шум рева был мгновен и голк,
Был страшен поднимающийся с земли
пугок!
Полунеземной, ужасный вид!

Свось черноту растерзанной одежды сверкала
белизна подкладки.

Он, прислонясь, стоял к плечу столба.

Со лба,

Раньше красиво гладкого,

Промеж бровей и по переносице

И на бойца торчащие усы.

Веселощ, грехощ, святош

Хлябиматствует лютежь.

И тот, что стройно с стягом шел,

Вдруг стал нестройный бегущел.

И каждого мнепр и мнестр,

Как в море русское, струился в навину,

Дух совести был в каждом пестр

И созидал невинному вину.

О, этот в море крови плавающий равнебен!

Совсем бы если ты не был!

В тебе скрывалось злое волебро,

И гасло милых милебро.

Был огнезарственный мечты младьбищ
сулебен.

Был мощный, мощный, о! осебенелым
стать добром силебен.

А ныне... многих доблестных в холмах
подземных под березами кладбищ
селебен...

Многих... столь... росит улыбку сулатирь,

Руки раскидал добыча вранов силатирь.

Летая, небу рад зорирь,

Сладок, думает горирь,

Людей с навиной единебен,

От лет молодых, молодых сумнебен

И многих сильных столь гинебен.
К свободе сладостный зовел!
Куда народы ты завел?
Туда дороги больше нет!
Там бездна взор сквозит сквозь лик
тенет!

Уж сколько раз слабеющий верок
Своею кровью озарял обманчивый порог
И клял солгавшую надежду,
Когда крыл черных стали тежды.
Железавут играет в бубен,
Надел на пальцы шумы пушек.
Играя, ужасом сугубен,
Он мир полей далеко рушит.
Раздорствует и мятежносорствует страна.
Она рыданием полна.
Лишь снова в род объединит, когда венел,
Покой найдет нынел.
Летел закатственный рудел,
Когда безсуществовал родел,
И туч златимых серебро
Зерцало Руси серебро.
Смерть распростерла крылья над державой,
Земля покрыта была в миг множавой
И пусть некогда благословляемый очаг,
То всякий мог прочесть в очах.
Влюбленнинеющий вселенничь
Над девою русской трепетал,
Вселеннинеющий забвенничь
В ее глазах еще блистал.
Он вселеннебро развернув крыл,
Богучесть взгляда устремил

И властно властево раскрыл,
Где нет безрадостных скорбил.

Раскрыло горние чертоги
Вселенствовальное крыло.
Ее зовет в свои лежогии
Небесное село.

Она летит к душ сонных сестрам,
По смерти к жизни склонам.

И, благо желающим божестром,
Ее приемлют те на лоно.

И тот безмолвно пал навзничь,
С мольбой к летоше-навирю:
„О, пощади меня, панич!“
Но тот: „Не может, говорю“.

Он пал благоухан.

Нав жиязя манит,

Как князя русского татарский хан,
Когда сбегает кровь с ланит.

Быть может Смерть, как милостивая ханьша,
Велела смерть ускорить раньше.
И узкоглазая сидит,
Поджав спокойно ножки,
Но уж супруг ее сердит
За нищим брошенную крошку.

Он грозно надвигает брови

И требует кумыс.

Слуги приносят ему крови

И подобострастно шепчут: мы-с.

На небе бледном виден ужасчук
В мечавом и величавом на челе венце.
А на земле страдало мук.
И ни кровинки на лице.

А: Еще упруга эта кожа
 И войско морщин не пришло,
 Еще слыву княгиней ложа,
 Венчая прелестью чело.
 Налей, налей, жених случайный,
 Морской прибой в мои стаканы.
 Нет, не покинул поздней тайной
 Стыдливый череп черт обманы.
 Но перст могильный указывает
 Кусты на кладбище цветов.
 Для дщери снов, для дщери сует
 Могильный череп уж готов.

Подруги: Мы грешницы под соснами
 Подъемлем к небу чаши.
 Твердим устами косными,
 Что наши годы, наши.
 Ручей стезей зеленою
 Задумчиво бежит
 И отрок, опаленный
 Волшебницей, лежит.

О[трок]: Сквозь невод волн для взоров вкось,
 Как снег сверкает тела ось.
 Бойся ты, глазунья, ей,
 Табуна моих страстей.
 Все потопчут и сомнут,
 Лишь глаза твои уснут.
 Как снег весной, вы поголовно

Сдаются девы поцелую.
Ах, сердце ваше не виновно:
Ведь вьются кудри врассыпную.
Но я до смерти не пойму,
Зачем мы — люди, почему?
Но все ж волнует нас чуть-чуть
Льна за горошком снег или грудь?
И утро пусть приходит, пусть!
На смену тайн греховных мигу:
Я знаю, помню наизусть
Тобой рассыпанную книгу.
И не втуне и не все
Кратко жили поцелуи.
Тебе довольно ах, да ох
Рождать одним своим видением,
Душиста ты, как дикий лох,
И быть с тобою сновидение.
Лице даете нам вы даром,
А персь и плечи свои нет.
Свирепым было б то ударом,
Будь вы свободны от тенет.
Ужель из кубка вам досыта,
Так трудно страстью насладиться.
И, чтоб зимою было жито,
Греховный сноп связала жница.
Где вместе с вместе слилось врозь
И где так нежны шелк и дым,
Туда стремиться вкривь насквозь
Глазам пристойно молодым.
Чтоб, все поняв и вглубь и вдоль,
Решить: ничто удел есть воля.
Ну, улыбнись, скорее, ну!

Ведь на тебя опять взгляну.
Лице поставив набекрень,
Двумя руками скрывши груди,
Вы стали чутки; страшна тень:
Быть может бес, а может люди.
И быть раскрытыми навеки
Боялись кротости опеки.
Из уст соседей: ах да ох
Ты исторгаешь, как свирель,
Прекрасна ты, как дикий лох,
Бурун закрыл младую мель.
Я только страсти имена
Твержу, покорный как ягненок.
Ты хочешь жертвы? возьми, на, —
Стою я, согнут, бел и тонок.

А: Полны цветов земные логи —
Цветам полевым я завидую.
Я вам молилась, великие боги.
И что ж? Неслыханной обидою
Ответили мне; я одинока,
Напрасно страсть кипит востока.
Когда журчать ко мне дерзает
Мне опьяненная волна,
Меня одно всегда терзает —
Виденье страшного челна.

Заметь суровую пастушку:
 Обвита страусом пера,
 Не человек и не гора,
 Ведет гулять младую чушку.
 И дѣтворы с крылами стая
 Летит и реет, прилетая.
 Свеча дрожит, горит огонь.
 Ее сияние мало.
 И, как бесовских игрищ конь,
 Прошло сквозь ноги помело.
 Сложив с коленями персты,
 Полуобезьяна, полу-дух,
 Глазами грустными потух
 На половине высоты.
 Тучна, высока, велика,
 Ведунья, взорами прелестная,
 То дочь ли Мнишка поляка,
 Или другая неизвестная?
 И книги строки по-латыни,
 В жаровне пляской пескарей,
 Согнувшись в пламени святыни,
 Поют: лети на бой скорей!

 Полна соблазна и бела,
 Она забыла про белила
 И твердой ручкой помела
 разделила.
 Она в греховные страницы

Вонзила огненное око;
По сказкам письменным порока
Летает пылкая зарница.
Пред ним навсегда треугольник,
Высоким и темным пятном.
Сидит он, как тихий невольник,
И думает, скованный сном.

Над тобой носились беркута,
 Порой садясь на бога грудь,
 Когда миял ты, рея, омута,
 На рыбы наводя поселки жуть.
 Бог, водами носимый,
 Ячаньем встречен лебедей.
 Не предопределил ли ты Цусимы
 Роду низвергших тя людей?
 Не знал ли ты, что некогда восстанем,
 Как некая вселенной тень,
 Когда гонимы быть устанем
 И обретем в временах рень,
 Сил синих снем.
 Когда копьем мужья встречали,
 Тебе не пел ли — мы не уснем
 В иных времен начале.
 С тобой надежды верных плыли,
 Тебя провожавших зовом „боже“,
 И как добычу тебя поделили были.
 Когда взошел ты на песчаной рени ложе.
 Как зверь влачит супруге снеди,
 Текущий кровью жаркий кус,
 Владимир не подарил ли так Рогнеде —
 Твой золоченый длинный ус?
 Ты знаешь: путь изменит пря,
 И станем верны, о Перуне,
 Когда желтой и белой силы пря
 Персд тобой вновь объединит нас в уне.

Навьем возложенный на сани,
Как некогда ты проплыл Днепр —
Так ты окончил Перунепр,
Узнав вновь сладость всю касаний.

НОЧЬ В ГАЛИЦИИ

Русалка: С досок старого досчаника
Я смотрю на травы дна,
В кресла белого песчаника
Я усядуся одна.
Оран, оран дикой костью,
Край, куда идешь?
Ворон, ворон, чуешь гостью?
Мой погибнешь, господине!

Витязь: Этот холод окаянный,
Дикий вой русалки пьяной.
Всюду визг и суматоха,
Остаться стало плохо. (*Уходит*).

Песня ведьм: Ла-ла сов! ли-ли соб!
Жун-жан — соб леле.
Соб леле! ла, ла, соб.
Жун-жан! жун-жан!

Русалки Иа ио цолк.
(поют): Цю иа пацо!
Пиц пацо! пиц пацо!
Ио иа цолк!
Дынза, дынза, дынза!

Русалки (*держат в руке учебник Сахарова и поют по нему*): Между вишен и черешен
Наш мелькает образ грешен,
Иногда глаза проколет
Нам рыбачья острога,
А ручей несет и холит

И несет сквозь берега.
Пускай к пню тому прильнула
Туша белая овцы
И к свирели протянула
Обнаженные резцы.
Руахадо, рындо, рындо.
Шоно, шоно, шоно.
Пинцо, пинцо, пинцо.
Пац, пац, пац.

Похороны опришками товарища:

„Гож нож!“ — то клич боевой,
Теперь ты не живой.
Суровы легини,
А лица их в тени.

Русалка: Кого несет их шайка,
Соседка, отгадай-ка?

Русалки: Ио; иа, цолк,
Ио, иа, цолк.
Пиц, пац, пацу,
Пиц, пац, паца.
Ио на цолк, ио на цолк,
Копоцамо, миногоамо, пинцо, пинцо,
пинцо!

Ведьмы (*вытягиваются в Шагадам, магадам, выкадам. косяк как жура- Чух, чух, чух. вли и улетают*): Чух.

Разговарива- Вон гуцул сюда идет,
ющие гали- В своей черной безрукавке.
чанки: Он живет

На горах с высокой Мавкой.
Люди видели намедни,
Темной ночью на заре,
Это верно и не бредни,
Там на камне дикаре.
Узнай же! Мава черноброва,
Но мертвый уж, как лук в руках:
Гадюку держите сурово
И рыба песня на устах.
А сзади кожи нет у ней,
Она шиповника красней,
Шагами хищными сильна,
С дугою властных глаз она,
И ими смотрится в упор,
А за ремнем у ней топор.
Улыбки нету откровеннее,
Да, ты ужасно, привидение.

МАВА ГАЛИЦИЙСКАЯ

В перчатке из червей
Ладонь мою подам
Веселым господам.
Эй, эй, все живей!
И пусть те, что руку трогали,
Скользкий пир ночной кишаций,
В воздух бросят возглас вящий
Озадаченные щеголи.
Пусть поймут, кто настоящий.
Эй, эй, все живей!

Червяка, что на мизинце,
Вмиг стошнило б от травы,
Но в ночном моем зверинце
Вам написано: „Увы!“.
На меня бросает зелень
Полусумрака шугай,
Маве верящая елень,
Ну, по хворосту шагай.
Двукопытные, неопытные
Белокурые друзья,
Начинайте игры топотные,
Умно помня — с вами я.
Люди, ответствуйте, надо ли
Червивой стыдящейся падали?

(Хвост Мавки-ведьмы—превратился в улицу)

... а сзади была мостовой.
С концами ярости вчерашней
Ступала ты на пальцы башни,
Рабы дабы,
В промокших кожах,
Кричали о печали,
А ты дышала пулями в прохожих.
И равнодушно и во сне
Они узор мороза на окне!
Да эти люди иней только,
Из пулеметов твоя полька,
И из чугунного окурка
Твои Чайковский и мазурка.
А азбуки разрозненные члены,
Для площадных торговых кличей,
Идут, как парусы под пеной,
Подошвы множества величий,
Медвежьей лапою топча,
Порывы в завтра отроча.

Ни хрупкие тени Японии,
Ни вы, сладкозвучные Индии дочери,
Не могут звучать похороннее,
Чем речи последней вечера.
Пред смертью жизнь мелькает снова,
Но очень скоро и иначе.
И это правило — основа
Для пляски смерти и удачи.

СЕЛЬСКАЯ ОЧАРОВАННОСТЬ

Напялив длинные очки,
С собою дулась в дурачки.
Была нецелою колода,
Но любит шалости природа.
Какой-то зверь протяжно свистнул,
Топча посевы и золу.
Мелькнув поломанной соломкой,
Слетело двое голубей.
Встревожен белой незнакомкой,
Чирикал старый воробей.
„Полей простор чернеет, оран,
Поет пастух с слезливой дудкой,
Тебе на плечи сядет ворон
С вонзенной в перья незабудкой.
В мою ладонь давайте руку,
Ведь я живу внутри овина,
И мы, смеясь, пройдем науку,
Она воздушна и невинна“.
Как белочка, плутовка
Подсолнухи грызет,
А божия коровка
По локтю рук ползет.
Сквозь кожи снег, где блещет жилка,
Туда, щиты свои раздвинув,
Слетела с русого затылка,
Над телом панцырь крыл раскинув.
В руке качался колос
Соседней спелой нивы.

К земле струился волос,
Желания ленивы.
„О, я пишу. Тебя здесь вывел“.
„А ты мне... ты мне опротивел.“ —
„Ужели?“ — „В самом деле!“
Был стан обтянут бичевой,
В руке же цветик полевой.
На ней охоты сапоги,
Смазны они и широки.
„Ни глупой лести, ни почету,
Здесь нет уюта, жизни места.
Девуца роши, звездочету
Будь мотыльковая невеста.“
„Я — лесное правительство,
Волей чистых усмешек,
И мое местожительство,
Где зеленый орешек“ —
„И книги полдня, что в прекрасном
Лучей сверкают переплете,
Вблизи лишь, насморку опасным,
С досадой дымом назовете.
Вблизи столь многое иное,
О чем певец в созвучьях спорит,
О чем Полкан, печально ноя,
Ему у будки в полночь вторит“.
„Я не негодую:
Ты мне всего, всего дороже!
Скажи, на ведьму молодую
Сегодня очень я похожа?
Ах, по утрам меня щекоткой не буди!..
Как это глупо! сам суди:
Я только в полночь засыпаю;

И утром я не так ступаю!“ —
„Но дней грядущих я бросил счета,
Мечтания, страсть и тебя, нищета!“
Синеет лог, чернеет лес.
В ресницах бог,
А в ребрах бес.
И паутины хчая,
И летних мошек толчая.

То истина: не всех пригожих
Пленяет шелковая тряпка.
„Мне холодно“, — надвинув кожух,
Сказала дева зябко.
Сквозняк и ветер, вот причина!
Тепла широкая овчина,
И блещет белое плечо
Умно, уютно, горячо.
„У стрекоз возьму я шалость,
Они смотрятся в пруды.
Унесу твою усталость,
Искуплю твои труды.
Я до боли в селезенке
Стану бешено скакать,
Чтобы мрачные глазенки
Научились блистать.“
Но что там? Женщина какая-то
Ушами красная платка...
„Ахти, родимый, маета,
Избушка далека.
На, блинчики с сметаной,
Все до верху лукошко.
С тобою краля панна?

Устала я немножко...
Ты где ходил? в лесу, не дале?
А наши ты видали:
Ты бесом малым с ней юлил,
Ей угодить всё норовил.
Ужо отведай коровай!
Прощайте! прощевай!
Да вот, чтоб сон ваш не был плох,
Али принести лишай и мох?
Ведь все здесь камни и пески —
Они, их шут возьми, жестки.
Пусть милость неба знает ты!“
Она ушла, вздохнув, кряхтя.
Торчали уши.
Ее платок горел как мак.
Шаги все делались глуше.
Ее сокрыл широкий мрак.
„Как очаровательны веснушки!
Они идут твоей старушке,
Невзгод и радостей пастушке.
Друг друга мы плечом касались,
Когда от ливня рек спасались,
Полунаги и босиком.
Прогулку помнишь ты вдвоем,
С одним грибом дождевиком?
Но он нас плохо защищал,
И кто-то на небе трещал.
Вкруг нас собрался водоём.
Поля от зноя освежались.
Друг к другу мы тогда прижались.
„Пострелы“, — молвил пастушонок,
И стал близ нас угрюм и тонок.

За ним пришла его овчарка.
Нам было радостно и жарко.
С тех пор прошло уж много дней,
А ты не сделался родней".
Она сидит главою низкая,
Цветок полей руками тиская.
„И череп все облагородит,
Все, все минует и проходит.
Не стану я, умрешь и ты.
Смешливы сонного черты.
Спи, голубчик, соловей,
Если звонок соловей.
Ты знаешь, кто я?
Я — „не тронь меня“.
Близ костра печально стоя,
Боюсь грубого огня.
Упади, слеза нескромница:
Мотылькам про солнце помнится".
Мечта и грусть в глубоких взорах.
Под нею был соломы ворох.
И с восхитительной замашкой
Ты шила синюю рубашку.

На эти златистые пижмы
Росистые волосы выжми.
Воскликнет насмешливо: „только?“
Серьгою воздушная ольха.
Калужниц больше черный холод,
Иди, позвал тебя Рогволод.
Коснется калужницы дремя
И станет безоблачным время.
Ведь мною засушено дремя
На память о старых богах.
Тогда серебристое племя
Бродило на этих лугах.
Подъемля медовые хоботы,
Ждут ножку богинины чоботы.
И белые ель и березы,
И смотрят на небо дерезы.
В траве притаилась дурника,
И знахаря ждет молодика.
Чтоб лаком лугов молодиться,
Пришла на заре молодица.
Род конского черепа кость,
К нему наклоняется жость.
Любите носить все те имена,
Что могут онежиться в Лялю.
Деревня сюда созвана,
В телеге везет свою кралю.
Лялю на лебеде

Если заметите,
Лучший на небе день
Кралей отметите.
И крикнет и цокнет весенняя кровь:
Ляля на лебеде — Ляля любовь!
Что юноши властной толпою
Везут на пути к водопою
Кралю своего села —
Она на цветах весела.
Желтые мрачны снопы,
Праздничной возле толпы.
И ежели пивни захлопали
И песни вечерней любви,
Наверное стройные тополи
Смотрят на праздник в пыли.
Под именем новым — Олеги,
Вышаты, Добрыни и Глебы,
Везут конец дышла телеги,
Колосьями спрятанной в хлебы,
Своей голубой королевы.
Но и в цветы запрятав низ рук,
Та смугла встает как призрак.
„Ты священна Смуглороссия“ —
Ей поют цветов колосья.
И пахло кругом мухомором и дремой,
И пролит был запах смертельных
черемух.
Эй! Не будь сурова, не будь сурова,
Но будь просто как вся дуброва.

Где в липы одетый узорный ходак,
У рощи стоит одинокий хлопок.
Где тени, как призраки, горестно всхлипывая,
Как бабочки мчались в заросли липовые.
А тучи чернеют, как будто чернеча,
И сразу надвинулась к нам холоднеча.
Скакали и вились сплетенные пары.
И пели сопилки, и пели шездары.
И будто пир для черных глаз
Синеет небо и хабаз.
Войдем же в эту халабуду.
Войди, дружок, а я побуду.

Черный царь плясал перед народом,
И жрецы ударили в там-там.
И черные жены смеялись смелей,
И губы у них отягчал пэлелэ!..
И с нескромным самоварчиком
И с крылышком дитя.
Оно, о солнце-старче, кум,
Нас ранило шутя.
Лишь только свет пронесся семь,
Семь раз от солнца до земли,
Холодной стала взором темь,
И взоры Реквием прочли.
Черный царь плясал перед народом,
И жрецы ударили в там-там.

Смугла, черна дочь Храма.
А в перстне капля яда, яда.
Тень месяца не падай, как громада,
На это узкое кольцо.
Иль смерть войдет в нее неравно,
И станет мелом все лицо.
Стары, черны слоны из камня,
Их хоботы опущены во мгле.
А в перстне капля яда, в перстне.
Был кнесь опутан телом гада,
А ей быть жрицей Пляса надо.
Она не пляшет храма вне.
Был вырван длинный зуб из зева.
Как зайцы, змеи добродушны.
А в перстне капля яда, яда.
И видя близко призрак гнева,
Она туда, где смолы душины,
Ушла виденьям жизни рада,
Как свечи белые бела.
Летят, как черный сокол, косы,
Чернее ворона над снегом,
А ноги черны, смуглы, босы
Ведут толпу к вечерним негам.
А в перстне капля яда, яда.
Зачем суровая борьба
Ее на землю повалила?
Рука отца всегда гроба,
Когда поспешно и груба,

На ножик перстня надавила.
Смертельный ножик с ядом жала,
Глухой приказ, чтоб не бежала.
А в перстне капля яда, в перстне.
Сказал старик: „Умри теперь с ней!“
Скрыв бороды одеждою стыдливой
Все взятое враждебным оком,
Она всегда была лишь ивой,
Над смерти мчащимся потоком.
А в перстне капля яда, яда.
А в перстне капля яда, в перстне.
Быть мертвой слонихе отрада.

Усадьба ночью — Чингисхан!
Шумите, синие березы.
Заря ночная — Заратустра!
А небо синее — Моцарт!
И сумрак облака будь — Гойя!
Ты ночью облако — Роопс!
Но смерч улыбок пролетел лишь,
Когтями криков хохоча,
Тогда я видел палача
И озира́л ночную смел тишь.
И вас я вызвал смелоликих,
Вернул утопленниц из рек.
Их незабудка громче крика
Ночному парусу изрек.
Еще плеснула сутки ось,
Идет вечерняя громада.
Мне снилась девушка — лосось
В волнах ночного водопада.
Пусть сосны бурей омамаены
И тучи движутся Батыя,
Идут слова — молчаний Кайны —
И эти падают святые.
И тяжелой походкой на каменный бал
С дружиною шел голубой Газдрубал.

У вод я подумал о бесе
И о себе,
Над озером сидя на пне.
В реке проплывающий пен пан,
И ока холодного жемчуг,
Бросает воздушный могуч менс.
Ивы.
Большой, как и вы.
И много невестнейших вдов вод
Преследовал ум мой как овод,
Но, брезгая, брызгаю ими.
Мое восклицалося имя.
Во сне изречал его воздух.
За воздух умчаться не худ зов.
Я озеро бил на осколки,
И после расспрашивал: сколько?
Мне мир был прекрасно улыбен,
Но многого этого не было.
Но свист пролетевших копыток
Напомнил мне много попыток
Прогнать исчезающий нечет,
Среди исчезающих течений.

Тихий дух от яблонь веет.
Белых яблонь и черемух.
То боярыня говееет
И боится сделать промах.
Плывут мертвецы.
Эта ночь. Так было славно.
Гребут мертвецы.
И хладные взоры за белым холстом
Палят и сверкают.
И скроют могильные тени
Прекрасную соль поцелуя.
Лишь только о лестниц ступени
Ударят полночные струи,
Виденье растает.
Поют о простом: „Алла бисмулла“.
А потом, свой череп бросаючи в море,
Исчезнут в морском разговоре.
Белый снег и всюду нега,
Точно гладит Ярославна
Голубого печенегу.

В холопий горѣд парус тянет.
Чайку вольницу обманет.
Куда гнется — это тайна,
Золотая судна райна.
Всюду копыя и ножи,
Хлещут мокрые ужи.
По корме смоленной стукать
Не устанет медный укоть,
На носу темнеет пушка,
На затылках хлопцев смушки.
Что задумалися, други?
Иль челна слабы упруги?
Видишь, сам взошел на мост,
Чтоб читать приказы звезд.
Догорят тем часом зори
На смоле, на той кокоре.
Кормщик, кормщик, видишь пря
В небе хлещется и зря.
Мчитесь дальше на досчане?
Мчимся, мчимся станичане.
Моря веслам иль узки?
Мчитесь дальше паузки!
В нашей пре заморский лен,
В наших веслах только клен.
На купеческой беяне
Браги груз несется пьяный;
И красивые невольницы
Наливают ковш повольницы.

Голубели раньше льны, —
Собирала псковитянка, —
Теперь бурны и сильны
Плещут, точно самобранка.

НАПИСАННОЕ ДО ВОЙНЫ

„Что ты робишь, печенеже,
Молотком своим стуча?“
„О, прохожий, наши вежи
Меч забыли для мяча.
В день удалого похода
Сокрушила из засады
Печенегова свобода
Святославовы насады.
Он в рубахе холщевой,
Опоясанный мечом,
Шел пустынной бичевой.
Страх для смелых нипочем!
Кто остаться в Перемышле
Из-за греков не посмели,
На корму толпою вышли —
Неясыти видны мели.
Далеко та мель прославлена,
Широка и мрачна слава,
Нынче снова окровавлена
Светлой кровью Святослава.
Чу, последний, догоняя,
Воин, дальнего вождя,
Крикнул: „Дам, о князь, коня я!
Лишь беги от стрел дождя!“
Святослав, суров, окинул
Белым сумраком главы,
Длинный меч из ножен вынул

И сказал: „Иду на вы!“
И в трепет бросились многие,
Услыша знакомый ответ.
Не раз мы, в увечьях убогие,
Спасались от княжеских чет.
Над смущенною долиной
Он возникнул как утес,
Но придет петли змеиный
Смерть воителю принес.
„Он был волком, не овечкой!“
Степи молвил предводитель:
„Золотой покроей насечкой
Кость, где разума обитель.
Знаменитый сок Дуная,
Наливая в глубь главы,
Стану пить я, вспоминая
Светлых клич: „Иду на вы!“
— „Вот зачем сижу я, согнут,
Молотком своим стуча.
Знай, шатры сегодня дрогнут,
Меч забудут для мяча.
Степи дочери запляшут,
Дымом затканы парчи,
И подковой землю вспашут,
Славя бубны и мячи“.

СМЕРТЬ В ОЗЕРЕ

За мною взвод
И по лону вод
Идут серые люди —
Смелы в простуде.
Это кто вырастил серого мамонта грудью?
И вётел далеких шумели стволы.
Это смерть и дружина идет на полюдьё,
И за нею хлынули валы.
У плотины нет забора,
Глухо визгнули ключи.
Колесница хлынула Мора
И за нею влажные мечи.
Кто по руслу шел утопая,
Погружаясь в тину болота,
Тому смерть шепнула: „Пая,
Здесь стой, держи ружье и жди кого-то.“
И к студеным одеждам привыкнув
И застынув мечтами о ней,
Слушай. Смерть, пронзительно гикнув,
Гонит тройку холодных коней.
И, ремнями ударив, торопит,
И на козлы гневна вся встает,
И заречною конницей топит,
Кто на Висле о Доне поет.
Чугун льется по телу вдоль ниток,
В руках ружья, а около пушки.
Мимо лиц тучи серых улиток,
Пестрых рыб и красивых ракушек.

И выпи протяжно ухали,
Моцарта пропели лягвы,
И мертвые, не зная: здесь мокро, сухо ли,
Шептали тихо: „Заснул бы, ляг бы!“
Но, когда затворили гати туземцы,
Каждый из них умолк.
И диким ужасом исказились лица немцев,
Увидя страшный русский полк.
И на ивовой ветке извилин,
Сноп охватывать лапой натужась,
Хохотал задумчивый филин,
Проливая на зрелище ужас.

Как А,
 Как башенный ответ — который час?
 Железною палкой сотню раз
 Пересеченная Игла,
 Серея в небе точно Мгла,
 Жила. Пастух железный, что он пас?
 Прочтя железных строк записки,
 Священной осенью векши,
 Страну стадами пересекши,
 Струили цокот, шум и писки.
 Бросая ветку, родите стук вы!
 Она, упав на коврик клюквы,
 Совсем как ты сокрывши веко,
 Молилась богу другого века.
 И тучи проволок упали
 С его утеса на леса,
 И грозы стаями летали
 В тебе, о медная леса.
 Утеса каменные лбы,
 Что речкой падали курчавясь,
 И окна северной избы,
 Вас озарял пожар-красавец.
 Рабочим сделан из осей,
 И икс грозы закрыв в ковычки,
 В суровой пени жег привычки
 Страны болот, озер, лосей.
 И от браг болотных трезв,

Дружбе чужд столетий пьяниц,
Здесь возник быстёр и резв
Бог заводов — самозванец.
Ночью молнию урочно
Ты пролил на города,
Тебе молятся заочно
Стада
Печек испуганных, доменных.
Но гроз стрела на волосок,
Лишь повернется сумасшедшим,
Могильным сторожем песок.
Тебя зарыть не сможет — нечем.
Железных крыльев треугольник,
Тобой заклеван дола гад,
И разум старший, как невольник,
Идет исполнить свой обряд.
Но был глупец. Он захотел,
Как кость игральную свой день
Провести меж молний. После цел
Сойти к друзьям — из смерти тень.
На нем охотничьи ремни
И шуба заячьего меха,
Его ружья верны кремни
И лыжный бег его утеха.
Вдруг слабый крик. Уже смущенные
Внизу столпились товарищи.
Его плащи испепеленные,
Он обнят дымом как пожарище.
Толпа бессильна; точно курит
Им башни твердое лицо.
Невеста трупа взор зажмурит,
И после взор еще... еще...

Три дня висел, как назидание,
Он в вышине глубокой неба.
Где смельчака найти, чтоб дань его
Безумству снести на землю, где бы?

Гол и наг лежит строй трупов,
Песни смертные прочли.
Полк стоит, глаза потупив,
Тень от летчиков в пыли.
И когда легла дубрава
На конце глухом села,
Мы сказали: „небу слава!“
И сожгли своих тела.
Люди мы иль копья рока
Все в одной и той руке?
Нет, ниц вемы; нет урока,
А окопы вдалеке.
Тех, кто мертв, собрал кто жив,
Кудри мертвых вились русо.
На леса тела сложив,
Мы свершали тризну русса.
Черный дым восходит к небу,
Черный, мощный и густой.
Мы стоим, свершая требу,
Как обряд велит простой!
У холмов, у ста озер,
Много пало тех, кто жили.
На суровый, дубовый костер
Мы руссов тела положили.
И от строгих мертвых тел
Дон восходит и Иртыш.
Сизый дым, клубясь, летел.
Мы стоим, хранили тишь.

И когда веков дубрава
Озарила черный дым,
Стукнув ружьями направо,
Повернули сразу мы.

РАССКАЗ ОБ ОШИБКЕ

В те дни, совсем как и сегодня,
Какой-то лук напряг народы,
И Фридрих и Генрих у гроба господня
Украсили смертью морские походы.
Через слюду Иерусалима
Звенит волной прозрачный Ганг.
Чтоб слава вновь была хвалима,
Идет, щитом играя, франк.
И на судах венецианских
Плывут с народом государи
Туда, где в дыме и пожаре
„Алла“ молений мусульманских.
И на боевом их полотне
Восходит месяц (солнце тьмы), —
То видел воин на коне,
Стоявший на досках кормы.
Сто тысяч воинов стрелой
Порхало в Мекку христиан.
Была тень Рима тетивой,
А древком — дерзость мусульман.

1187

Звезда восходит Саладина,
И с кровью пал Иерусалим.
И вот созвучная година
В те дни зажгла над Чили дым.
Лишь только войску Саладина
Иерусалима ключ вручили,
Сменило море господина

У берегов далеких Чили.
И видят Монмут и Отранто,
Как гибнет гордость Альбиона.
Над ней проводит круги Данте
Рука холодного тевтона.
И этот день, причастью верен,
Сломил британские суда.
Как будто знак из мертвых зерен,
О, темно-красная вода!

1147

Лишь Нурэддинова секира
Эдессу город бросит в прах,
Кресси и Хог и Абукир
Исчезли с ужасом в волнах.

ПРИЗНАНИЕ

Вы помните ивы,
Там, где морские виднелись кочевья.
И вы,
Вдруг побледневши, — я понял, что гнев я —
Берите вновь стрелу, пращу,
Ругая, и мчится за вепрем.
И я, став долиной, прощу,
Что лег неподвижно в траве прям.
Посеребренная зимою
В камень охоты на миг,
Я морем печали замою
И скроюсь в сказанья из книг.
И всё же воскликну я в час свой:
— Охотница строгая, здравствуй!
Пусть здравствует трепет неся тетивы,
Где скачка за лосем еще не наскучила
И эта охота, где тетерева
Летят на неумное чучело.
„Мы вам пришлем
Ваш шлем“.
Помните наших друзей.
Я рад, что он из ниток, как Тезей,
И мне опорой будет палка
Одно лишь слово ваше: „жалко“.

БЕГСТВО ОТ СЕБЯ

ВОСПОМИНАНИЯ

- 1 Котенку шепчешь: не кусай,
Когда умру, свои дам крылья.
Писал устало Хоккусай,
А брови матери — Мурильо.
- 2 Как девидеет ветка вишенек,
Так безразумно выше нег,
Ведь золотой загар плеча
Сожжет ваш разум, лепеча
Про ту страну, где Самарканд
И храмы — братья синих Анд.
На волосах чернеет ведрышко
Конечно шелка. Но мотылька прилет
дружка
Зови, цветок, красней,
И, косы, падайте тесней,
Их чешет верный гребешок.
И падал сумрака мешок.
Часы 12 пробили едва
И площадь памятника Скобелеву.
- 1 На стеблях взоров
Громадные и черные стеклянные шары,

Приходит речи злой Суворов,
Приносит дерзости дары.
Двины рукою речи вышиты,
Мурильо ротик нежный пишет.

Ласок
Груди среди травы,
Вы — вся дыханье знойных засух.
Под деревом стояли вы,
А косы
Жмут жгут жестоких жалоб в жолоб,
И вы голубыми часами
Закутаны медной косой.
Жмут, жгут их медные струи.
А взор твой—это хата,
Где жмут веретено
Две мачехи и пряжи.
Я выпил вас полным стаканом,
Когда голубыми часами
Смотрели в железную даль.
А сосны ударили в щит
Своей зажурчавшей хвои,
Зажмуривши, взоры старух.
И теперь
Жмут, жгут меня медные косы.

Копье татар чего бы ни трогало —
Бессильно все на землю клонится.
Раздевши мирных женщин до гола,
Летит в Сибирь — Сибири конница.

Курганный воин, умирая,
Сжимал железный лик Еврея.
Вокруг земля, свист суслика, нора и —
Курганный день течет скорее.

Семья лисиц подьемлет стаю рожц,
Несется конь, похищенный цыганом,
Лежит суровый запорожец
Часы столетий под курганом.

Сегодня строгою боярыней Бориса Годунова
Проплыли вы, как лебедь в озере,
Я не ожидал от вас иного,
И я забыл прочесть письмо зари.
А помните: вчера русалкою,
Маша, как серый млин руками,
Гнались утех русалки,
Поссорив стадо с пастухами?
И те бегут, оторопев,
И пятясь дразнят вас: „русалка“;
Плохой пример для сельских дев:
Им суждены кудель и прялка.
А помните: туземною богиней
Смотрели вы умно и горячо,
И косы падали вечерней голубиной
На ваше смуглое плечо?
Ведь это вы сидели в ниве,
Играя полночью на нитях кос.
Ведь это вы, чтоб сделаться красивой,
Покрылись медом — радость ос.
Вы долго смотрели на мой немного изму-
ченый лоб
И говорили устало: „Еще расскажите“, —
Словарь моих первых зазноб.
Мы вместе сидели на скошенном жите,
Здесь не было „да“, но не будет и „но“,
Что было — забыли, что будет не знаем.
Здесь божия мать мыла рядом
И голубь садится на темя за чаем.

И чтоб утроить вещь Ы,
Я забавам бросил „кыш!“,
Красивым кинул „брысь!“
А смерти [крикнул] “цыц!”
А боги, что вруны для глаз,
Толпились ночью тополями,
[Храмовной стражей тишины.
Вдали ночей таинственная рысь.]
Вдруг ногомольно пали ниц
И руку целовали мне, крича:
„Бери, возьми нас для бича,
Плети в суровые ремни“.
Суровые, высокие жрецы
Сморкались в руку, лепеча,
Что в новой радостной неволе
Они забудут о престоле.
А я, словами силача,
Их, как трепещущих детей,
Сложил в глубь рыбаля сетей.
И вновь простой, вновь угрюмой,
Стоял с таинственной думой.
Из этих сил сплетется бич,
И там где пир, там будет ничь.
А наверху, меж черных тучек,
Вдруг [обозленно], злобно лая,
Мелькнула харя удалая;
То смерть была — проклятый цуцик.
Вязанку за плечи; побрел

Мимо столиц и мимо сел
В свои суровые владения.
И властно исчезали двое — день и я.
Да, как садовники красивейшие сливы,
Рыданий дани принесли вы.

Когда я, следуя Толстому,
Записки Цезаря читал,
Их грубый рой имен, как сто мух
Над Волгаря челом летал;
Я знал, что словом зумзумима
Египет кровь чужую звал.
О, Цезари, идите мимо!
Так к зумзумимам я воззвал.
Запомнив каменную деву,
Кувшин несом был ей и таз.
И складок строгие напевы
И море утром через глаз.
И я постиг волну Киприды
В тебе, девическое Море.
И кролика таинственное сердце,
Безумно снежные на руки виды,
И кудри бьются в разговоре,
Как рой снежинок,
Спешит кумиру удивиться,—
Так не подсмертный воин-инок
Вас ведал песнями девицы.
То колос ржи, то луч [зари]
И золотых богини пчел,
Косою нежной [сизы],
Дерзкий улей.
Безумец дерзкий, я прочел,
Мглу разорвавший над косулей,
Когда безгрешнее черта

Текла от рук до снежного затылка.
Ты здесь смеешься! Та!
В нее давно, предавно, пылко.
Как тяжела и как мрачна,
Когда кудрей тяжел чугун —
Та красота. Она скучна.
Так скажет каждый юный гун.

.

Ваш стан высок, изящен, гибок,
Там радуга смеющихся улыбок!
Снопов пшеницы струя ржаная
И этот взор — луч неба у Дуная.
И вы воскликнули: окружена я.
И вам привет слагают ивы,
И вам завидуют вишни,
В семье цветов и вы не лишни!
Так вы воздушны и красивы,
Вы обморок и шелест тростника,
Подслушанная речь невидимой осоки,
Когда во сне у ивняка,
Запели лебеди высоко.

Знай, есть трава, нужна для мазей.
Она растет по граням грязей.
То есть рассказ о старых князях:
Когда груз лет был меньше стар,
Здесь билась Русь и сто татар.
С вязанкой жалоб и невзгод
Пришел на смену новый год.
Его помощники в свирели
Про дни весенние свистели,
И щеки толстые надули,
И стали круглы точно дули.
Но та земля забыла смех,
Лишь в чумный день здесь лебедь неся,
И кости бешено кричали: „бех“,
Одеты зеленью из проса,
Обросши знаками вопроса,
И кости звонко выли: „Да!
Мы будем помнить бой всегда!..“

Сейчас полетит, и мертвый стрелок
Завянет, хотя был красивый и юн.
Какие люди, какие масти
В колоде слухов, дань молве!
Врачей зубных у моря снасти
И зубы коренные, но с башнями Бувэ!
И старец пены, мутный взором,
Из кружки пива выползая,
Грозит судьбою и позором,
Из белой пены вылезая.

Малявина красавицы, в венке цветов Коровин а
Поймали небо-птицу. Хлопочут так и сяк.
Небесная телега набила им оскомину.
Им неприятен немец, упитанный толстяк.
И как земно и как знакомо
И то, что некоторые живы,
И то, что мышь на грани тома,
Что к ворону По — ворон Калки ленивый!

Как и я, верх неги,
Я, оскорбленный за людей, что они такие,
Я, вскормленный лучшими зорями России,
Я, повитой лучшими свистами птиц, —
Свидетели: вы лебеди, дрозды и журавли!
Во сне провлекший свои дни,
Я тоже возьму ружье (оно большое и глупое,
Тяжелее почерка)
И буду шагать по дороге,
Отбивая в сутки 365. 317 ударов — ровно.
И устрою из черепа брызги,
И забуду о милом государстве 22-летних,

Свободном от глупости возрастов старших,
Отцов семейства (общественные пороки воз-
растов старших).

Я, написавший столько песен,
Что их хватит на мост до серебряного месяца.
Нет! Нет! Волшебницы дар есть у меня,
сестры небоглазой.

С ним я распутаю нить человечества,
Не проигравшего глупо
Вещих эллинов грез;
Хотя мы летаем.
Я ж негодую на то, что слова нет у меня,
Чтобы воспеть мне изменившую избранницу
сердца.

Ныне в плену я у старцев злобных,
Хотя я лишь кролик пугливый и дикий,
А не король государства времен,
Как зовут меня люди:
Шаг небольшой, только „ик“,
И упавшее О, кольцо золотое,
Что катится по полу.

Вы были строгой, вы были вдохновенной,
Я был Дунаем, вы были Веной.
Вы что-то не знали, о чем-то молчали,
Вы ждали каких-то неясных примет.
И тополи дальние тени качали,
И поле лишь было молчанья совет.
Панна пены, панна пены,
Что вы тополь или сон?
Или только бьется в стены
Роковое слово „он“?

Иль за белою сорочкой
Голубь бьется с той поры,
Как исчезнул в море точкой
Хмурый призрак серой при?
Это чаек серых лет!
Это вскрикнувшие гаги!
Полон силы и отваги
Через черес он войдет!

Где волк воскликнул кровью:
„Эй! Я юноши тело ем“.
Там скажет мать: „дала сынов я“.—
Мы, старцы, рассудим, что делаем.
Правда, что юноши стали дешевле?
Дешевле земли, бочки воды и телеги углей?
Ты, женщина в белом, косящая стебли,
Мышцами смуглая, в работе наглей!
„Мертвые юноши! Мертвые юноши!“
По площадям плещется стон городов.
Не так ли разносчик сорок и дроздов
— Их перья на шляпу свою нашей.
Кто книжечку издал: „Песни последних оленей“
Висит, продетый кольцом за колени,
Рядом с серебряной шкуркою зайца,
Там где сметана, мясо и яйца.
Падают Брянские, растут у Манташева,
Нет уже юноши, нет уже нашего
Черноглазого короля беседы за ужином.
Поймите, он дорог, поймите, он нужен нам!

Не выли трубы набат о гибели:
„Товарищи милые, милые выбыли“.

Ах, вашей власти вне не я —
Поет жестокий узор уравнения.
Народы бросились покорно,
Как Польша вплавь, в мои обители,
Ведь я люблю на крыльях ворона
Глаза красивого спасителя!
За ним, за ним! туда где нем он!
На тот зеленый луг, за Неман!
За Неман свинцовый и серый!
За Неман, за Неман, кто верует!

Я задел нечаянно локтем
Косы, сестры вечернему ворону,
А мост царапал ногтем
Пехотинца, бежавшего в сторону.
Убийцы, под волнами всхлипывая,
Лежали, как помосты липовые.
Чесала гребнем смерть себя,
Свои могучие волосы,
И мошки ненужных жизнью
Напрасно хотели ее укусить.

Девы и юноши, вспомните,
Кого мы и что мы сегодня увидели.
Чьи взоры и губы истом не те,
А ты вчера и позавчера, увы, дели!
Горе вам, горе вам, жители пазух,
Мира и мора глубоких морщин,
Точно на блюде на хворях чумазах,
Поданы вами горы мужчин.
Если встал он,

Принесет ему череп „ес“,
Вечный и мирный, жизни первой!
Это смерть идет на перепись
Пищевого довольства червей.
Поймите, люди, да есть же, стыд же,
Вам не хватит в Сибири лесной костылей,
Иль позовите с острова Фиджи
Черных и мрачных учителей,
И проходите годами науку,
Как должно есть человечью руку.
Нет, о друзья!
Величаво идемте к Войне Великанше,
Что волосы чешет свои от трупья.
Воскликнемте смело, смело как раньше:
Мамонт наглый, жди копья!
Вкушаешь мужчин à la Строганов.
Вы не взошли на мой материк!
Будь же неслыхан и строго нов
Похорон мира глухой пятерик.
Гулко шагай и глубокую тайну
Храни воронными ушами в чехлах,
Я верю, я верю, что некогда „Майна!“
Воскликнет Будда или Аллах.

Белые дроги, белые дроги,
Черное платье и узкие ноги.
Был бы лишь верен, вернее пищали с кремнями,
мой ум бы:
Выбрал я целью оленя лохматого.
За мною Америго, Кортес, Колумбы!
Шашки шевелятся, вижу я мат его.

Капает с весел сияющий дождь
Синим пловцом величая,
Бесплотным венком ты увенчан, о вождь!
То видим и верим, чуя и чая.
Где он? Наши думы о нем!
Как струи, огни без числа,
Бесплотным и синим огнем
Пылая, стекают с весла.
Но стоит, держа правило,
Не гордится кистенем.
И что ему на море мило?
И что тосковало о нем?
Какой он? Он русский точно зори,
Как колос спелой ржи,
А взоры это море, где плавают моржи.
И жемчугом синим пламена
Зажгутся опять как венок.
А он, потерявший имена,
Стоит молчалив, одинок.
А ветер забился все крепче и крепче,
Суровый и бешеный моря глагол!
Но имя какое же шепчет
Он, тот, кому буря престол?
[Когда голубая громада
Закрыла созвездий звено,
Он бросил клич: „Надо,
Веди, голубое руно!“
И люди спешно моют души в прачешной,
И спешно перекрашивают совестей морды,
Чтоб некто, лицом сумасшествия гордый,
Над самым ухом завыл: „Ты ничего не зна-
чишь, эй!“

И многие, надев воротнички,
Не знали, что делать дальше с ними:
Встав на цыпочки, повесить на сучки,
Иль написать обещанное имя.

Котенку шепчешь: не кусай,
Когда умру, тебе дам крылья.
Уста напишет Хоккусай
А брови девушки — Мурильо.

Табун шагов, чугуны слонов!
Венки на бабра повесим сонно,
Скачемте вместе Самы и Самы,
Нас много хоботных тел.
10 ничто. Нас много друзей единицы.
Заставим горлинок пушек снаряды носить.
Движением гражданина мира первого —
волка,
Похитим коней с Чартомлыцкого блюда,
Ученее волка — первого писаря русской
земли,
Прославим мертвые резцы и мертвенную
драку,
Шею сломим наречьям, точно гусятам,
Нам наскучило их Га-Га-Га!
Наденем намордник вселенной,
Чтоб не кусала нас юношей,
И пойдем около белых и узких борзых
С хлыстами и тонкие
Лютики выкрасим кровью руки,
Разбитой о бивни вселенной,
О морду вселенной.

И из Пушкина трупов кумирных
Пушек наделаем сна.
От старцев глупых вещице юноши уйдут
И оснут мирное государство
Граждан одного возраста.

Одетый в сеть летучих рыб,
Нахмурил лоб суровый бог рыб,
Какой-то общий шум и шип,
И точно красный выстрел погреб.
За алым парусом огня
Чернеют люди и хлопчут,
Могил видением казня,
Разбой валов про смерть пророчит.
И-кто-то, чернильницей взгляда недобрый,
Упал, плетнем смерти подняв свои ребра],
Упав точно башен и пушек устав.
Вот палуба поднялась на дыбы,
Уже не сдержана никем.
Русалки, готовьте гробы!
Оденьте из водорослей шлем!
От земли печальной вымыв.
И покройте поцелуями этот бледный
желтый воск кости.

А на небе там, где тучи,
Человеческие плоскости
Ломоть режут белых дымов.
Люди, где вы? Вы не вышли
Из белой праотцев могилы,
И только смерть, хрипя на дышле,
Дрожит и выбилась из силы.
Она устала: Пожалейте

Ее за голос куд-кудах!
Как тяжело и трудно ей итти,
Ногами вязнет в черепах.
Кто волит, чтоб чугунный обод
Не переехал взоров ласточки,
Над тем качнулся зверский хобот
И вдруг ударил с силой вас тоски.
И бьет тяжелою колодой
Он оглупевшего зверка
И масти красною свободой
Наполнят чашу, пусть горька.

Свобода приходит нагая,
Бросая на сердце цветы,
И мы, с нею в ногу шагая,
Беседуем с небом на ты.
Мы, воины, строго ударим
Рукой по суровым щитам:
— Да будет народ государем,
Всегда, навсегда, здесь и там!
Пусть девы споют у оконца,
Меж песен о древнем походе,
О верноподанном Солнца,
Самодержавном народе.

Эта осень такая заячья,
И глазу границы не вывести
Осени робкой и зайца пугливости.
Окраскою желтой хитер
Осени желтой житер.
От гривы до гребли
Всюду мертвые листья и стебли,

И глаз остановится слепо, не зная чья,
Осени шкурка или же заячья.

Вчера я молвил: гуля, гуля!
И войны прилетели и клевали
Из рук моих зерно.
И надо мной склонился дедер,
Обвитый перьями гробов,
И с мышеловкою у бедер,
И мышью судеб меж зубов.
Крива извилистая трость
И злы синеющие зины.
Но белая, как лебедь, кость,
Глазами зетит из корзины.
Я молвил: „Горе! мышелов!
Зачем судьбу устами держишь?“
Но он ответил: „Судьболов
Я—и волей чисел — ломодержец“.
И мавы в битвенных одеждах,
Чьи кости мяса лишены,
И с пляской конницы на веждах,
Проходят с именем жены.
Крутятся волшебною жемжуркой,
Они кричали: веле! веле!
И к солнцу прилепив окурочек,
К закату призраком летели.
А я червонною сорочкой
Гордился, стиснув удила,—
Война в сорочке родила.
Мой мертвый взор чернеет точкой.

Узнать голубую вражду
И синий знакомый дымок,
Я сколько столетий прожду?
Теперь же я запер себя на замок.
О боги! Вы оставили меня
И уж не трепещете крылами за плечами
И не заглядываете через плечо в мой почерк.
В грязи утопая, мы тянем сетью
Слепое человечество.
Мы были, мы были детьми,
Теперь мы крылатое жречество.
Уж сиротеют серебряные почки
В руке растерянной девицы,
Ей некого, ей незачем хлестать!
Пером войны поставленные точки
И кладбища большие, как столица,
Иных людей иная статья.
Где в простыню из мертвых юношей
Обулась общая земля,
В ракушке сердца жемчуга выношу,
Вас злобным свистом жалейки зля.
Ворота старые за цепью,
И нищий и кривая палка,
И государства плеч (отрепье) —
Блестят, о умная гадалка!

Воин! Ты вырвал у небес кий,
И бросил шар земли...
И новый Ян Собесский
Выбросил: пли!
Тому, кто
Уравнение Минковского

На шлеме сером начертал,
И песнезovem Маяковского
На небе черном проблистал,

Ты же, чей разум стекал,
Как седой водопад,
На пастушеский быт первой древности,
Кого числам внимал
И послушно скакал
Очарованный гад в кольцах ревности.
И змея плененного пляска и корчи,
И кольца, и свист, и шипение,
Кого заставляли все зорче и зорче
Шиповники солнц понимать точно
пение.

Кто череп, рожденный отцом,
Буравчиком спокойно пробуравил,
И в скважину надменно вставил
Росистую ветку Млечного Пути,
Чтоб щеголем в гости идти.
В чьем черепе, точно стакане,
Была росистая ветка черных небес,
И звезды несут вдохновенные дани
Ему, пронизавшему полночи лес.

Я, носящий весь земной шар
На мизинце правой руки,
— Мой перстень неслыханных чар —
Тебе говорю: Ты!
Ты вспыхнул среди темноты.
Так я кричу, крик за криком,
И на моем каменеющем крике

Ворон священный и дикий
Совет гнездо и вырастут ворона дети,
А на руке, протянутой к звездам,
Проползет улитка столетий!
Блаженна стрекоза, разбитая грозой,
Когда она прячется на нижней стороне
Древесного листа.
Блажен земной шар, когда он блестит
На мизинце моей руки!

Страну Лебедию забуду
И ноги трепетных Моревен.
Про Конецарство, ведь оттуда я,
Доверю звуки моей цеве.
Где конь благородный и черный
Ударом ноги рассудил,
Что юных убийца упорный,
Жуя, станет жить, медь удил.
Где конь зверокий с волной белоснежной
Стоит, как судья у помоста,
И дышло везут колесницы тележной
Дроби преступные, со ста.
И где гривонос благородный
Свое доверяет копыто
Ладони покорно холодной,
А чья она — всеми забыто.
Где гривы воздух, взоры песни,
Все дальше, дальше от Ням-Ням!
Мы стали лучше и небесней,
Когда доверились коням.
О, люди! Так разрешите вас назвать!
Жгите меня,

Но так приятно целовать
Копыто у коня:
Они на нас так не похожи,
Они и строже и умней,
И белоснежный холод кожи,
И поступь твердая камней.
Мы не рабы, но вы посадники,
Но вы избранники людей!
И ржут прекрасные урядники,
В нас испытуют слово: дей!
Над людом конских судей род
Обвил земной шар новой молнией.
Война за кровь проходит в брод;
Мы крикнем: этот дол не ей!
И черные, белые, желтые
Забыли про лай и про наречья.
Иной судья — твой шаг, тяжел ты!
И власть судьи не человечья.
Ах князь и кнезь, и конь и книга,
Речей жестокое пророчество.
Они одной судьбы, их иго
Нам незаметно, точно отчество.

Ветер — пение
Кого и о чем?
Нетерпение
Меча стать мячом.
Я умер, я умер
И хлынула кровь
По латам широким потоком.
Очнулся я иначе, вновь,
Окинув вас воина оком.

Инири

Время валом смелых дел.
Берегиня Милины.
Если край инес задел —
Вспыхнут гневны Инири.
Кто понять иное смел,
Ну, пойдя в чужой удел!..

*

Сюда лиска прибежала,
Легкой поступью поржала,
Уши нежно наостряла,
С видом тонкого нахала,
Концом желтым опахала,
И сердилась и махала.
Пташки чудно ликовали
И свистели, ворковали.
Голос ужаса пронесся —
Вот, как воин плахи,
Вертят мучениц колеса?
Иль ведут насильно свахи.

*

Временель

Умночий вещей пущ
Свирелью время назвал
И в мы, как день потуск,
Летели тиши язвы.

Он стоял у древа жизни
И свирель к устам поднес,
Замолчали укоризны,
Замолчал и в даях пес.
Ний, ний мир, как папороть раскрыл,
Тайны радостные крыл.

*

Небистели, небистели,
Озарив красу любин,
В нас стонали любистели,
Хохотали каждый ин.
Их нежные, милые личики
Сменялись вершиной кудрей,
Из уст их струилися клички:
„Смотрите, живите бодрей“.

*

Единотствуя в скачечной паре
В спряготинеющем узоре
И тел развернутые нутра,
Красотинеющие зори
Застали встанственнoго утра.

*

Поэт

Передо мной в котле варился вар,
В котле для жаренья быка.
Когтями и языками прилежно раздували жар,
До красна накалив котла бока,
Десять молодых чертенят.

Мирес иных изведал жажду; конины с солью
я отведал, иных новин победы жажду.
Мирийные целины просек оралом звездным,
Резгреб за валом бездны мировинные целины.

*

Неумь, разумь и безумь — три сестры плясали
вместе,
В покрывальностях бездумий, в покрывально-
стях невесты.
Руки нежные свились, ноги нежные свились,
Все кругом сплелось, свилось, в вязкой манни
расплылось.

* *

Поручейное

В умных лесах правен лесовой,
В милых водах силен Водяной,
В домах честен домовой,
А в народе Славяной.
Так зыбит, снует молва,
С нею славен, славен я!

*

Жарбог! Жарбог!
Я в тебя грезитвой мечу
Дола славный стаедей,
О, взметни ты мне навстречу
Стаю вольных жарирей.
Жарбог! Жарбог!
Волю видеть огнезарную,

Ч а д - п т и ц а

За мыслевом кружевом,
Кружевом-тужевом
Тын я воздвиг,
В мой сладостный, младостный,
Радостный миг.
Стою за ограды оградой моей,
И заревом маревом мысли твоей,
Роняю в мир стаи веселых теней.
И мыслевом заревом
Сень озарил,
И гусями далями
День подарил.
За мороком ворогом
Один я стою,
И к мести взывая,
Песнь пою,
И в песни рыдая,
Мечь создаю,
И гусями странными
К дальним курганам
Весть подаю.
И в немости бранными
И в ревности званными
Пенности звонами
Весть подаю,
И пленности манною,
Тленностью данною
Мечь создаю.

*

О, мир, мой добрый дядька!
Зачем ты плечами сутул?

Присядь-ка!

Рядом порожний вижу просит стул.

*

В душу хододную, как лед,

Вонзить огненных крыл полет,

Собой цветок поднять со льда,

Влагая снега вид — боль, — да.

*

Есть девушка с прическою „Россия“.

Ответила бы мне: „ко мне, сюда, о да!“

Красу молчащую спроси я:

„Лобзаний несть уста куда?“

*

И чирья чирков по челу озера,

По чистому челу меж власых тростников.

Рати стрекозовые

Чертят яси облаков,

Чистых облаков,

Рати стрекозовые

Зыби волнят,

Озеро.

*

Пусть древо водоносное

Согнулося с плеча,

Ах, время сенокосное,

Все зубы лихача.

Ах, реет волна в берег,

На займище испарина

И звон воздушных серег
Товарища татарина.
Под овчиною отцовской
Дева и он.
Он с прической молодцовской
Слышит смех и стон.
Она дитя вечерних вод
И видны кольца ее кос,
Красивый ум, красивый рот
И стан согнутый как вопрос.

*

Старуха-веруха за тайной сидит.
Радуха-родуха на ветке вопит.
За далями златом падал туман,
За явями высился дальний курган.

Смеянство древних зорь

Я — отсвет, мученик будизн
Я — отсвет славный смертизны.
Я — оцвет цветизны.
Я — отволос прядущей смерти.
Я — отголос кружущей верти.
Я — отколос грядущей зыби.
Я — звученник будизн.
Я — мученик немизн.
Немостины будизны.

*

Лунный свет и белая ограда
И тополя как стаи парусов,

Сюда ночной приходит лада —
С калитки снять ее засов.

*

Гульба двух бурь, двух зорь
Расторг.

Кричит Могуль

Какой восторг.

Кричит Могуль

Двух зорь расторг,

Двух бурь разгул.

*

Я небичь бледный,

Я небичь зыбкий,

Едва на землю

Сойти я мог...

Водичь я, голубой родник,

Из глубынь я возник.

Я умер, растаял, разник,

Едва доступен стал мне лик.

*

Гробатая явь

Будрое дитя, мови:

Когда будешь червивым мешком?

(Мешком туго завязанным, полным до краев.

— „Буду любимцем звезд!

Буду, балуя, править

Звездной конницей сполохогровкой“...

Поклонимся, в знак внимания, до пояса

Будрому дитяти!

*

Червьядь

Быльняк зорецветный
На далеке лет
Возрос на берегу реки.
Струйна река моей тоски!
Зыбкий, вивкий, перевивкий
Зыбкий в листьях жизни марев.

*

Игралие

Видязь видений безликих,
Вероши в яви.
Есть узывностинь редкой мечты
В русалиях яви голубоши.
Безмерной бесценной беспленной
Бестешной
Мокоши.
Русалие
Есть хлябей мечты.
Есть Русь хлябей домирного,
Хлябей довещной черты,
Домирного мира.

*

Огнивом сечивом высек я мир,
И зыбку улыбку к устам я поднес,
И куревом маревом дол озарил,
И сладкую дымность о бывшем вознес.

*

Людoshi плескошь глухая,
Пустoshi немощь глухая,
В хвойном совиты венке.
Где-то молчали страдая,
Кто-то склонился рыдая,
Склонился к луке.

*

Мирооси данник звездный
Я омчусь как колесо,—
Пролетая в миг над бездной,
Задевая краем бездны,
Я учусь словесо.

*

В пору когда в вырей
Времирей умчались стаи,
Я времушком-камушком игрывало,
И времушек-камушек кинуло,
И времушко-камушко кануло,
И времыня крылья простерла.

*

Тебе поем родун!
Тебе поем бывун!
Тебе поем радун!
Тебе поем ведун!
Тебе поем седун!
Тебе поем владун!
Тебе поём колдун!

*

Смехлые уста смерть протянула целующая,
Дохла и пуста твердь протянулась целуемая,
Голуботелая одуванчикококая,
Чьи волосы золота волосы,
Овеклые слезы остекляненные, чьи голоса во-
лоды голоса,
Застыли нетленными,
Зовем их слепые — вселенными...

*

За порохом облаком ворог идет,
Из города волода ковы несет,
Но лук натянулся, лук задрожал,
К ногам моим камнем недруг упал.
И я торжествую победу, кричу.
И долы веселые тайный лечу.

*

Смертичь, смертичь не смещи!
Деве юна покажи!
Младу жизнь, ну задуй!
Деву в губки поцелуй!..
— Я матери исполнить готов приказание.
О, дева, не бойся утечи лобзания.
Без слов — готов.
Приняла. Умерла.

*

Замужница с замужницейй
На ветке ворожили.
Причудница с причудницейй
И детки у них были!

*

Урахающее войско.
Тьфунул, плюнул. Отвернулся.
тсыкающий-зыкающий
ой ликнуть? воскликнули?
гейкать, эйкать молодо
Золото. Ну-же, ну!

*

З а в е д к а

Мру
омертвелый
омертвелость
лепотствую стыдливо
яротствую молча...
слепотствую немой...
суетствую молча...
маетствую крича...
Я твой. Я твой...

*

Между озера
зеркал

Бес
испуганно
сверкал

*

8 + a
лет

Стая ласточек
воздушных
Тонких тел сплетает
сеть

И зовет тоске
 послушных
Не боящихся
 висеть.

*

Зарошь
дебошь
варошь
студошь
жарошь
сухошь
мокошь
темошь.

*

1

От Коссова я
Дружины свой бег
Злой продолжали на
 трупах
Ворог колол,
 резал и сек
Павших от ужаса
 глупых.

*

2

От Грюнвальда.—
 Истуканы
С серым пером
 на темени
В рубахах медных
 великаны
Бились с рожденным
 на Немане.

Мне спойте
 про девушек
 чистых,
Сих спорщиц с черемухой
 — деревом,
Про юношей стройно плечистых:
Есть среди вас они,
 — знаю и верю Вам.

*

Немь лукает
 луком
немным
в
закричальности
 зари!
Ночь роняет душам
 темным
Кличи старые: гори!

*

Времыши-камыши
 На озера бреге,
Где каменья временем,
Где время каменьем.
 На берега озере
Времеша, камыши на
 озера бреге
Священно шумящие.

*

Я в тебя
 молитвой мечу,
Мира славный
 солнцевей

О взметни ты мне
навстречу
Стаю вольных
жарирей.

*

В грезogaх-соногах
Почил я, почил у черты.
В мечтогах-думногах
Почил у мечты.
И сонные сени восстали
Дремотные башни
воздвиглись.

*

Пламень леунностей влас
Пламень девинностей взора.
Пламень поюнностей глаз
Купол ночного собора.

*

Там, где жили свиристели,
Где качались тихо ели,
Пролетели улетели
Стая легких времирей;
Где качались тихо ели,
Где шумели звонко ели,
Пролетели, улетели
Стая легких
Времирей.

*

И мертвостынь
старого

черепа
Скользко мелькнувшие мыши
И милостынь старого бреда
Венчание в царствии
 крыши.

 и все.

*

Неголи легких
 дум
Лодки направили
 к легкому свету.
Бегали легкости в шум
Небыли, нет и все
 нету.

*

Тебя пою, мой синий сон
И сени саней золотые
Зимы седой и сизый стон
И тени теми голубые.

*

Трепетва
Зарошь
Умнязь
Дышва
Дебошь
Пенязь
Помирва
Варошь
Вечязь
Плещва
Студошь

Жриязь
Желва
Жарошь
Храмязь
Плаква
Сухошь
Будязь
Лепетва
Мокошь
Вылязь
Нежва
Темошь
Новязь.

*

Водняга
Мельководы в дальних водах.
Рыбных игр звенит струя.
Манна, манна даль свободы.
Дети, дети — это я.

*

Белостыня снежных птиц.
Благостыня нежных лиц.
Думовым словом, ведовым словом...
(Отведите токи гневные!
Уроните зовы севные!)
Отведите холод зимний!
Назовите, кто любимый!

*

Охотник скрытых долей, я в бор бытий вошел.
И велям вейных волей вся бывь — покорный вол.
И навиков скакание в грустилицах зари,

И любиков смеяние в вместилищах воды,
И в ветках трепетание, там, где проскользнули
жарири.

*

Я любоч женьчюжностей смеха,
Я любоч леунностей греха.
Смехи, грехи — все мое.
Любы верхи, любо дно.

*

Где ты, изгнанница?
Где, бесприданница?
Повстаница небней безвирных,
Восстаница певней сверхмирных?
Колдует, страшует мой слух,
Зыбует, волнует мой дух.

*

Я восстал, рыдал, плясал,
К небу руки воздымал.
Прибежали злые люди,
Ударяли злыдни в груди,
Принесли тяжелы цепи,
Посадили где-то в клетку...

*

Поюности рыдальных склонов,
Знаюнности сияльных звонов
В венок скрутились.
И жалом многожалым
Чело страдальное страданьева овили.
И в сиянии нездешнем сияний
И в бездумном играньи играний
Расплескались яри бываний...

*

Любил я, стонал я, своей называл.
Ту, чья невинность в сказку вошла,
Ту, что о мне лишь цвела и жила,
И счастьем нас отдала...

Но Крысолов верховный „крыса“ вскрикнул
И ринулся, лаем залившись, за крысой, —
И вот уже в лапах дева-небога,
И зыбятся свечи у девьего гроба.

*

Зоры-позоры. Рыды-навзрыды.

Чья там головка русеет?

Чей одуванчик развеет?

Я это. Горек мне миг.

О, не избыть мне беды!

Мамо душу растоптала.

Отчим телом раздражен.

Я души не воссоздала,

Я вошла в обычай жен.

Рыды-навзрыды, Зоры-позоры.

Чья там головка русеет?

Чей одуванчик развеет?

*

Познал я числа,

Узнал я жизнь.

Я явств без смысла,

Я песнь немизн.

Былеликий, сны-копыта...

Милый диким бег в забытое...

Зори-лица,

Ночи темя,

Я веселия божницы...

Улетающее стремя...

*

Мизиничь, миг,

Скользнув среди двух часов,

Мне создал поцелуйный лик

И крик страстей и звон оков.

Его, лаская, отпустил,

О нем я память сохранил,

О мальчике кудрявом.

И в час работ

И в час забавы

О нем я нежно вспоминаю

И, ласкою отменной провожая,

Зову, прошу:

— Будь гостем дорогим!

*

Вера, опять то же имя

Хоролева иннот белоленных

Нагеей хотинец я знать,

Ты верная дева влюбленных

Вечерит шумровы сузнать.

Грезунья полуночным взором.

Владия серебряных кос.

.

*

Небес хребты

Одел мехами сверк,

Двуясный ясень мерк,

Были не пройдены пути,

Но видны, видны путы,

И некуда итти,
И чолны наши утлы.

*

Отсталость манных доль,
Рассталость брежных вод,
Насталость жданных зорь,
Устаность давних доль.
Рассталость двух друзей,
Досталость стрелку лебедей,
Насталость безрадых дней.

*

Времянин я
Времянку настиг,
И вот — любянин я,
И создал я миг.
И вот я очнулся и дальше лечу,
И в яр окунулся
И в глуби тону.
И крылий... черпаю денину.
Из клядзя голубя черпаю водину.

*

Снег сон земной,
Снег сон зимой,
Дремоба ости в дереве,
Живоба ости в череве.

*

КРЫМСКИЕ СТИХИ

В мигов нечет
Кузнечик
Вечер
Ткет. Качались рыбалки...

И женские голоса,
Тишины балки,
Ясна неба полоса.

*

Я и ты были серы...
Возникали пенные женщины из тины,
В них было более истины,
Чем... меры.

*

С у д а к

Истлели бури блеском мелы,
Проходит барин в белом, белом.
Проходит в черном весь барчук,
Видна гостиница „Боярчук“...
Падал час предвечерне ранний,
В зовущие лона,
Когда в каждой девице — Диана,
В каждом юноше — Адонис.
Гасит песню ямщик, с облучка слезая,
И вечерних ресниц слеза — я.

*

Падал свет из тени,
Кто был чужд смятенью?..
Я истекаю степью и именем...
Ищут приюта думы в нигде.
Как раньше тернист круг терновника.
И мир лишь падеж к слову „любовник — я“.
Как раньше лик мил дев...
Я вечно юн, если небовеяние дев...
Но кострам „алчу я“ дыма нет.
Я истекаю степью и именем.

*

Если вы и я себя любите,
То я в вас молитвой никогда,
Но синий взор в веках дар
И косит время в дубах тень.

*

Тропочка к морю левее:..
Я устал итти:
Твой взор счастевеет —
Мир и все — лишь и к „я“ и „ты“!

*

Облаки казались алыми усами.
Мы забыли, мы не знали, кто мы сами,
Мы забыли, мы не знали: двойники ли с небесами,
Или мы сами.
Где-то далеко, где падал туман,
Веет пением мам.
Таёт в дымчатых сумерках лес, но
Еще милей туманное слово „прелестно“.
Ах!.. Мы изнемогли в вечной вечного алчбе!
А дитя, передразнивая нас, пропищало „бе!“

*

Из лавки доносится: барыш с нами...
А дорога процвела барышнями.
Не знают голоса мерки.
Огневеют голосами в сумерках.
Волосы убраны башнями шолку.
Иногда курганом соломенных тканей,
(Весь порасцвел он алыми цветами).
Беспечно роняют, что были зимою в Париже.
С печалью ем свои вишни.

Вижу!

Здесь я лишний...

*

Вечер. Тени.

Сени. Лени.

Мы сидели, вечер пья.

В каждом глазе — бег оленя,

В каждом взоре лет копыя.

И когда на закате кипела вселенская жарь,

Из лавчонки вылетел мальчонка,

Провожаемый возгласом: жарь!

И скорее справа, чем правый,

Я был более слово, чем слева.

*

Мы в одеждах сомнений

Упали на зеленую траву...

А дальше все звончей и все богоявленной

Звал нас голос в дальнюю страну...

*

Собачка машет хвосточком, лает.

Старушка идет милая.

В руке дрожит сетяной мешочек.

Я — не Чехов.

*

Полно, сивка, видно тра

Бросить соху. Хлещет ливень и сечет.

Видно ждет нас до утра

Сон, конюшня и почет.

*

Очи Оки

Блещут вдали.

*

Гуляет ветренный кистень
По золотому войску нив.
Что было утро, стало день.
Блажен, кто утром был ленив.

*

Гевки гевки ветра нету
Да оксана ветра ни
Бросьте девки песню спету
Сюда идут легини...

*

Ты богиня молод[ежи]
Брови согнуты в истоме,
Ты прекрасна ночью лежа
На раскинутой соломе!..

*

Нечеловеческий взгляд месяца,
Упрек, уколы, разговоры,
Угроза томная повеситься,
Окончить с жизнью тусклой споры!..

*

Какой страстей переворот
Дал эту царственность осанки
И бросил странника наряд
К ногам задумчивой цыганки...

*

Цветок семи колоколов
На утонченном стебле
К моей петлице приколов,
Вы повернулись ко мне.

Осиновый скук кол
Вошел в видение над гробом
И сорит лучшая из кукол
Труху рассыпанную зобом.

*

Зазовь.

Зазовь манности тайн.
Зазовь обманной печали.
Зазовь уманной устали.
Зазовь сипких тростников.
Зазовь зыбких облаков.
Зазовь водностных тайн.
Зазовь.

*

И песнь очеретянок
Молчание за ус тянет,
Шаловливое дитя,
И в дали сны летят.
О, мигов копоть
На стекле моей светли!
Устал я капать
Телом омылелым
Из жизни смерти петли.
И кто восхочет быть моей капели блюдо?
Молчит пространный стадного люда.

*

Бежит, бежит ко мне мой песнемордый зверь
От ужаса трясуся я.
О друг! спаси! Иди, поверь.
Куда пойду и где спасуся?
Сознание в опасности! — поверь.

О этот меч воинствующего утра!
И восхищенные орлы
И смерти чуд раб
Срывал недель своих венец.
И прожитому кинул „нет“.
И зова волка рощи воев
Угрюмо заблестели вои.

*

Х о в у н

Пренебрегли для мнимых благ
Закона хохота седым,
И, отдаваясь воле влаг,
Назвали гор твердыню: дым.
И в миг, когда венец твердыни
Улыбкой утренней сияет,
Вы отреклись от слов гордыни,
Себя спросив, что ясь сия есть?
Но вновь себя опутав
Улыбкой ласкового утра,
Вы налегаете на чолны,
Презрения ко прошлым полны.
И восстает красою гнева
Святая девственная дева,
И разметает всех по буре,
И развеивает дымы курев.

*

Но кто он око темноты?
Кто просветил молчание песней?
Зем в восхищеньи ник, но ты
Вторила песнью диких весен,
Ты воспевала сон ночей,

Есть буря в крике: „здравствуй тьма!“
Бабочку прошлого — мы прошлое ранили
Пушкою. Чума —
Тебя мы извозчиком наняли.
Жирных султанш
Мы заперли в дом,
Перед взорами ханж
Пусть сидят нагишом.
Пушкин нам жалок,
Исчезли Баяны,
Протухших русалок
Глаза покаянны.

*

Печальные белые лели
В сих белых снегах околели,
И поют, поют: о, люли!
Хваля долю ли, волю ли.
И качается в ветрах ляля.
Из клюва сочится песнь ли, поля ли?
И в жизном себя мы лили,
И тихо смерть „приди“ молили.
Тихо?

*

Ты была на шумном сборище,
Где смеялись не смеясь.
Уносил я из позорища
Нитей тонких мысли вязь.
И крутился смутный тел вихорь,
И снежным тетеревам мечты
Злой горла вил хорь,
И вознесла тогда меч ты.

И в миг переоценена темь цен,
И с полом скована столбняком,
И плясопераго дятла долбна кол
Осиновый тонул в безнадежном мертвецe.

*

К а з а к

Чьи камни на саблях?
Чья бряцает сабля?
Сквозь древни ворота
Стекает бурно голота,
Ее немы имена
И бурно развеваются знамена.
И эта вечером краса блях,
Право и время
В конских глазах.
[Вечера семя
Сеет
Лоза]
Дней.
К ней,
К ней!
Из мести
Измята
Нега кожи
Веревкой,
Бичевой.
И лучшее
Из блюд —
Несущее
— Люблю!

Ревела молодежь:
Отнимем!
Ответствуют огни им,
Копыт, о пыльный тук,
О как [безнадежен] ты [последний] стук!
Нежное бремя
На конском хребте.
Ее слеза
Пролита.
Она не вздрогнет бровью.
Его рука
Залита ее
Кровью.
О, этот страшный день!
И стук желез,
И беглая людень!
Но кто же снизу лез?
Горит, горит светлица!
Испуганные лица.
Внизу там
Голосом
Разутым
[Заревел отец]
О тех.
И стан ее
Уже
Наг
И та уже
Жена.
[О, стон!]
Святой.
Растлен устой

У той.

О, этот крик, рассказавший все!

*

Равнец! скажи, зачем борель
Была развеяна в ворель?
Из переулков дверей улиц
Толпа вливается на шум:
В каждой женщине Засулич,
В каждом юноше мятун.
Его красив печальный лоб,
Венки зачем надеты злОб?
Тот [с богат]
Смеется смехом злОбача.
Как тело точат черви,
С высот летит трезвон вечерний,
И взоры радостных юнцов
В толпе блестят со всех концов.
Лежал белея головой,
Стоит рыдая половой.
Но, лишь поднимают с мостовой,
Поднял тихий вой.
И прядает ушами лошадь
Свирелью смерть взял Веселоша.

.
Насмешливо стоит ростух
И голод всех сердец пастух.
Исчезла милая нежда,
Настала ярая вражда.

*

Я помню озеро. Бугор.
И как утиный Пифагор

Столб пыли водяной
Скитался по краям.
А взводы уток
Бросались в воды, рассекая
Крылами воды [лишь] оттуда...

*

Я и Саири мы вместе гуляли —
Слова собирая для ласковой Ляли.
Они растут среди мощных дубов
Друзьями черники, друзьями грибов.
Словесными чарами громко чаруясь,
Наполнили мы весь березовый туес.
Меня беспокоит задумчивый сум
И таял в ладонях из озера шум.
Не будь сувора, не будь сурова,
Но будь проста, как вся дуброва.
Саири так изящна и хупава,
Что рядом с ней каждый из города Глупова.
Мокроогненные очи циганча
[Точно море около Сочи
Шелка пролиты с плеча]...

*

Памяти И. В. И[гнатьева]

И на путь меж звезд морозных
Полечу я не с молитвой,
Полечу я мертвый, грозный,
С окровавленной бритвой.

*

Что тот сулил нам мавр заката,
Цыганский табор и шатры,

Те, заряжая пистолеты,
Позади женщины хитры . . .

*

Дм. Селегинскому-Петровскому

Через строй столетий,
По дороге мигов,
На „уру“ и на „авось“
Пронесите Чернигов
И земную ось.
И рассудка выводы,
И друзья Паливоды,
И созвездий гутор,
И вишневый хутор,
И холмы у млына,
И со свайкой мальчика:
В ваянья пальцах —
Все это глина . . .
А на глине, сном означенный,
Ляжет синий чуба дым;
Но и усом не моргнет,
Вдруг сказав: „Я — сабля.
Мщу я вам!“
И чубатым волком вскочит
И очутится под Киевом.

*

Плач Додони

Он пробежал, как белый град,
Перемешал и написал.
Закрыв стекло от сквозняка

И запер мухи крыл слюду.
Она стрекочет их ногой,
Гуляя по свету нагой.

*

Бабочки смерти, бабочки снега
Кружатся в красном ярком огне.
В хоботе слоновьем тоже есть нега,
Если в нем качается укротительница жена.
Один присел, другой ступил на плечи
На трубном хоботе возникнул человек...

П Р И М Е Ч А Н И Я

Неопределенность издательских перспектив и отсутствие значительной части рукописного наследия Хлебникова лишали редакцию возможности предварительно наметить план всего издания. В настоящее время, при наличии издательских возможностей, редакция предполагает издать наследие В. Хлебникова в пяти томах, распределив их следующим образом: I том — „Поэмы“ (издан), II — „Творения 1906 — 16 гг.“, III „Творения 1917 — 22 гг.“, IV — Проза и пьесы, V — Статьи о литературе и языке, письма, заметки, записная книжка и разные статьи.

Настоящее собрание произведений В. Хлебникова не может претендовать и не претендует на исчерпывающую полноту. Сейчас это фактически невозможно.

Вещи Хлебникова настолько разрушают привычное представление о жанрах, что часто нельзя отделить стихов от прозы, стихотворения от поэмы, поэму от пьесы, мелкие вещи часто кажутся кусками, заготовками больших вещей. Эта „беспорядочность“ настолько характерна и важна для Хлебникова, что уничтожение ее какой-либо педантической классификацией было бы неправомерно. Практически однако пришлось избрать компромиссный путь: Редакция принуждена была в силу издательских и технических обстоятельств в первый том выделить большую часть поэм и распределить прозу, стихи и пьесы по разным томам.

Во втором томе „Творений“ Велимира Хлебникова даны стихи первой половины его творчества с 1906 по 1916 гг. — „раннего Хлебникова“; стихи 1917 — 22 гг. будут собраны в третьем томе. Редакция полагает, что распределение стихов на два тома по хронологическому принципу способствует наибольшей цельности и единству этих томов.

Здесь первая половина творчества В. Хлебникова, начиная с самых ранних юношеских опытов 1906 — 09 гг. и примыкающего к нему периода „славянщины“ и „корнетворчества“ — кончая вещами 1914—16 гг., отразившими с исключительной силой эпоху мировой войны („Война в мышеловке“ и мн. др.).

В первоначальном плане предполагаемого издания произведений В. Хлебникова, составленном Р. Якобсоном при участии самого В. Хлебникова в начале 1919 г., намечены были два отдела, из которых второй В. В. назвал „Отделом мелких вещей“, выделив в него большинство мелких и экспериментальных произведений. Но так как список, по свидетельству Р. Якобсона, являлся лишь черновым наброском издательского плана и поэтому случаен и не полон, то следовать ему в условиях пятитомного собрания произведений оказалось невозможным, редакция не считала возможной и „циклизацию“ вещей по жанрам или темам, тем более что Хлебников этого никогда не делал.

В основу распределения материала во II томе был положен принцип периодизации. Вещи располагались сообразно с хронологическими датами творчества В. Хлебникова, но вместе с тем — близость тем и поэтических методов в свою очередь служила иногда признаком для отнесения вещи к тому или иному периоду, конечно сообразно с хронологическими возможностями. Во II томе даны вещи, относящиеся к 1906—16 гг., и наиболее интересное из того неопубликованного рукописного наследия 1906—16 гг., что было в распоряжении редакции при подготовке этого тома. Редакция включила также ряд несомненных „заготовок“, многое из незаконченных вещей, чтобы дать всего Хлебникова, показать его таким, каким он являлся в период футуризма. Вместе с тем редакция не имела возможности поместить значительное количество отрывков и набросков, сохранившихся в черновиках, ограничившись лишь теми, что были напечатаны в ранних сборниках („Творения“, „Требник троих“ и др.) и выбрав из неизданного наиболее характерное.

Текстологические принципы те же, что и в I томе; текстологические указания даны лишь в наиболее сомнительных случаях — при передаче зачеркнутого или условно разобранныго текста.

ПРИМЕЧАНИЯ

Портрет В. Хлебникова работы Б. Григорьева — рисован в 1916 г. в Куоккале у К. И. Чуковского, которому и принадлежит.

Свояси — написана Хлебниковым весной 1919 г., когда предполагалось издание его произведений. „Свояси“ должна была, по мысли Хлебникова, предварять его вещи; и поэтому Редакция сочла наиболее правильным поместить „Свояси“ в начале II тома, охватывающего большинство тех же вещей, что и в предполагаемом собрании 1919 г. Название „Свояси“ было предложено Р. Яковсоном.

1

Первый отдел состоит из стихотворений Велимира Хлебникова, написанных за время 1906—16 гг. Вещи расположены по возможности в хронологическом порядке, который точно установить сейчас невозможно. За редким исключением вещи, печатавшиеся в ранних футуристических сборниках, не датированы, а в то же время в изданиях 1913—16 гг. печатались вещи ранних периодов, о чем говорит и издатель этих сборников Д. Бурлюк. Вместе с тем несомненно, что многие стихи, отнесенные Д. Бурлюком в том „Творений“ 1906—08 гг., написаны были позже. Поэтому Редакция, помещая вещи по возможности в хронологической последовательности, могла лишь весьма приблизительно и по косвенным соображениям определить эту последовательность. Несомненно, что здесь может оказаться ряд неточностей.

1. „Мы желаем звездам тыкать“ — помещено в „Творениях 1906—08 гг.“ Острица (XVII в.), Платов (1751—1818 г.) и Бакланов (1809—1873)—казацьи атаманы, прославившиеся военными подвигами.

2. „Нега-неголь“ датировано 1907 г.; напечатано в сборнике „Изборник“ (Птб. 1914 г.).

3. „Любавица“, 4. „Грезирой из камня немот“, 5. „Боевая“, 6. „Погонщик скота“, 7. „Вы помните о городе“, 8. „Смугол, темен и изящен“, 9. „Осин серебряные бревна“, 10. „Мне видны — Рак и Овен“, 11. „Были вещи слишком сини“ — принадлежат к наиболее ранним вещам В. Хлебникова и были впервые напечатаны в „Творениях 1906—08 гг.“ (М. 1914 г.) и в „Изборнике“ (П. 1914). К стих. „Вы помните о городе“ — примечание „Отрывок“. Речь здесь идет о Москве и боярине Ст. Кучке, владевшем деревнями по Москве-реке. Кучка был убит кн. Юрием Долгоруким за непокорность. Ю. Долгорукий основал тут же город, вначале называвшийся Кучковым, а затем Москвой.

12. „Т р у щ о б ы“ — одно из первых напечатанных стихотворений Хлебникова, помещено было в сб. „Студия импрессионистов“ (М. 1910 г.), но написано повидимому значительно раньше (1906—08 гг.); в „Изборнике“ было перепечатано с примечанием: „Олень, превратившийся в льва, — образ России“.

13. „Заклятие смехом“ — напечатано было в „Студии импрессионистов“ в 1910 г., но написано вероятно раньше; уже в стихах 1906—08 гг. есть вариант „Заклятия смехом“ (см. „Творения 1906—08 гг.“).

ВСЕМИРИ СМЕЮЩИЕСЯ

Сопряжение корней

З а ч а л о

Смейно смейно воссмеемся!

Осмеянственности смея смехи смейные усмея осмеянственность осмея, смея, смея, смея, смея! Осмеянность смейных смехов.

Засмейтесь смейность смея. О, усмейте смех посмея. Смейевно усмей осмей осмиянственность смея, смешики смешики, смехири смехири смехушки, смешанки, смейево смеево. О засмейтесь, смехачи, о рассмейтесь, смехачи. Что смеются смехачи, что смеянствуют смеяльно, о засмейтесь усмеяльно. Смеюны смеюны смеюнчики смеюнчики, смеюшки, смеюнявые, смеюнявые смеюняне, смеюнянки, смеюныши, смеянышки, о рассмейтесь, смехачи, о усмейтесь смехачи. Смею-

ности, смеюнности, смеянности смеянности смеюнчики, смеюшики. Смешунки смеень. Смеянец смеянце осмеятва смеюнность о иссмеяся усмеяльно смех усмейных смехачей. Смеянил смеючик.

О смеянтв смеючий смех, смех усмейных смеячей.

О смеяльностей смеяльных смех рассмейных смехачей.

О смеянствуйте смеянно смех смеяльных Рассмеянтв!..

14. „Бобэоби“, 15. „Крылышка золотописьмом“ („Кузнечик“), 16. „На острове Эзеле“, 17. „Кому сказатеньки“, 18. „Чудовище — жилец вершин“, 19. „С журчанием — свистом“ — напечатаны в „Пощечине общественному вкусу“ — М. 1912 г., но вероятнее всего были написаны значительно раньше, т. к., напр., вариант „Кузнечика“ был уже в черновиках, относимых Д. Бурлюком к 1906—8 гг.:

Кузнечик

Крылышка золотописьмом негчайших жил,

В кузов пуза кузнечик уложил

Много верхушек приречных вер

Тарарапиньпинькнул зинзивер.

О неждарь вечерней зари!

Не ждал... Овари!

О любеди!..

Вер — камыш.

Зинзивер — народн., имя маленькой птички живущей у реки (сообщ. Д. Бурлюком).

20. „Мы чаруемся и чураемся“ — напечатаны в „Изборнике 1907—14 гг.“ (П. 1914 г.).

21. „Перевертень“, 22. „Помирал морень“ — напечатаны в „Садке судей“ II (1913, II), написаны, вероятно, значительно раньше.

23. „Люди, когда они любят“ — напечатано в сборн. „Бух лесиный“ (1913 г.).

24. „Крымское“ — напечатано в сборнике „Садок судей“ II. (Птб. 1913). Судя по теме, скорее всего написано в 1908 г., в связи с пребыванием в Крыму, по манере примыкает к циклу „Крымские стихи“ (см. II отд.). Здесь печатается по рукописи.

Примечания В. В. Хлебникова:

„В ы р е й — юг — куда уносятся осенью птицы.

„Т я н у л и — лакомство.

„С п л ю — небольшая совка, распространенная в южной России.

„Турки нередко бывают белокурими“.

25. „А л ч а к“. Напечатано в „Творениях“ (1914 г.). Написано скорее всего в 1908 г.

А л ч а к — мыс в Крыму. П л е с о — подводное продолжение мыса, отмель.

26. „Л е с н а я д е в а“. Напечатано в „Творениях“ (М. 1914 г.). Написано вероятно в 1907/8 г. Т а р а р у й — болтун, баляжник.

27. „Л ю б о в н и к Ю н о н ы“ напечатано начало (кончая № 17) в сборнике „Дохлая луна“ I изд. М. 1913 г. Окончание (под заголовком „Сын Юноны“) напечатано в „Творениях“. Написано, повидимому, в 1907/8 г.

28. „В н у ч к а М а л у ш и“. Напечатана в сборнике „Дохлая Луна“. М. 1913 г. Одна из ранних поэм Хлебникова; судя по характеру стиха и тематике можно думать, что написана она скорее всего в 1908—10 гг. „Внучка Малуши“ тесно связана с такими вещами, как „Училица“, „Снезিনি“ (1906 г.); скорее всего, может быть, следует приурочить ее к переезду В. В. Хлебникова в Петербург в 1908 г.

В н у ч к а М а л у ш и, т. е. дочь кн. Владимира.

М а л у ш а — мать киевского кн. Владимира (княжение 981—1015 гг.), бывшая ключницей при Ольге. „У Святослава 3-й сын Владимир от ключницы Ольгиной именем Малуши, дочери любчанина Малька, новгородца...“ („Ист. Гос. Росс.“ Н. Карамзина).

С в а р о г — верховное божество, божество неба славянской мифологии.

Б е л у н, Б е л б о г — божество света и добра у западных славян.

С т р и б о ж и ч — сын бога ветра.

С м е р д и ч — сын смерда, холоп.

Р о б и ч и ч — сын рабы.

Х о з а р с к и й х а н — хозары, козары, народ тюркского племени, живший в низовьях Дона и Волги. Главным городом хозар-

ского царства был Итиль. Господствующей религией у ховар была иудейская. Главой государства был хан, называемый каганом.

Т а б и т и — скифская богиня.

Б е р е ж н и — вилы — духи славянской мифологии.

В е й д а в у т — богатырь, волхв, мудрец литовской мифологии.

Н а в — мертвец.

Н а в ь е — страна мертвецов.

В а й я — пальмовая ветвь.

М о р а н а — богиня смерти славянской мифологии.

Л а д а — богиня весны славянской мифологии.

29. „В а м“ — напечатано в сборнике „Часы“ I. Пт. 1922 г. Написано 16/IX — 1909 г. „В а м“ обращено к М. А. Кузмину, которого В. Хлебников в 1908—09 гг. в письмах называл своим учителем.

Г у н и б — горный аул, где был взят в плен Шамиль.

„Записки кушетки“ („Кушетка тети Сони“), „Нежный Иосиф“, „Подвиги Александра,“ — названия рассказов М. Кузмина (во II томе рассказов), „Искандр“ — Александр Македонский.

30. „П е т е р б у р г с к и й А п о л л о н“. Напечатано в сборн. „Затычка“ (Херсон, 1914 г.), в подзаголовке указано: „Отрывок“. Написано В. В. скорее всего в 1909/10 г. после разрыва с кружком „Аполлона“. В „Петербургском Аполлоне“ осмеивается группа писателей, критиков и художников, объединившихся вокруг журнала „Аполлон“, выходившего с 1909 г. Из писем В. В. видно, что он в первый год своего пребывания в Петербурге, в 1908/9 г. был близок с этой группой и участвовал в „Академии Стиха“, возглавлявшейся Н. Гумилевым и М. Кузминым; в особенности близок был с последним.

Повидимому эта „сатира“ является своего рода теоретическим памфлетом Хлебникова, написанным в ответ на позицию поэтов, сгруппировавшихся вокруг „Аполлона“ и В. Иванова.

Основное место в сатире занимает отрицание принципов французского символизма (Верлена) и противопоставление им — народного творчества (Баяна).

Для понимания „Петерб. Аполлона“ необходимо иметь в виду ряд литературно-бытовых намеков. Давид Бурлюк сообщает по поводу „Петербургского Аполлона“ следующее: „Среди

его (т. е. Хлебникова) рукописей было несколько дневников. Один из таких (отрывков) дневников (в стихах) напечатан в „Затычке“. „Из теста помещичьего изваянный Зевес“ — писано о Максе Волошине. „Похотливо тянут гроб Верлена“ — заседание символистов у Вячеслава Иванова“. („О рукописях Хлебникова“).

Повидимому о В. Иванове говорится и несколько выше.

31. „Отчет о заседании Кикапурно-Художественного Кр у ж к а“ — напечатан в сборн. „Трое“ (1913 г.). Так же как и „Петерб. Аполлон“, „Отчет о заседании Кикапурно-Художественного Кр у ж к а“ — пародийный памфлет, направленный, по словам А. Крученых, против Литературно-художественного кружка и Игоря Северянина. Написан он повидимому несколько позже „Петерб. Аполлона“.

„Дадут плащ короля“ — вероятно намек на излюбленный Северяниным титул „короля поэтов“.

32. „П а м я т н и к“ — напечатан в сборнике „Пощечина“ (М. 1912 г.); в тексте сделаны были цензурой многочисленные пропуски. Здесь текст печатается полностью, восстановленный, по рукописному списку, принадлежащему Б. К. Лившицу, и сделанному в конце 1911 г. „Памятник“ написан скорее всего в 1909/10 г. Речь идет о памятнике Александру III, на бывшей Знаменской площади, скульптора Трубецкого.

33. „О Достоевский — мо бегущей тучи“.

34. „Стрелок, чей стан был узок“, 35. „Из песен гайдамаков“ — помещены были в литографированном сб. „Мир с конца“ (1913 г.).

К и г и т к а — чайка.

36. „Зеленый леший“ — вариант был напечатан в сб. „Бух лесиный“ (1913). Здесь печатается по более полному рукописному варианту.

37. „Закон качелей велит“, 38. „Сон то сосед снега весной“, 40. „Мрачное“ — напечатаны в „Изборнике“ (вещи 1907—14 гг.).

39. „Когда рога оленя поднимаются над зеленью“, 43. „Па-люди“, 46. „Мои глаза бредут как осень“, — напечатаны в сб. „Молоко кобылиц“ (М. 1914 г.), но принадлежат вероятнее всего к более раннему периоду.

41. „Когда умирают кони, дышат“, 42. „Числа“, 44. „Черный любирь“, 45. „Опыт жеманного“, 47. „В руках забытое письмо коснело“—были помещены в „Дохлой Луне“ (I-ое изд. 1913 г.); часть их была перепечатана в „Изборнике“ и здесь дана по тексту „Изборника“, „проверенному самим речярем“, как указывалось в предисловии.

48. „Т а к к а к“ — напечатано в сборнике „Дохлая Луна“ 1 изд. (М. 1913 г.). Повидимому, печаталась с рукописи и есть неразобранные места (пропуски).

49. „З м е и п о е з д а“ — напечатано в „Пощечине“ (М. 1912 г.) Написано в 1910 г. в Алферове, судя по дате, выставленной в эпиграфе.

50. „Г о н и м ы й к е м — п о ч е м я з н а ю“, — напечатано в сборнике „Пощечина“ (М. 1912 г.) под заглавием „Конь Пржевальского“; по словам Р. Якобсона, название было приписано редактором — Д. Бурлюком. Повидимому, вещь незаконченная. Написано вероятно в 1909—11 гг.

51. „А л ф е р о в о“ — напечатано в сборнике „Молоко кобылиц“ (М. 1914 г.); написано скорее всего в 1910/11 г.

52. „С е м е р о“ — напечатано в „Дохлой Луне“ (М. 1913 г. в 1 и 2 изд.). Написано вероятно в 1911/12 г. (на что указывает имя „Гилея“, которым назывались футуристы (группы, возглавляемой Д. Бурлюком). Гилея — страна, где совершал свои подвиги Геркулес (Крым, в мифологии греков). „Гилеей“ назвала себя группа футуристов в 1911 г., собравшаяся около Херсона, в Маячках, у Бурлюков.

53. „И г р а в а д у“ — написана Хлебниковым, по словам А. Крученых, при его участии в 1912 г. „Игра в аду“ издавалась дважды — в 1912 и 13 гг. (литографированными книжками). Первое издание значительно короче; во втором изменен порядок строф, и число стихов на 113 больше. Вот что пишет о ее „творческой истории“ А. Крученых: „Игра в аду“ писалась так: у меня уже было сделано строк 40 — 50, которыми заинтересовался Хлебников, и стал приписывать к ним преимущественно в середину, новые строфы. Потом мы вместе просмотрели и сделали несколько заключительных поправок“ (А. Крученых „15 лет русского футуризма“, М. 1928 г.). Поэма печатается по 2-му изданию, согласно заверению А. Крученых,

наиболее полному: „Я сам не могу решить: печатать „Игру“ [по] I или II изд.: Лучше все же II, п. ч. оно длиннее; таким образом больше дадите В. Хлебникова. Варианты можно в текст и не вставлять. Кто что писал — думаю, что это очень путанно. И все указывать очень сложно и не к чему“¹.

Варианты Хлебникова, как опубликованные, так и неопубликованные, привожу здесь, так как точно определить их место в поэме затруднительно.

Не вошедшие варианты.²

П л а н.

Ад. Игра в карты. Любовь. Воспоминания
грешников и бесов.

И спокойный председатель
С непристойным подобьем жезла,
Сердце задумчивый читатель,
Взирал на углы золотого узла.

В духоте, в глубоких сводах,
Суеверны и грустны,
О земных поют свободах
Дети праха и весны.

Звезды белые суровые
[Украсили] плетень золотой волос.

Был нос — слезливый узелок,
А руки тонки и худы,
Дрожал в ногтях ее мелок,
Шептали счастья зады.

Везут на Блерио Иуду,
Затем что деньги промотал,
Его божба: „Пустите, милые, не буду,
Никто из наших не летал.

¹ Из письма А. Крученых.

² План и варианты, находящиеся у Крученых и стеклографированные им. в „Неизданном Хлебникова“.

Пустите, дети, отстранитесь,
Ведь я не очень смел и храбр,
Я не полковник и не витязь,
Я [брадобрея сын, повинства] раб^а.

На стол отважно навалясь,
Колоду вспухшую теребит,
А на лице — могилы грязь,
Хотя запел спросонья лебедь.

Черных дверцей мрачная печка
Зеленый грязен столб,
Уста гневны, но нет, осечка.
На лавке груда толп...

Чернеет палка, черенеет инок,
Светлеет зеркало сорочки,
Из трех чернеющих косынок
Надменный клюв хвостатой кочки.

Тот за стекла перегородкой
Видит мучения милой,
Но, скованный цепью короткой,
Он празден восстания силой.

О, лязг и ртов грызня,
Наполнен злобою ушат,
О, беспокойная возня
За старым камнем двух мышат.

Они ли цепь перегрызут,
От них ли весть: „Иди, ты волен“.
Иди туда, куда зовут
Тебя зов воли колоколен“.

I

Как наги, наги. Вы пухлес,¹
Чем серебристый цветик ив,
И их мечтательно лелея.
Склонился в кладбище прорыв.

II

Он машет лапкою лягушьей,
Зубастый ящик отворив,
Соседу крикнул он: „Послушай,
Концом хвоста по что ревнив“.

III

Здесь месяц радости сверкал
Нога бела, нога светла.
К полетам навик и закал
И деревянная метла.

IV

Она стакан воды пила,
Разбросав по полу косу,
И заржавевшая пила
Как спотыкач брела в лесу,
Грызя каленые орехи,
Хвосты бросая на восток,
Иль бросив вдруг среди потехи
На стены медный кипяток.
И, в муках скорчившись, мошенник
Спросил у чорта: „Плохо, брат?“
Ответил тот: „Молчи, затейник“.
Толкнул соседа: „Виноват“...

54. „Бунт Жаб“ написан, по свидетельству А. Крученых, при его участии в 1913/14 г. Опубликовано А. Крученых в стеклографированном выпуске № 12 „Неизданного Хлебникова“ в 1929 г. В предисловии Крученых пишет: „Бунт Жаб“ — набросок поэмы, которая писалась в 1913/14 г. В. Хлебниковым вместе со мною и оставлена незаконченной. Печатаемое здесь — на $\frac{3}{4}$ написано В. Хлебниковым. Что именно им, а что мною —

¹ Варианты из „15 лет футуризма“ А. Крученых М. 1928 г.

я уже позабыл. набросок мало разработанный и потому должен быть отнесен к „черновикам“. Здесь поэма печатается без приведенных А. Крученых вариантов отдельных слов и строк.

55. „Д е т и В ы д р ы“ — напечатаны в сборнике „Рыкающий Парнас“ (М. 1913 г.), арестованном за рисунки Филонова сразу же по напечатаньи и почти не поступившем в продажу. Судя по тому, что в „Свояси“ В. Хлебников говорит, что „Дети Выдры“ писались больше года, можно думать, что он работал над ними в 1910 — 12 гг. По свидетельству издателя М. В. Матюшина, „Дети Выдры“ были помещены не полностью; некоторые части не вошли. Печатаются здесь „Дети Выдры“ с некоторыми графическими изменениями: так, большая часть „Паруса 3“ (от стиха „Как все от руссов убегая . . .“) написана „сдвоенным стихом“, и Редакция здесь разбила каждую строку на две (руководствуясь теми же соображениями, что и при разбивке „Вилы и леший“, правильность которой позже подтвердилась найденными фрагментами рукописи). Так же разбит и „Парус 5“ (до 2 главы). Определенных сведений о судьбе рукописи Редакции получить не удалось, поэтому „Дети Выдры“ печатаются по тексту „Рыкающего Парнаса“.

„Дети Выдры“ — большое эпическое произведение В. Хлебникова: здесь он собрал ряд, в значительной мере самостоятельных, вещей — „Парусов“, объединенных общностью основной идеи — связь России и Азии. Мысль об азиатских связях славянской культуры, взаимоотношение славянства и азиатских народов послужила основной канвой его эпоса.

В „Свояси“ В. Хлебников дал краткое пояснение этой вещи, объясняющее огромный масштаб захваченных им эпох и событий, объединенных общностью философского замысла:

„В „Детях Выдры“ я взял струны Азии, ее смуглое чугунное крыло и, давая разные судьбы двоих на протяжении веков, я, опираясь на древнейшие в мире предания орочей об огненном состоянии земли, заставил Сына Выдры с копьем броситься на солнце и уничтожить два из трех солнц — красное и черное.

„Итак, Восток дает чугунность крыл Сына Выдры, а Запад — золотую липовость.

„Отдельные паруса создают сложную постройку, рассказывают о Волге как о реке индоруссов и используют Персию

как угол русской и македонской прямых. Сказания орочей, древнего Амурского племени, поразили меня, и я задумал построить общеазиатское сознание в песнях“.

Ко 2 парусу.

Боскович — математик и астроном (1711—1787 гг.).

Мирмидоняннин — Ахилл — вождь мирмидонян, древнегреческого племени в Фессалии, — главный герой троянской войны (см. Илиаду).

Бризеида — имя возлюбленной Ахилла, который убил ее мужа и братьев. Она досталась ему при разделе добычи (см. „Илиаду“). Кризь — жрец, отец Бризеиды.

„Андрa мой еннепе муза“ — начало „Одиссеи“ Гомера:

К 3 парусу.

Обилие исторических намеков — в особенности в 3 Парусе — делает необходимым исторический комментарий.

Хлебников использовал в 3 Парусе материал о походах варяжских и славянских дружин, Руссов — по Волге, историю их набегов на волжских Булгар, Хозар и страну Бердаи на Каспийском море. Исторический материал, использованный им в 3 Парусе, взят в значительной мере из книги В. Григорьева „Россия и Азия“ (П. 1877 г.), в частности из статьи его „О древних походах Руссов на Восток“. Григорьев и ряд других историков, говоря о походах Руссов на побережье Каспийского моря в страну Бердаи, приводят показания арабских историков Ибн-Фадлана и Массуди, имена которых В. Хлебников, вероятно, неправильно передает — как Иблана и Мессакуди. Из них Ибн-Фадлан путешествовал по Булгарии в 921/22 гг. При описании сражения между Руссами и войском Бердаи использована песнь из „Искандер-Намэ“ персидского поэта Низами, в сокращении приведенная у В. Григорьева.

Низами — один из известнейших персидских поэтов (1141 — 1203), написавший эпический роман „Искандер-Намэ“, заключающий в себе описание разных подвигов Александра Македонского. Низами увенчивает все подвиги Александра победой над Руссами. Считаю уместным привести здесь вкратце содержание этой части, так как она служит комментарием к поэме Хлебникова:

Песнь эта называется „Описание похода победоносного Александра для освобождения Бердаи и сражения Руссов“. Александр, пресыщенный победами, занимается устройством своих владений и намеревается возвратиться на родину, как вдруг получает известие о вторжении Руссов. Дювали, предводитель Абхазов (Низами называет Абхазами не жителей нынешней Абхазии, а народ, населявший земли Дагестана и Ширвана — известный древним под именем Албанцев. — Прим. Григорьева), говорит Александру: „Отмсти, великий государь, отмсти Руссам за их притеснения: они похитили с брачных постелей юных дев Абхазии и разграбили все богатства цветущей земли нашей. Браннолюбивые Руссы, явсья из земель Греков и Алонов, напали на нее ночью, как град. Не успев пробить себе дороги через Дербент и его окрестности, они, сев на корабли, устремились в море и произвели бесчисленные опустошения. Проклятый народ этот разорил все государство Бердаи, расхитил сей город, исполненный сокровищ, и увлек в плен Нушабэ (так называлась царица Бердаи, у которой прежде пировал Александр. В. Гр.); Руссы похитили всех красавиц наших, разрушили города, предали пламени села и деревни. Если ты не отомстишь за нас, то скоро увидишь, что они разнесут ужас опустошений своих по Греции и Армении“. Александр, тронутый сею речью, клянется отомстить Руссам и отправляется против них в поход. Узнав об этом, Кинтал, предводитель Руссов, собирает огромное войско из Пертасов Аланов, Хозаров и Руссов...“

На другой день после встречи происходит сражение. „Крики воинов, блеск оружия, ржание коней были столь ужасны, что, по словам Низами, сам премудрый Платон, взглянув на Руссов, со страху бежал бы. В первом сражении отличаются силой и храбростью богатырь петрасский и молодой князь индийский; во втором — всадник из Ирана и один румяный и голубоглазый Русс, который убит Зеривендом из Мазандерана. Этот Зеривенд поражает всех без милосердия, так что сам Кинтал принужден выступить с ним в битву. Наконец Зеривенд пал, и второй бой кончился. Таким образом происходит семь битв... Наконец Александр сам устремляется на Руссов и после кровопролитного боя одерживает над ними победу. После победы

Александр освободил из плена Нушабэ и, отпустив в отечество взятого в плен Кинтала, принялся праздновать и веселиться“.

Походы руссов-варягов (норманов), славян (новгородских ушкуйников) совершались в IX—X вв. по Волге на восток, по дороге к Персии и Индии. Это столкновение славяно-варяжского мира с восточным происходило в местах, хранящих память о походах Александра Македонского.

Булгар — главный город древнего Булгарского государства, „Великий город“, на Волге, около нынешнего Саратова. Основан, возможно, Александром Македонским в IV в. до н. эры — здесь проходил путь в Индию.

Искандер-Намэ — сказания, сложенные на Востоке об Александре Македонском и его походе.

Бердаи — название страны и древнего большого торгового города — столицы Бердаи — в нынешнем Карабахе, на берегу Каспийского моря. В V в. армяне завоевали его, в 704 г. возобновлен арабами и в 944 г. разграблен Руссами.

Яс — ясы поволжские племена, боровшиеся с Руссами на стороне Хозар.

Ругилы — народ, живший в северной Германии по побережью, примкнул к готам и поселился на среднем Дунае.

Венды — общее название, которое германцы давали в прежние времена жившим в их соседстве славянским племенам (славяне и венды, по Ломоносову, древние сарматы).

Нушабэ } См. приведенный выше отрывок из „Искан-
Зоревенд } дер-намэ“ Низами.

Кереметь — киреметь кепе — дух, управляющий судьбами человеческого рода; богиня древних болгар, а ныне чувашей (дух зла).

К 4 парусу.

„Смерть Паливоды“. Рассказ о запорожской Сечи, первоначально построенной на Чертомлычке, на днепровских островах, в древней Гилее. Судя по упоминанию „Нечосы“, т. е. Г. Потемкина (прозванного так запорожцами за парик в то время еще, когда он записался в войско запорожское), и „неньки“ (т. е. Екатерины II), действие происходит на самом закате Сечи в екатерининскую эпоху (в конце XVIII в.).

Хлебников использовал историю Сечи, украинские предания, думы и песни. В частности, слова „Пугу, братцы, пугу“ и пр. взяты из „Рассказа запорожца Коржа“, рассказывающего о том, что „когда казак, путешествуя в степи, заезжал по дороге в какой-нибудь зимовник, то, въехав на двор и не сходя еще с лошади, кричал: „пугу! пугу!“ На то хозяин спрашивал в окно: „пугу? пугу?“ Гость немедленно отвечал: „Козак с лугу“. Или в песне:

„Пугу, братцы, пугу!
— Пугу запорожцы!
— Стоит казак с лугу“.

К 5 парусу.

„О день и динь и дзень.

О ночь, нуочь и ничь“.

Слова „день“ и „ночь“ на славянских языках — украинском и белорусском.

П о р о с — олицетворение излишества (греческая мифология).

В монологе утеса рассказывается греческий миф о Прометее, похитившем у титанов огонь, прикованном за это к скале на Кавказе и терзаемом орлами, выклевывавшими у него печень.

К 6 парусу.

Г а н н и б а л — знаменитый карфагенский герой и полководец (III в. до нашей эры).

С ц и п и о н А ф р и к а н с к и й — римский полководец — победитель Ганнибала и карфагенян во время пунической войны.

С в я т о с л а в — киевский князь (X в.), воевавший с греками, убитый и обезглавленный на днепровских порогах Печенегами. Он, по летописи, всегда предупреждал врагов, сообщая им: „Иду на вы“.

С а м к о — полковник переяславского казацкого полка, долго добивавшийся гетманства в эпоху смут после смерти Богдана Хмельницкого. Был избран гетманом (1660 г.), но, принеся присягу Москве, он перешел на сторону поляков и был обезглавлен в 1663 г.

В о л ы н с к и й, Арт. Петр. (1689/1740) — министр и государственный деятель при Анне Иоанновне, — боролся с Бироном и немецким влиянием и был обезглавлен.

56. „Мудрость в силке“ — напечатана дважды в „Рыкающем Парнасе“ (1913 г.) и в „1-ом Журнале футуристов“ (1914 г.).

57. „Что было — в нашем тонет“ — печатается впервые по рукописи 1912—14 гг., хранившейся у М. В. Матюшина.

58. „Призраки“ — печатается впервые по рукописи 1912—14 гг., находившейся у М. В. Матюшина; стихотворение это не окончательно отделано, хотя имеются два-три черновых варианта. Любопытно, что „Призраки“ очень схожи с поздней вещью „Сестры молнии“ (1921 г., не издано).

59. „Война — смерть“ — напечатана в 3 выпуске „Союза Молодежи“ за март 1913 г.

60. „Шабаш“ — напечатано в „Изборнике 1907—14 гг.“, написано, вероятно, около 1912—13 гг. Букву А расшифровать не удалось.

61. „Мавка“ — напечатана в „Изборнике“ (Птр. 1914 г.), написана скорей всего около 1912—13 гг.

Отрывок „Полна соблазна и бела“ — напечатан отдельно, представляет собой может быть самостоятельное стихотворение.
М а в а, м а в к а — ведьма.

62. „Перуну“ — напечатано в литографированном приложении к „Изборнику“ (Пт. 1914 г.): „Деревянные Идолы“; написано не позже 1914 г.

Ц у с и м а — место гибели русского флота во время русско-японской войны в 1905 г.

М и я л — миновал

Р е н ь — отмель, низкий берег (древнерусск.)

Я ч а н ь е — жалобный стон лебедей

Р о г н е д а — одна из жен киевского князя Владимира, уничтожившего язычество; княжна полоцкая.

63. „Ночь в Галиции“. В стихотворении „Ночь в Галиции“, написанном не позже 1914 г. (напечатано в литограф. приложении к „Изборнику“ 1914 г.) использованы ведьмовские песни и заклинания, помещенные в старой книге И. Сахарова („Сказания русского народа“ СПб. 1836 г.). Таким образом, то, что считалось заумью самого Хлебникова, здесь оказывается использованием фольклорной зауми. Привожу выдержки из Сахарова: „Песня ведьм на Лысой горе. „Нет почти

никакой возможности постигнуть смысл этих слов. Это какая-то смесь разнородных звуков языка, никому неизвестного и, может быть, никогда небывалого:

Кумара

Них, них, запалам, бада.

Эшохомо, лаваса, шиббода.

Кумара

А . а . а . — о . о . о . — і . і . і . — э . э . э . — у . у . у . —
е . е . е .

Ла, ла, соб, лі, лі, соб, лу, лу, соб.

Жунжан

Вихода, ксара, гуютун, гуютун. и т. д.

Чародейская песня русалок.

.....

іо, іа, — о — іо, іа, цок, іо, іа, .

паццо! іо, іа, пипаццо!

Зоокатема, зоосуома, никам, нисам, шолда.

Пац, пац, пац, пац, пац, пац, пац, пац!

Пинцо, пинцо, пинцо, дынза.

Шоно, чикодам, викгаза, мейда.

Боуопо, хондырямо, боупо, гальпи.

Руахадо, рысадо, рысадо, залемо.

іо, іа, о, іо, іа, цок. іо не цок, іо іа цок“.

64. „Мав а Г а л и ц и й с к а я — напечатана в „Изборнике“ (1914 г.), датирована 1914 г. Напечатана она в виде двух отдельных стихотворений, из которых второе начинается с напечатанной в скобках строки-ремарки („Хвост мавки-ведьмы превратился в улицу“) и со слов... „а сзади была мостовая“. Можно скорей всего предположить, что это фрагменты из незаконченной или ненапечатанной вещи большего размера.

Ш у г а й — пугало.

Е л е н ь — олень

65. „Н и х р у п к и е т е н и Я п о н и и“ — напечатано в сб. „Московские мастера“ (М. 1916 г.).

66. „Сельская очарованность“ — напечатана, возможно не полностью, в сборниках „Стрелец“ №№ 1 и 2. Петр. 1915 и 16 гг. Написана вероятно в 1914/15 гг.

Соловей — соловеть.

67. — „В лесу“ — напечатано в сб. „4 птицы“ М. 1916 г. написано вероятно в 1914/15 гг.

Пи ж ма — дикая рябина.

К а л у ж н и ц а — растение (желтоголовник).

Р о г в о л о д — князь полоцкий (IX в.).

Ж о с т ь — бирючина

Д е р е з а — растение чапыжник,

М о л о д и к а — заячья капуста.

68. „Черный царь плясал перед народом“, 69. „Где в липы одетый ходак“, 70. „Смугла, черна дочь храма“, 71. „Усадьба ночью — Чингисхан“, 72. „Пен пан“, 73. „Тихий дух от яблонь веет“, 74. „В холопий город парустянет“, 75. „Написанное перед войной“, 76. „Смерть в озере“, 77. „Бог XX века“ — напечатаны в сб. „4 птицы“ (М. 1916 г.); многие из них вероятно написаны значительно раньше, что подтверждается хотя бы заголовком „Написанное перед войной“ (т. е. до 1914 г.). Некоторые из этих стихов напечатаны с заглавиями, скорее всего придуманными редакцией сборника: так, „Черный царь плясал перед народом“ — „Лучизм. Число I“, „Усадьба ночью — Чингисхан“ — „Звучизм 3“.

Н а с а д — речное судно, лодка (стар.)

Р а й н а — рея (стар.) У ж и — веревки, снасть (стар.)

У к о т ь — якорь (стар.) К о к о р а — бревно с корневищем. П а у з о к — мелководное судно (стар.). Б е л я н а — сплавное судно. Г а з д р у б а л — карфагенский полководец III в. до н. эры).

78. „Тризна“ — напечатано в „Неизданном Хлебникове“, написано вероятно в 1914/15 г.

79. „Рассказ об ошибке“ — печатается по рукописи, находящейся у А. Крученых. Судя по старому правописанию и теме („рука холодного тевгона“), написан во время войны в 1914/15 гг. Заглавие „Рассказ об ошибке“ неясно; возможно, что данные стихи — лишь отрывок из большой вещи.

Речь здесь идет о крестовых походах (главным образом о третьем). В середине рукописи стоит 1187 г. (год взятия Саладином Иерусалима), а в конце — 1147 г. (рядом со стихом „Лишь Нурэддинова секира“). 1147 г. — год второго крестового похода. 1187 г. — начало третьего крестового похода, предпринятого под предводительством Фридриха Барбароссы (1152—1190 гг.).

С а л а д и н — султан, мусульманский герой 3 крестового похода (1187/93 гг.), преемник Нурэддина, захвативший Иерусалим.

М о н м у т — английское герцогство.

О т р а н т о — город в Италии.

А л ь б и о н — название, данное древними греками Англии.

Н у р э д д и н — турецкий султан, взявший Эдессу в 1146 г.

Объясняют это стихотворение указания, данные в книге Хлебникова „Время мера мира“ (1916), где он говорит о сходстве числовых периодов между морскими боями, начиная с крестовых походов. Там приведены следующие даты:

1146 год (завоевание Нуреддином Эдессы) = 9 сентября (потопление Виддиненом Хога, Кресси, Абукира),

1187 год (завоевание Саладином Иерусалима) = 19 октября бой в Чили (Годгон, Монмут, Отранто).

80. „Признание“, 81. „Бегство от себя“, 82. Ласок груди — напечатаны в сб. „Ошибка смерти“ (1917 г.); написаны во всяком случае не позже 1916 г.

83. „Курган“ — напечатан в „России“ 1924 г. Время написания неизвестно.

84. „Сегодня строгою боярыней“ — напечатано в „Северном Изборнике“ (1917 г.). В сборнике „Стихи“ датировано 1915 г.

85. „К А...“, и 86. „Я“ — извлечены из рукописей, относящихся скорее всего к 1916 г. Вещи эти написаны крайне неразборчиво и возможно, что не закончены; этим объясняется наличие неразобранных мест.

87. „Бех“ — напечатано в „Записной книжке Хлебникова“ М. 1924 г.).

88. „Война в мышеловке“. — Печатается по рукописи Хлебникова. На рукописи имеется пометка В. Хлебникова: „Соединены стихи, помещенные в Центрифуге 2, 4 Птицы, Пета, Без

муз, Взят, Временник, Очарованный Странник, Ошибка смерти, Красный воин, День свободы“. Этим самым устанавливается время написания: 1915—17 гг. В начале 1919 г. она была уже закончена, собрана и передана Р. О. Якобсону (поэтому неверна датировка В. Силлова, написавшего в предисловии к стеклографированному выпуску „Неизд. Хлебн.“ № 5, что „написана она, повидимому, в 18—20 году“. Большинство сборников, в которых помещены стихи, вошедшие затем в „Войну в мышеловке“, были изданы в 1916/17 г. („Центрифуга“ М. 1916 г., „4 Птицы“ М. 1916, „Пета“ М. 1916 г., „Взят“ Птб. 1916 г., „Временник“ 1917 г., „Ошибка смерти“ 1917 г., „Без муз“ 1918г.¹ При объединении этих антивоенных стихов в „Войну в мышеловке“ Хлебников их значительно изменил, переделал и добавил новые, непечатанные, части поэмы. Принцип объединения первоначально самостоятельных вещей вообще часто применялся Хлебниковым, Здесь текст печатается по рукописи.

Брянские и манташевские заводские и нефтяные акции во время войны.

Чартомлык — на Днепре, месторасположение Сечи.

Дедер — нечистый, дьявол.

Веле — древне-русское восклицание.

Зины — глаза

Жемжурка — бойкая, вертлявая женщина (Даль).

Жалейка — дудка, сопелка.

Ян Собеский — польский король, избран был в 1676 г.

Лебедней — звался степной край между Доном и Волгой.

2

Во втором отделе помещены незаконченные наброски, заготовки и мелкие стихи, извлеченные из черновигов Хлебникова его друзьями в первые годы футуризма или уже теперь. Большинство помещенных здесь вещей ранее были напечатаны в сборниках: „Творения 1906—08 гг.“ (М. 1914 г.), и „Требник Трех“ (1913 г.). Почти все остальные печатаются по рукописи; частью опубликованы были А. Крученых в стекло-

¹ Следовательно, написаны они были почти все в 1915/16 г.

графированных выпусках „Неизданного Хлебникова“, частью впервые опубликовываются по черновым тетрадам 1909 — 12 гг., остальные из „Пощечины“, „Бука лесного“, „Молока кобылиц“ и других сборников 1912—16 гг.

Поправки в I томе „Поэм“ Хлебникова

Стр.	Строка	Напечатано:	Надо читать:
9	12	снизу	Маяковский
34	9, 18	снизу	„Красная Новь“ № 4(8), 1923 г.
88	6	сверху	Те могу ли?
89	17	снизу	Дева женная,
85	9	„	Сердцу пламени надзвездного.
93	13	„	Узнает вас живым и во храме.
234	12	сверху	Крига темнеет

Кроме того в биографических сведениях на стр. 7, 15 строка снизу, следует указать, что отец В. В. Хлебникова — Вл. Ал. Хлебников был попечителем камысского народа, а на стр. 325, 2 строка снизу, в примечании к поэме „Синие оковы“ ошибочно указано, что Н. Асеев был в Владивостоке с двумя сестрами Синяковыми, был он там лишь с своей женой О. Синяковой.

СОДЕРЖАНИЕ

Свояси 7

1

1. Мы желаем звездам тыкать	15
2. Нега-неголь	16
3. Любавица	19
4. Резирой из камня немот	21
5. Боевая	23
6. Погонщик скота, сожраный им	24
7. Вы помните о городе, обиженном в чуде	26
8. Смугол, темен и изящен	28
9. Осин серебряные бревна	29
10. Мне видны — Рак, Овен	30
11. Были вещи слишком сини	31
12. Трущобы	34
13. Заклятие смехом	35
14. Бобвоби	36
15. Крылышка золотописьмом	37
16. На острове Эзеле	38
17. Кому сказатеньки	39
18. Чудовище жилец вершин	40
19. С журчанием — свистом	41
20. Мы чаруемся и чураемся	42
21. Перевертень	43
22. Помирал морень, моримый морицей	44
23. Люди, когда они любят	45
24. Крымское	46
25. Алчак	50
26. Лесная дева	54
27. Любовник Юоны	59
28. Внучка Малуши	63
29. Вам.	77
30. Петербургский „Аполлон“	80

31. Отчет о заседании	83
32. Памятник	85
33. О, Достоевский — мо бегущей тучи	89
34. Стрелок, чей стан был узок	90
35. Из песен гайдамаков	91
36. Зеленый леший, бух лесиный	92
37. Сон то сосед снега весной	93
38. Закон качелей велит	94
39. Когда рога оленя поднимаются над зеленью	95
40. Мрачное	96
41. Когда умирают кони, дышат	97
42. Числа	98
43. Па-люди	99
44. Черный любирь	100
45. Опыт жеманного	101
46. Мои глаза бредут как осень	102
47. В руках забытое письмо космело	103
48. Так как	104
49. Змеи поезда. Бегство	106
50. Гонимый кем—почем я знаю	111
51. Алферово	114
52. Семеро	116
53. Игра в аду	119
54. Бунт жаб	136
55. Дети Выдры	142
1. Парус	—
2. Парус	146
3. Парус	148
4. Парус „Смерть Паливоды“	153
5. Парус „Путешествие на пароходе“	158
6. Парус	172
56. Мудрость в силке	180
57. Что было—в нашем тонет	181
58. Призраки	184
59. Война—смерть	187
60. Шабаш	193
61. Мавка	196
62. Перуну	198

63. Ночь в Галиции	200
64. Мава Галицийская	203
65. Ни хрупкие тени Японии	205
66. Сельская очарованность	206
67. В лесу	211
68. Где в липы одетый узорный ходак	213
69. Черный царь плясал перед народом	214
70. Смугла, черна дочь Хрома	215
71. Усадьба ночью Чингисхан	217
72. Пен пан	218
73. Тихий дух от яблонь веет	219
74. В холопий город парус тянет	220
75. Написанное до войны	222
76. Смерть в озере	224
77. Бог XX века	226
78. Тривна	229
79. Рассказ об ошибке	231
80. Признание	233
81. Бегство от себя	234
82. Ласок груди среди травы	236
83. Курган	237
84. Сегодня строгою боярыней Бориса Годунова	238
85. К А...	239
86. Я	241
87. Бех	243
88. Война в мышеловке	244

2

89. Инири	261
90. Сюда лиска прибежала	—
91. Временель	—
92. Небистели, небистели	262
93. Единотствуя в скачечной паре	—
94. Поэт	—
95. Вон черная роща и жертвенный камень	263
96. Морок. Ярокий. Тъмич облачич.	—

97. Мировик	263
98. Неумь, разумь и безумь...	264
99. Поручейное	—
100. Жарбог, Жарбог	—
101. Я печелшна негута, смеявистая смеявица	265
102. Боготекум	—
103. Чад-птица	266
104. О мир, мой добрый дядька	—
105. В душу холодную как лед	267
106. Есть девушка с прическою	—
107. И чиря чирков по челу озера	—
108. Пусть древо водоносное	—
109. Старуха-веруха за тайной сидит	268
110. Смеянство древних зорь	—
111. Лунный свет и белая ограда	—
112. Гульба двух бурь, двух зорь	269
113. Я небичь бледный	—
114. Гробатая явь	—
115. Червядь	270
116. Игралие	—
117. Огнивом сечивом высек я мир	—
118. Людоши плескошь глухая	271
119. Мирооси данник звездный	—
120. В пору когда в вырей	—
121. Тебе поем родун	—
122. Смехлые уста смерть протянула целующая	272
123. За порохом облаком ворог идет	—
124. Смертичь, смертичь, не смеси	—
125. Замужница с замужницей	—
126. Урахающее войско	273
127. Заведка	—
128. Между озера зеркал	—
129. Стая ласточек	—
130. Зарошь	274
131. От Коссова я	—
132. От Грюнвальда	—
133. Мне спойте про девушек	275
134. Немь лукает	—

135. Времышни-камышни	275
136. Я в тебя	—
137. В грезогах соногах	276
138. Пламень леунностей влас.	—
139. Там, где жили свиристели	—
140. И мертвостынь	—
141. Неголи легких дум	277
142. Тебя пою, мой синий сон	—
143. Трепетва	—
144. Водняга	278
145. Белостыня снежных птиц	—
146. Охотник скрытых долей	—
147. Я любоч женьчужностей смеха	279
148. Где ты, изгнанница	—
149. Я восстал, рыдал, плясал	—
150. Поюности рыдальных склонов	—
151. Любил я, стонал я, своей называл	280
152. Зоры-позоры, рыды-навзрыды	—
153. Познал я числа	—
154. Мизинич миг	281
155. Вера, опять то же имя	—
156. Небес хребты	—
157. Отсталость манных доль	282
158. Времянин я	—
159. Снег сон земной	—

Крымские стихи (160 — 170).

160. В мигов нечет	—
161. Я и ты были серы	283
162. Судак	—
163. Падал свет из тени	—
164. Если вы и я себя любите	284
165. Тропочка к морю левее	—
166. Облаки казались алыми усами	—
167. Из лавки доносится: барыш с нами	—
168. Вечер. Тени	285
169. Мы в одеждах сомнений	—
170. Собачка машет хвостиком, лает	—

171. Полно, сивка, видно тра	285
172. Очи Оки	—
173. Гуляет ветренный кистень	286
174. Гевки гевки ветра нету	—
175. Ты богиня молод(ежи)	—
176. Нечеловеческий взгляд месяца	—
177. Какой страстей переворот	—
178. Цветок семи колоколов	—
179. Осинový скук кол	287
180. Зазовь	—
181. И песнь очеретянок	—
182. Бежит, бежит ко мне мой песнемордый зверь	—
183. О, этот меч воинствующего утра	—
184. Ховун	288
185. Но кто он, око темноты	—
186. И если плача высох ком	289
187. Усопшие деды и пращурь	—
188. Печальные белые деди	290
189. Ты была на шумном сборище	—
190. Казак	291
191. Равнець, скажи зачем борель	293
192. Я помню озеро. Бугор	—
193. Я и Саири, мы вместе гуляли	294
194. Памяти И. В. Игнатъева	—
195. Что тот сулил нам мавр заката	—
196. Д. Селегинскому-Петровскому	295
197. Плач Додони	—
198. Бабочки смерти	296
Примечания	
От Редакции	299
Примечания	301